

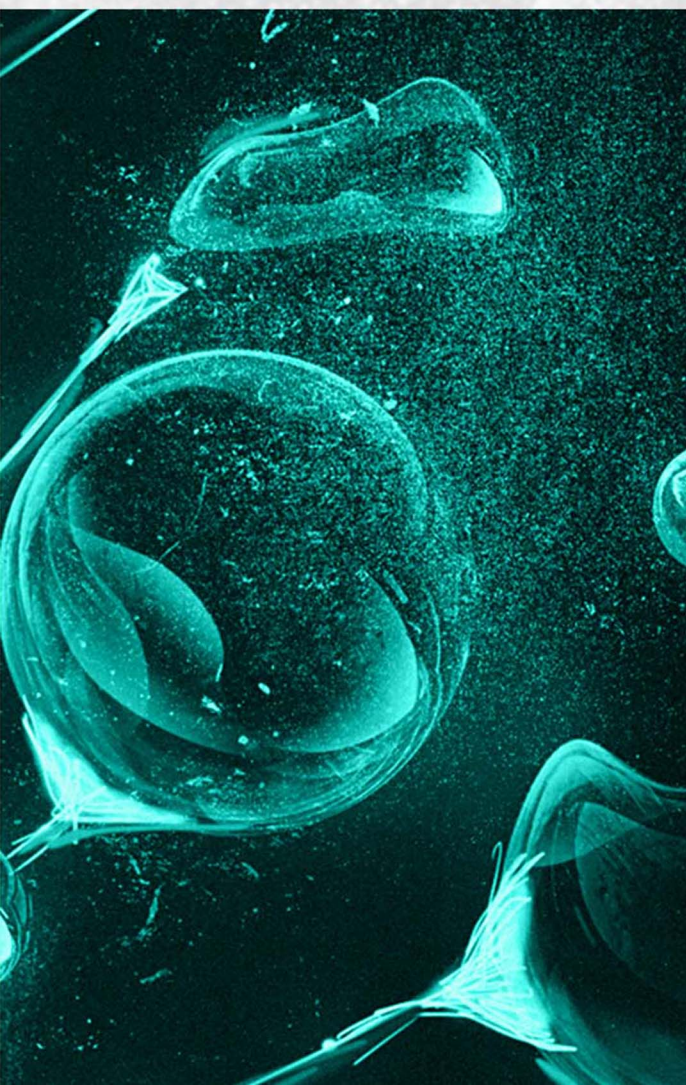

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

ПО МАТЕРИАЛАМ XIX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 ОКТЯБРЯ 2016 Г.

2016 № 10-6
ISSN 2413-0869

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 10, часть 6

Периодический научный сборник

*по материалам
XIX Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 октября 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 10-6

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XIX Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 октября 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, д.ю.н., проф.

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Датий Алексей Васильевич, главный научный сотрудник Московского института государственного управления и права, д.м.н.

Кондрашихин Андрей Борисович, профессор кафедры экономики и менеджмента, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, д.э.н., к.т.н., проф.

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, д-р пед. наук, проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ

Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики, к.с.-х.н., с.н.с., доц.

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, к.с.н.

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Аведова Р.П., Мителева В.И.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА	5
<i>Адилова Ш.Р.</i> МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА США И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ.....	9
<i>Ахметова А.Р.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЭРГОНИМАХ С ЛЕКСЕМОЙ УФА	12
<i>Баматгиреева М.В.</i> СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ...	14
<i>Блинова М.П., Маруневич О.И.</i> ЗНАЧЕНИЕ МОТИВА ТЕНИ В ПОВЕСТИ А. ШАМИССО «УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПЕТЕРА ШЛЕМИЛЯ» И СКАЗКЕ Г.Х. АНДЕРСЕНА «ТЕНЬ»	20
<i>Блинова М.П., Чекалова А.С.</i> МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТИ ДЖОЗЕФА КОНРАДА «СЕРДЦЕ ТЬМЫ»	22
<i>Блинова М.П., Хатамова А.Д.</i> СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ЭКФРАСИСА В РОМАНЕ А. ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ «ФЛАМАНДСКАЯ ДОСКА».....	26
<i>Веденяпина Э.А.</i> ИСТОЧНИК ОПТИМИЗМА ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА	32
<i>Веденяпина Э.А.</i> РОМАН А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»: СКАЗКА ДЛЯ ЦАРЯ	33
<i>Виноградов А.А.</i> К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРАМЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО «КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК».....	38
<i>Виноградов Д.В.</i> КИТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	44
<i>Дреева Д.М., Бетанова Д.А.</i> ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА ГЕНРИХА ГЕЙНЕ	46
<i>Емельянова А.М., Катюхин Д.Н.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО	49
<i>Исаева Л.А.</i> КОННОТАТИВНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАССКАЗАХ М. ЗОЩЕНКО).....	51
<i>Капустина Ю.А.</i> КОМПОЗИЦИОННАЯ РАМКА КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. КУЗМИНА И И. СЕВЕРЯНИНА)	55
<i>Костромина Т.А.</i> СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	57
<i>Крофто А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ АГЕНТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ.....	60
<i>Макоедова Н.В.</i> ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ	62
<i>Максименко Е.Д.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМАТИКИ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО. ДЕТСКАЯ ТЕМА.	64
<i>Макимова М.В.</i> ПЕРЕВОД КАК «ЗЕРКАЛО» КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА	70
<i>Навицкайте Э.А.</i> ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ РЕЦИПИЕНТА В МЕДИАДИСКУРСЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ	73
<i>Навицкайте Э.А.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ.....	76

Невежина Е.А. АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ БЕЛЬГИИ	80
Нурекешова Г.Р. THE PERCULARITIES OF TEACHING GRAMMAR THROUGH GAMES AT THE LESSONS.....	85
Озерова А.К. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЗДРАВЛЕНИЙ XIX И XXI ВЕКА	87
Петрова А.В. ПРОБЛЕМЫ ЭКРАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛОСОФСКОГО РОМАНА У. ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»)	91
Прохорова А.Е. ДЕТЕРМИНАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА «РОССИЯ – АГРЕССОР» В РАМКАХ АНТИРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ИНОСТРАННЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ).....	93
Прохорова К.А. КРИТЕРИИ УСПЕШНОЙ ЭКРАНИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КИНОКАРТИНЫ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВА «СТАРИК И МОРЕ»)	97
Рамазанова Л.Д. К ВОПРОСУ ЭТИМОЛОГИИ ОЙКОНИМОВ АХТЫНСКОГО РАЙОНА ДАГЕСТАНА.....	100
Русланова Ю.В. РУССКИЕ ПРОНОМИНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С УКАЗАТЕЛЬНЫМИ МЕСТОИМЕНЕНИЯМИ	104
Ткачева Ю.Г. СИНТЕЗ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ КАРТИН МИРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ	107
Товсултанова М.Ш. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В РУССКОМ И ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКАХ.....	113
Толстикова Л.В. РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ФОРМИРОВАНИИ СТЕРЕОТИПОВ О РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА). ..	117
Трегубов А.Н. ПОЛИСЕМИЯ С ПОЗИЦИЙ ЭТНОСЕМАНТИКИ	119
Хорошилова С.В. МОТИВ «ПРАВО» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	124
Хорошилова С.В. МОТИВЫ И ОБРАЗЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ	126
Цыбина Н.А. СТЕРЕОТИП РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ.....	129
Чубченко Я.О. «МОРСКИЕ» ИДИОМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	132
Чугунова Э.И., Рунтова Н.В. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	135
Шевелёва А.С. РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «KIDULT» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ).....	138
Шелудько М.И. КРЫМСКИЙ ТЕКСТ А.С. ПУШКИНА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ЯВЛЕНИЯ ФРОНТИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН»).....	141
Шишкина Т.С. РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ ИНТЕРВЬЮЕРА И ИНТЕРВЬЮИРУЕМОГО В ПОСТРОЕНИИ ДИАЛОГА	144
Шныптева К.А., Горяинова Е.Э. СТОЛКНОВЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ МИРОВ В ПОВЕСТИ АНТОНИА ПОГОРЕЛЬСКОГО «ЛАФЕРТОВСКАЯ МАКОВНИЦА»	147
Экомаскин В.А. ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТА.....	151

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Аведова Р.П.

доцент кафедры «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация», канд. филол. наук,
Донской государственный технический университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону

Мителева В.И.

студентка кафедры «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация», Донской государственный технический университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье ставится задача рассмотреть особенности современных технологий в области синхронного перевода. Были проанализированы основные аспекты использования САТ-средств в машинном переводе и обоснована необходимость их применения в процессе перевода. Сделаны некоторые выводы касательно развития искусственного интеллекта и появления различных систем по распознаванию речи, а также проанализированы плюсы и минусы использования машинного устного перевода.

Ключевые слова: синхронный перевод, машинный синхронный перевод, машинный перевод, CAT tools, искусственный интеллект, интеллектуальные системы.

Сегодня мы живем в мире, где никто из нас не может представить свою жизнь без современных технологий. Многофункциональные смарт-гаджеты окружают нас повсюду и стоит отметить тот факт, что современные технические устройства (т.к., мобильные телефоны, компьютеры, смартвотчи) значительно повлияли на сегодняшнее общение и ведение бизнеса. Но как именно повлиял технический прогресс? Какие изменения пришли в переводческую сферу деятельности?

Профессия переводчика обладает долгой историей развития. Первые представители данной профессии появились в далеком прошлом в Шумерской цивилизации. Долгое время считалось, что территория Шумеров была впервые заселена около 4500 лет назад до нашей эры. Вместе с расцветом этой цивилизации, мы можем обнаружить первые упоминания о профессии переводчика [1].

Люди изобрели большое количество гаджетов, которые приносят нам много пользы. Именно поэтому мы используем компьютер, чтобы хранить в нем большой объем информации; мы используем мобильные телефоны, чтобы поддерживать связь с людьми на большом расстоянии – каждый день мы используем большое количество гаджетов. Более того, мы должны признать тот факт, что технологические достижения стали неотъемлемой частью рабочего процесса.

С уверенностью можно сказать, что профессия переводчика прошла через огромное количество изменений со времен её зарождения. Но сегодня

переводчики 21-го века находятся в трудной позиции, потому что, с одной стороны, в результате глобализации растет спрос на данную профессию, с другой, профессиональному переводчику становится все труднее и труднее соответствовать выдвигаемым требованиям.

Считалось, что человек сможет составить конкуренцию машинному переводу, известному так же, как автоматизированный перевод, поскольку некоторые нюансы в процессе перевода с одного языка на другой по автоматическому переводу понять практически невозможно. На протяжении долгого времени никто и не мог подумать, что машинный перевод сможет заменить реального человека по одной причине: заказчик требует высококачественный перевод. Не одно CAT-средство не может выдать перевод подобного уровня, потому что не может принять во внимание все особенности языка. Список рабочих языков продолжает увеличиваться и это становится насущным вопросом. Мы не можем игнорировать тот факт, что сегодня границы между государствами исчезли и каждая компания, которая хочет иметь статус «успешной, и выйти на мировой рынок, не может работать со старым стандартным набором из 4-6 языков. Однако большое распространение получила и другая точка зрения.

Вам когда-нибудь приходилось задумываться над вопросом: «Могут ли достижения технологий в области перевода привести нас к обществу без языковых барьеров?» По мнению Рея Курцвейла, автора большого количества систем по распознаванию речи, машины смогут выполнять перевод на том же уровне, что и человек, к 2029 году. Но он также подчеркивает, что даже самые невероятные технологические прорывы перевода не отменят необходимости изучения иностранных языков. «Даже лучшие переводчики не способны сохранить все нюансы при переводе художественной литературы, – отмечает он. – Некоторые вещи просто невозможно передать на другом языке. Каждый язык – особенный, поэтому чтение литературы в оригинале всегда будет предпочтительнее самого удачного перевода». Курцвейл также отмечает, что обычно немногие люди осваивают больше, чем два-три иностранных языка, а будущие технологии позволят нам повысить собственный интеллект, и изучение языков пойдет гораздо быстрее [2].

Помимо технологий перевода текста в последнее время появилось множество новинок по преобразованию устной речи с одного языка на другой. В одной из своих книг – «The Age of Spiritual Machines» («Эпоха духовных машин») – Курцвейл предсказал, что автоматический устный перевод будет обычным явлением уже к 2019 году. Тем не менее, все зависит от того, какой уровень качества перевода будет необходим заказчику. «Я бы не сказал, что подобная технология в данный момент получила широкое распространение, даже несмотря на то, что соответствующее приложение уже существует. Если в переводе требуется передать все нюансы речи оратора, то здесь эта технология пока вам не поможет». Рей Курцвейл также подтвердил тот факт, что он верит, что к 2029 году компьютеры достигнут уровня живого перевода, однако и перевод, выполненный человеком, также нельзя назвать

идеальным, ведь многие понятия иностранного языка и культурные особенности остаются «непереводимыми» [2].

Нетрудно заметить, что искусственный интеллект широко применяется в современных устройствах и системы по распознаванию речи не исключение. Эрик Азельтин, исследователь в области технологий с многолетним стажем, заявил, что «мы вышли из оцепенения искусственного интеллекта» и вскоре мы будем использовать искусственный интеллект, как «другие технологии», которые у нас есть сегодня и в ближайшем будущем «мы едва ли будем замечать его присутствие». Обеспечение взаимодействия человека и искусственного интеллекта, с момента его изобретения, являлось главной задачей для ученых всего мира. Создание систем для распознавания речи позволяет технике понимать человеческую речь и выполнять запросы или поставленные задачи. Подобная возможность открывает мир совершенно новых взаимодействий и технологий, которые не просто становятся более удобными, но и поразительно быстрыми и совершенными. Подобные системы обладают большим количеством словарей (повседневной лексикой, профессиональными терминами, сленгами и диалектами, постоянным обновлением данных, различными базами языков) и различными компьютерными программами.

Машинный устный перевод является сравнительно новой разработкой, которая объединила в себе две уже существующие технологии: машинный перевод и программное обеспечение по распознаванию голоса. Процесс перевода происходит следующим образом: автоматизированное компьютерное программное обеспечение переводит текст с одного языка на другой [3]. Однако программа начинает переводить и конвертировать речь говорящего сразу, как только услышит первые слова и в этом заключается её главный недостаток. Поэтому перед разработчиками стоит сложная задача: они должны модернизировать данную технологию, поскольку она должна предсказывать и переводить речь говорящего еще до того, как тот закончит говорить. Это будет особенно тяжело сделать в случае с языками, где глагол ставят в конец предложения (например, турецкий и немецкий языки). Следовательно, разработчикам нужно обратить внимание не только на количество словарей, поддерживаемых программой, но и на грамматические особенности языков.

Следует отметить, что подобные технологии уже существуют. Например, известное приложение «Siri» – персональный помощник и вопросно-ответная система, разработанная для iOS. Данное приложение использует обработку естественной речи, чтобы отвечать на вопросы и давать рекомендации. Siri приспосабливается к каждому пользователю индивидуально, изучая его предпочтения в течение долгого времени. Возможно, в будущем данное приложение сможет использовать каждый обладатель iPhone во время международной конференции, ведь уже сегодня Siri поддерживает английский, арабский, голландский, датский, испанский, итальянский, кантонский, китайский, корейский, малайский, немецкий, норвежский, португальский, русский, тайский, турецкий, финский, французский, шведский, японский и другие языки.

Однажды Курцвейл дал оценку работе Франца Оха, который позднее стал создателем приложения Google Translate. Так почему же он обратил свое внимание на работу Оха того времени? «Мне понравился его подход, – отвечает Курцвейл, – который заключался в использовании возможностей отдельных данных для создания интеллектуальных систем». Это показалось ему куда более эффективным, нежели попытки скрупулезно описать все правила грамматики и языковые особенности. А по мере пополнения баз данных качество перевода должно неуклонно расти [2].

Однако могут ли переводческие технологии полностью подменить настоящих устных и письменных переводчиков? Данные технологии не могут заменить целые области человеческой деятельности. Они лишь приходят на смену определенным способам применения этих областей. В качестве примера приведем музыкальную сферу и негативную реакцию музыкальных сообществ на появление синтезаторов в 1980-х годах, что было вызвано страхом профессиональных музыкантов лишиться заработка. Они не только не потеряли возможность зарабатывать, но и сама их профессия эволюционировала. «Сегодня любая музыкальная конференция похожа на съезд специалистов по компьютерам, где представляются многофункциональные музыкальные устройства, с помощью которых можно руководить целым оркестром и делать еще много чего, используя новые технологии. По сути, музыка стала более разнообразной, чем когда-либо, а музыканты очень востребованы» [2].

Так ждет ли переводчиков светлое будущее? Р. Курцвейл предрекает блестящее будущее переводческой индустрии в целом. «Думаю, спрос на устный перевод будет только расти, – говорит он. – Все эти технологические новинки позволят людям посредством машин повысить свой уровень владения иностранными языками».

Мы согласны с тем, что переводчиков ждет прекрасное будущее, но они должны принять новые правила игры 21-го века и осознать тот факт, что машинный перевод и машинный устный перевод стали неотъемлемой частью нашей жизни.

По данным социального опроса на вопрос: «Какие новые технологии будут использовать переводчики в последующие 2 года?» 60% анкетированных сказали «нет» машинному переводу; 19% уже использует CAT средства в работе переводчика; 21% возможно будут использовать машинный перевод в следующие 2 года [5].

В заключении мы можем сказать, что профессия устного переводчика не исчезнет в будущем, поскольку только человек может почувствовать, понять, осознать и перевести маленькие детали, изменения в стиле, особенности речи говорящего во время процесса перевода. Машинный перевод существует уже долгое время и все еще не соответствует стандартам качественного перевода.

Несмотря на прорывы в развитии машинного устного перевода, результат подобных технологий все еще остаётся непредсказуемым. Многие люди уже испытали на себе, насколько неточными и даже бесполезными системы

по распознаванию речи могут быть, если дело касается акцентов и диалектов, постороннего шума и малейшей ошибки в произношении.

Кроме того, необходимо подчеркнуть тот факт, что, в отличие от письменной, человеческая речь непредсказуема, и у современных технологий, несмотря на развитие искусственного интеллекта, все еще отсутствует человеческая интуиция и мышление, чтобы обеспечить полноценное распознавание человеческой речи.

Айзек Азимов, американский писатель и профессор биохимии Бостонского университета, в своей книге «Основание» (1951) поднимает вопрос человеческого поведения. Он утверждает, что, учитывая значительную часть населения, большинство изменений в истории – например, появление горячего – являются статически предсказуемыми. Основываясь на этом, мы можем предсказывать поведение того или иного человека.

Действительно, такая технология, предсказывающая и анализирующая поведение людей, может появиться, и мы сможем применять её в процессе машинного устного перевода. Однако стоит отметить, что она пройдет через многое, перед тем как мы начнем использовать её.

Список литературы

1. Нелюбин Л.Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб.пособие / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хутхуни. – М.:Флинта: МПСИ, 2006. – 416с.
2. Рэй Курцвейл о технологиях устного перевода [эл. ресурс: <http://www.primavista.ru/rus/catalog/rej-kurzvejl-o-tehnologiyah-perevoda>]
3. Developments in Interpreting Technologies – [эл. ресурс: <https://www.linkedin.com/pulse/developments-interpreting-technologies-emma-mas-jones>]
4. Ray Kurzweil on Translation Technology – [эл. ресурс: http://www.huffingtonpost.com/nataly-kelly/ray-kurzweil-on-translati_b_875745.html]
5. Seven predictions and a survey presented at the 19th FIT Conference, San Francisco, August 2011 – [эл. ресурс: <https://www.taus.net/think-tank/articles/event-articles/the-future-for-translators-looks-bright-but-they-will-have-to-reinvent-the-profession-first>]

МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА США И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Адилова Ш.Р.

старший научный сотрудник-соискатель,
Узбекский государственный университет мировых языков,
Узбекистан, г. Ташкент

В данной статье анализируется специфика массовой американской литературы как одна из основных видов массовой культуры и ее. Так же в статье дается краткий обзор жанров массовой литературы.

Ключевые слова: жанр, роман, литература, герой, беллетристика, вестерн, любовный роман.

Литература всегда занимает особое, важное место в жизни людей, и особенно сейчас, в современном мире. Американская литература – одна из богатейших литератур мира. Как бы ни менялся мир, цивилизация, исторические события, великие произведения искусства никогда не утрачивают своего значения. Идейно-художественная ценность творений писателей непреходяща.

История литературы США после второй мировой войны охватывает несколько десятилетий. Этот немалый срок насыщен богатым и разнообразным творческим содержанием, отмечен острой идейно-эстетической борьбой. Сложные процессы общественно-политической и духовной эволюции крупной западной державы во многом обусловили своеобразие проблематики литературных произведений, оказали заметное влияние на мировоззренческие установки их авторов.

В послевоенные годы обнаружились новые, дополнительные грани в художественной практике американского реализма, который был и остаётся главенствующим, наиболее плодотворным началом в прозе США после второй мировой войны, правдиво и глубоко анализирующий современную действительность в её существенных проявлениях и внутренних закономерностях.

Освоение творческого наследия классиков мировой литературы, писателей и философов, всегда будет важной задачей. Лучшие писатели разных стран и народов помогают нам правильно оценить современную реальность, разобраться в закономерностях мирового литературного процесса.

Но вместе с тем для современного литературоведения весьма актуальным представляется изучение произведений «массовой культуры», оказывающей все большее воздействие на умы современных читателей. Вместе с литературой «проблемной» литература «массовая» является составной частью мирового литературного процесса. Поэтому видится необходимым изучение ее специфики, жанровых разновидностей и способов воздействия на массовую аудиторию.

Среди авторов, создающих «массовую литературу» есть такие, которые выделяются своим талантом. К ним относится американский писатель Эрик Сигал, который по праву считается одним из самых популярных представителей литературы США XX века. Он создал не так уж много, но его книги (особенно «История любви») издаются огромными тиражами и пользуются успехом и читателей разного возраста и социального положения, успешно экранизируются. Изучение его творчества позволяет судить о многих характерных особенностях и закономерностях литературного процесса второй половины XX века.

Массовая литература имеет свою систему жанров: Детективы и боевики, фантастика, комиксы, вестерн. В основе жанровой системы лежит определенный набор формул, выделенных еще в 1970-е годы американским исследователем Дж. Кавелти. Под формулами ученый понимал «способы, с помощью которых конкретные культурные темы и стереотипы воплощаются в более универсальных архетипах»[В широком смысле это понятие описывает

функционирование коллективных моделей и мирообразов в тексте культуры, в художественном языке и в отдельном произведении]. Он выделил пять таких формул: приключение, тайна, любовная история, мелодрама, другие существа и состояния.

Жанры массовой литературы – это готовые схемы сюжетного разворачивания, сочетающие в себе несколько формул. Так, боевик реализует формулу приключения и тайны, а если герой сталкивается с инопланетянами, то тут может присутствовать и формула «другие существа и состояния». Впрочем, набор формул Дж.Кавелти не может быть признан исчерпывающим. Наиболее популярными жанрами массовой литературы в США, по мнению А.В.Кукаркина, В.П. Шестако и ряда других ученых, являются детективные романы, триллер и фантастика.

Какова социальная функция «массовой культуры»? Этот вопрос тоже не так прост, как кажется на первый взгляд. Произведения «массовой культуры» потребляются не только малообразованной массой, но и «элитой», которая читает криминальные романы и смотрит бесконечные сентиментальные сериалы. Очевидно, потребность в «массовой культуре» существует объективно. Она помогает в определенной степени снимать психологические нагрузки, расслабляться. Кроме того, читать и смотреть будут то, что в чем-то привлекательно. Понятие художественного мастерства в определенной мере применимо и к «массовой культуре». Другое дело, когда «массовая культура» доминирует, когда она отрицает все действительно умное и эстетически ценное. Когда она полностью подчиняет себе читателя, подавляет его интеллект, убеждает отказаться от собственного мышления и порождает лишь желание развлечься – тогда ее вредное влияние на общество очевидно.

«Массовая культура» – явление сложное. Ее изучение во всем ее многообразии – важная задача современного литературоведения. Нужно лишь избегать упрощений и примитивных оценок.

Конечно, массовая литература – явление не однородное. Иногда произведения массовой культуры затрагивают социальные вопросы, дают определенные положительные знания, наконец, бывает, что и талантливые авторы начинали свой путь именно из массовой литературы. Но эти факты только подчеркивают суррогатный характер произведений массовой литературы и культуры в целом.

Список литературы

1. Кавелти, Дж. Г. Изучение литературных формул (Cawelti J. G. Adventure, mystery and romance: Formula stories as art and popular culture. Chicago, 1976. P: 5-36)
2. Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы. Техника. Бизнес. 2-е изд., доработ. и доп. М., 1985.
3. Лазебникова А.Ю., Савельева О.О., Ерохина Е.В., Захаров А.В. Массовая культура. Учебное пособие для 10-11 классов общеобразовательных учреждений. – М.: Русское слово, 2005.
4. Лики массовой литературы США – М.: Наука, 1991.
5. Шестаков В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры». М. 1988. – С. 11.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЭРГОНИМАХ С ЛЕКСЕМОЙ УФА

Ахметова А.Р.

заведующая кафедрой дополнительного профессионального образования и профсоюзного обучения, ЧОУ ДПО «Институт повышения квалификации профсоюзных кадров», Россия, г. Уфа

«Ономастический бум», наблюдаемый в современном мире, характеризуется развитием «языковой игры», направленной на привлечение внимания потребителя. В статье эргонимы с лексемой *Уфа* рассматриваются с точки зрения актуальных тенденций русского языка.

Ключевые слова: эргонимы, «языковая игра», заимствования, аббревиация, аббревиации, пространственная семантика.

Современная эргонимия представляет собой систему, отражающую актуальные тенденции русского языка. Лингвисты говорят о «языковой моде», которая строится на языковой игре. По словам А.М. Емельяновой, в современном мире эпидемия языковых игр охватила значительную часть носителей языка. «На смену «осторожно-чистой, сверхправильной речи времен тоталитаризма» пришел резко раскрепостившийся, свободный язык нового времени» [1, с. 205].

Мы выделили следующие «модные» тенденции в создании эргонимов с лексемой *Уфа*: использование заимствований; использование компьютерной лексики и Интернет-графики; стремление к экономии речевых средств – аббревиация; ретрономинии; использование прецедентных имен; использование глаголов повелительного наклонения; использование разговорной лексики; использование слов с пространственной семантикой.

– Использование заимствований.

В Уфе заимствования активно используются в названиях магазинов одежды, отелей, продуктов питания, оргтехники, в рекламном бизнесе.

По языку-источнику эргонимы иноязычного происхождения с лексемой *Уфа* делятся на эргонимы-англицизмы и эргонимы-тюркизмы (из башкирского/татарского языка).

Эргонимы-англицизмы с лексемой *Уфа* мы разделили на три группы:

– Названия на английском языке: *UfaPC, UfaPack, Ufa RAP RECORDS, Home Apartament-Ufa, Home HOTEL-Ufa, Ceiling Ufa, Jobufa2014, LEDUFA*.

– Названия, образованные сложением элементов русского и иностранного языка, – графогибриды: *World Class Уфа, Yoga Practika Уфа, BLOSEA Уфа, Hardi Уфа, Real Time Уфа, Heatlife Уфа, Pr агентство Уфы*.

– Названия, представляющие собой русские языковые единицы, оформленные при помощи иноязычной графики (латиницы): *Rabotaufa, Ufaklik, UFA-SPUTNIK, UfaZpravka, Eda24ufa*.

– Названия, представляющие собой английские языковые единицы, оформленные при помощи русской графики (кириллицы): *АФД Кемикалс Уфа, Флорант-Хеми-Уфа, Индастриз-Уфа, ЮТэйр-Уфа, Уфа-Хенс*.

В Уфе отмечается большое количество эргонимов, созданных с помощью башкирских или татарских слов: обувной магазин *Аяк-Уфа* (нога), строительная компания *Уфа-Юл* (дорога), магазин мебели *Уфа-йорт* (дом), магазин оргтехники *Ак-Уфа* (белый). Региональные названия создают неповторимый образ города с национальным колоритом.

– **Использование Интернет-графики.**

Всеобщая информатизация современного общества породила игры с использованием Интернет-графики. Среди эргонимов часто используются интернет-обозначения, оформленные иностранной графикой (латиницей): *Ufa.Prom*, *Avtokresla-ufa.ru*, *Butik-ufa.ru*, *Dress-ufa.ru*, *UfaLavka.ru*. Возможно оформление русской графикой: *ВсяУфаРу*, *Ноутбук Уфа.Ру*.

– **Стремление к экономии речевых средств – аббревиация.**

В конце XX – начале XXI века вновь наблюдается настоящий «ономастический бум», связанный с появлением большого количества деловых, коммерческих, культурных организаций. В научной литературе для обозначения аббревиатурных эргонимов принято использовать термин «абброэргоним», впервые использованный Н.В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии» [2, с. 25].

Для образования абброэргонимов используется смешанный тип аббревиации:

– инициальный тип + элемент *Уфа* (либо элемент *Уфа*+инициальный тип): *ТЭС-Уфа*, *ОИС-Уфа*, *НАИС-Уфа*, *ТМ-Уфа*, *УГТ-Уфа*, *СБТ-Уфа*, *СК-Уфа*;

– основа слова + элемент *Уфа* (либо элемент *Уфа*+основа слова): *УфаСтрой*, *УфаЭлектро*, *УфаВент*, *УфаЛаб*, *Уфаноут*, *УфаТех*, *УфаПласт*;

– сочетание компонента *Уфа* с инициальным типом и основой слова: *БашРТС-Уфа*, *РОСЭК-Уфа*, *РН-УфаНИПИнефть*, *АФД Кемикалс Уфа*;

– словосложение: *Уфа-Сервис*, *Уфа-синтез*, *Персонал-Уфа*, *Уфа-Ковка*;

– телескопия: *ОкРемонт Уфа*, *Youfa*. В названии *ОкРемонт Уфа* элемент *Ок* воспринимается потребителем в 2-х значениях: с одной стороны, это сокращенное слово от «окна», на которых специализируется компания, с другой стороны, – это сокращенное *Ок* от англ. *Okey* («хорошо», «все в порядке»).

– **Ретрономинии.**

Современную Россию захлестнула ностальгия по прошлому, особенно по советскому периоду нашей страны. Об этом свидетельствует огромное количество абброэргонимов, характерных для вывесок времен СССР. Возросший интерес к истории страны позволяет никмейкерам использовать историзмы: *Амбар-Уфа*, *Изба-Уфа*, *Тракт-Уфа*, *Полиграфычъ-Уфа*.

– **Использование прецедентных имен.**

Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в качестве своего рода культурного знака, символа, определенных качеств: *Динамо-Уфа*, *Астория Уфа*, *Мак-Дак Уфа*.

– Использование глаголов повелительного наклонения.

В эргонимах *Кушай Суши Уфа*, *Найди-Уфа* использование формы обращения на «Ты» вводит потребителя в ранг «своего парня». Адресат считает, что именно в его покупке товара или услуги заинтересованы предприниматели. В эргониме *Кушай Суши Уфа* используется еще и прием аллитерации (повторение одинаковых согласных [ш]), позволяющий создать своеобразную легко запоминающуюся скороговорку.

– Использование разговорной лексики.

Переход потребителя в ранг «своего парня» происходит и при использовании разговорной лексики. Яркий тому пример – такие названия, как *Уфимыч*, *Полиграфычъ-Уфа*, созданные по аналогии с просторечными *Михалыч*, *Саныч*, *Палыч* и т.д.

– Использование слов с пространственной семантикой.

Пространственная семантика позволяет подчеркнуть многообразие товара на огромных торговых площадях. В современном нейминге самым востребованным словом пространственной семантики является компонент *мир*, сравнимым с понятием «планета Земля» или «Вселенная»: *Автомир-Уфа*, *Строймир-Уфа*, *Мир права Уфа*. В Интернете среди пользователей развернулась даже игра по сбору таких названий после заметки «Мир дурацких названий» в блоге Артемия Лебедева. Был составлен список из 110 неповторяющихся эргонимов со словом *мир* [3].

Таким образом, при создании эргонимов используется языковая игра, позволяющая привлечь внимание покупателя, эпатировать его необычностью ассоциаций или внешней формой эргонима.

Список литературы

1. Емельянова А.М., Михайлова А.Г. Особенности языковой игры в современных рекламных текстах (На примере рекламных слоганов города Уфы) // Язык города: материалы Международной научно-практической конф., Бийск, 8-9 ноября 2007 г. 2007. 326 с.
2. Этот безумный мир откосов и люстр // Наше время. 2010. №3. URL: <http://nvgazeta.ru.teo.webstroy.ru/consumer/1118.html> (дата обращения: 25.10.2016).
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ
ФОРМИРОВАНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ И
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП**

Баматгиреева М.В.

доцент кафедры русского языка и методики его преподавания,
канд. филол. наук, Чеченский государственный педагогический университет,
Россия, г. Грозный

В данной статье сопоставлены лексемы, дающие представления об обществе, которые показывают, что лексема *общество*, а также сочетания *развитие общества*, *организация общества*, *преобразование общества*; *жизнь*, *законы*, *история общества*, *изучение*

общества; название общества, устав, деятельность, работа общества и др. затрагивают все стороны общественной жизни человека, могут употребляться в книжной и бытовой речи, как бы сохраняя «нейтральную позицию», «нейтральное значение», являясь семантически универсальным репрезентантом понятия «общность людей» и обладая наиболее широкими возможностями использования.

Ключевые слова: когнитивный анализ, концепт, лексема, общность, синонимы, синонимическая аттракция, синонимические ряды.

Любой язык – многоуровневое образование. Он состоит из целого ряда подсистем, каждая из которых включает в себе свою картину мира. Но наибольшими «мировоззренческими» возможностями обладает лексическая система языка. Л.В. Щерба писал: «Достоинство литературного языка определяется степенью сложности системы его средств выражения..., т.е. богатством готовых возможностей выражать разнообразные оттенки» [6, с. 122].

Несомненно, разнообразие стилей, жанров современной русской литературной речи, разнообразие эмоциональных, экспрессивных и иных характеристик и оценок, выражаемых в словах, обусловлены богатством и гибкостью лексики языка, богатством и разнообразием синонимов в его лексико-семантической системе. В своей мыслительной и познавательной деятельности человек пользуется оперативными единицами разной степени сложности. И. А. Стернин выразил идею, согласно которой путем анализа значений и употреблений слов, их сочетаемости, логического анализа обозначаемых ими денотатов можно достаточно просто описать глубинные концепты, локализованные в сознании, опираясь на то, что любой концепт обладает содержанием, которое может быть расчленено на концептуальные признаки, образующие содержание концепта. Причем в концепте могут быть выделены не только отдельные компоненты, но и объединение таких его компонентов, которые имеют тесное концептуальное сходство друг с другом [5].

Таким образом, проанализировать структуру и сущность конкретного концепта или понятия возможно на базе когнитивного анализа, который включает исследование системных значений и лексических единиц, вербализующих соответствующий концепт или понятие.

Слова, близкие или тождественные по своему значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения (близкие), либо стилистической окраской (тождественные), либо обоими этими признаками, обычно называют *синонимами*. Автор «Словаря синонимов русского языка» З.Е. Александрова представляет синонимию достаточно широко, включив в словарь наряду с общелитературными синонимами большое количество слов и словосочетаний (лексем и фразеологизмов), относящихся к разговорной, просторечной, народно-поэтической и устарелой лексике. Так, «синонимами считаются слова, выражающие одно и то же понятие, тождественные и близкие по значению, отличающиеся друг от друга оттенками значения, принадлежностью к тому или иному стилистическому слою языка и экспрессивной окраской. Кроме того, синонимы должны иметь хотя бы частично совпадающую сочетаемость, т.к. только в этом случае они спо-

способны замещать друг друга в реальных языковых контекстах» [1].

Язык содержит множество слов и словосочетаний, стоящих на грани двух стилистических слоев. Сами эти границы, и прежде всего грань, отделяющая нейтральные слова от разговорных и разговорные слова от просторечных, чрезвычайно подвижны. Изменения происходят каждое десятилетие, если не чаще. Во многих языках в течение XX века наблюдался переход просторечных и даже грубо-просторечных слов и выражений в разговорные. Поэтому стилистические пометы не следует считать директивными [1]. При таком широком понимании «близости» значения были включены в синонимические ряды слова и словосочетания, являющиеся скорее «семантическим замещениями», чем синонимами в традиционном понимании.

По мнению А.П. Евгеньевой, «если рассматривать лексический состав языка на всем протяжении его исторического развития от древнейших памятников письменности до наших дней, а также включать в рассмотрение лексику всех областных говоров языка, лексику всех узкоспециальных областей науки и техники, ремесел и т.д., а также привлекать жаргонную лексику, то количество слов с тождественными и близкими значениями будет чрезвычайно велико», и «слова этих категорий синонимами не являются» [3].

Синонимы – слова, обозначающие одно и то же понятие, следовательно, «тождественные и близкие по значению», а при таком условии есть возможность не отдаляться от главного в изучаемом объекте. Автором словаря показано современное состояние синонимических связей и отношений в словарном составе русского литературного языка, и поэтому в него не включаются областные, профессиональные, жаргонные и устарелые слова.

Рассмотрим способность лексемы **общность** к синонимической аттракции (англ. attraction – притяжение, тяготение) на материале русского языка.

З.Е. Александрова синонимию лексемы **общность** представляет следующим образом: *общность* см. *одинаковость* (общность, совпадение, равенство, тождество (тожество), тождественность (тожественность); идентичность, одноприродность (книжн.) не совпадает по смыслу со значением, данным в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, которые под **общностью** понимают «совокупность, единство, целостность», а **одинаковость** означает «такой же, вполне сходный» [4]. **Единство** предполагает некое единение – тесную связь, приводящую к сплоченности и ассоциируется с такими понятиями, как объединение, союз, группа.

В словаре синонимов русского языка З.Е. Александровой синонимия лексемы **группа** представлена следующим образом: *Группа* I. см. *Коллектив*: группа; товарищество: 1 см. *дружба*: дружеские (или товарищеские, приятельские, близкие, короткие) отношения, приятельство (разг.), корешкование (прост.), дружество (устар.); 2 см. *объединение* (1); 3. см. *коллектив*; II. см. **Объединение** (1): 1) организация, союз, ассоциация, содружество; альянс (книжн.) / *нескольких организаций, государств*: федерация / *партий, государств*: блок, коалиция / *государств или отдельных лиц в общественно-политических целях*: лига / *отдельных лиц в различных целях*: группа, группировка

ровка (см. объединение), общество // *небольшое*: кружок // *по профессиональным, сословным и т.п. признакам*: замкнутая группа, корпорация // *по политическим взглядам или духовной близости*: братство, товарищество; 2) сплочение, консолидация; 3) слияние, соединение, интеграция (книжн.); слитие (устар.); III. см. *Категория*.

Синонимы лексемы **группировать** см. **объединять** (1): 1. организовать, организовывать, группировать, сгруппировывать, собирать воедино; 2. сплачивать, цементировать, консолидировать; единить (устар.); 3. сливать, сплавлять, соединять; интегрировать (книжн.).

В словаре синонимов русского языка А.П. Евгеньевой лексема **группа** перефразирована глаголом, имеющим значение «распределять на классы, разряды, группы по каким-либо отличительным признакам»: **группировать** – разделять на группы по каким-либо признакам, не только внутренним, но и внешним, обычно для удобства рассмотрения, с целью обобщения и т.д.

Автор выделяет два ряда синонимов, имеющие значение: 1. собрать кого-что-либо вместе; образовать нечто целое из каких-либо отдельных единиц, элементов – *объединить, соединить, слить, свести* (слово *свести* употребляется только в конструкции *свести что*); 2. создать между кем-либо, чем-либо прочную связь, единство – *объединить, соединить, связать, сплотить, спаять, цементировать, сковать* (слова *объединить, соединить* и *связать* указывают на сближение людей не только на основании их душевных склонностей, общности взглядов, интересов, но и в силу каких-либо внешних обстоятельств, условий; *сплотить, спаять, цементировать* и *сковать* подчеркивают полное единство, единодушие, тесную, неразрывную связь между людьми сходных убеждений, взглядов и т.п., эти слова, а особенно *цементировать* и *сковать*, имеют несколько образный характер, употребляются преимущественно в литературно-книжной речи).

Если в словаре синонимов Александровой **объединение** представлено 22 синонимами, то в словаре синонимов Евгеньевой лексема **объединение** имеет два ряда синонимов, состоящие из 11 слов. К первому ряду З.Е. Александра относит синонимы *объединение, союз, блок, ассоциация, федерация, коалиция* как «группы отдельных лиц, учреждений, государств и т.д., объединенных какими-либо общими целями, задачами». Слова *союз* и *блок* указывают на тесное единство, связанное с сотрудничеством на почве общих интересов, целей; *ассоциация* – крупное объединение, часто международного характера; *федерация* – объединение, включающее несколько организаций, обществ и т.д.; *коалиция* – военный союз двух или нескольких государств, а также объединение государств, партий и т.д.; все эти слова входят в целый ряд названий обществ, организаций, партий. В близких значениях используются слова *организация* и *общество*; слово *уния* употребляется по отношению к некоторым определенным государственным и религиозно политическим союзам (*Церковная уния*). Ко второму ряду автор относит синонимы *союз, альянс* – «объединение, основанное на чем-либо, соглашение, заключенное на какой-либо основе», и отмечает, что слово *альянс* употребляется реже, преимущественно в речи шутливо-иронического характера.

Сопоставление презентации синонимов в словарях Александровой и Евгеньевой показывает, что теоретические значения первого словаря, в отличие от второго, не позволяют четко охарактеризовать наиболее существенные, стабильные понятия, но дают возможность проследить динамические аспекты исследуемого понятия. Так, если в словаре А.П. Евгеньевой под **организацией** (см. *объединение*) авторы представляют «объединение людей, общественных групп или государств, предполагающее четкую структуру, общую определенную программу действий и т.п.», то в словаре З.Е. Александровой **организация**, помимо *объединения* (см.), – это 1. *основание, создание, учреждение, образование, устройство, налаживание, строительство*; 2. см. *собранность*.

Корень *общ-* передает значимые для нашего исследования семы и входит в единицу *общество*, наряду с единицами *общность*, *общий*. А.П. Евгеньева под **обществом** представляет «объединение, цели и задачи которого ограничены какой-либо сферой общественно-политической жизни и т.п.» (в XIX в. наряду с указанным значением слово *общество* употребляется в значении, совпадающем с современным значением слова *организация*), под словами *среда*, *окружение*, *сфера* – окружающее общество и обстановка, условия, в которых протекает чья-либо жизнь (слова *среда* и *окружение* указывают преимущественно на окружающее общество, а слово *сфера* – на окружающую обстановку, условия существования кого-либо); слова *круг*, *сфера*, *мир* имеют книжный характер и обозначают совокупность лиц, образующих отдельную общественную группировку на основе общности социального положения или профессиональных интересов, занятий и т.п.

В представлении З.Е. Александровой **общество** – это 1. социум (книжн.); 2. (Высший) свет (устар.); 3. см. *Объединение* (1); 4. см. *Компания*: общество; братия, команда, теплая компания (разг. шутол. и ирон.); шатия, шатия-братия, шайка-лейка, бражка, компа, компашка (прост.); честная компания (устар.); 5. см. *Среда*: круг, окружение, общество; антураж (устар.).

Совокупность нескольких, многих лиц, а также группу лиц, объединенных какими-либо общими признаками, авторы обоих словарей обозначают также словами *народ*, *люди*, *публика* (разг.), *люде* (разг.). Слова *народ*, *публика*, *люде* имеют собирательное значение; при употреблении по отношению к группе лиц, объединенных какими-либо признаками, слово *народ* приобретает разговорный характер; слово *люди* употребляется в значении мн.ч. к слову *человек*, а также по отношению к лицам, используемым в каком-либо деле, особенно по отношению к личному составу военных частей, подразделений; *публика* употребляется для обозначения группы людей, объединенных любыми признаками, *люде* – для обозначения группы людей, объединенных общностью социальных, профессиональных, территориальных и т.п. признаков. В XIX в. в качестве синонима употребляется слово *миряне*. Ср. *нация* [3].

Словами *нация*, *национальность*, *народ* называют устойчивое объединение людей, исторически сложившееся в период становления капитализма и позднее на базе общности языка, территории и психического склада, прояв-

ляющегося в общности культуры. *Нация* – основное слово для выражения значения, являющееся терминологическим; слова *национальность* и *народ* (чаще мн. *народы*) употребляются в литературно-книжной речи, слово *народ* – обычно с оттенком приподнятости, торжественности. В XIX в. в качестве синонимов употреблялись слова *язык* и *племя*, последнее в современном языке употребляются иногда в торжественной, приподнятой книжной речи [3]. Слово *этнос* в данных словарях вообще не отмечено.

По данным словаря Александровой *люди* – это 1. народ; люд (разг.); миряне (устар.); человеки (устар. и шутл.); 2. см. *Кадры*; люди (разг.) / в учреждении: штат, штаты, аппарат, персонал, личный состав; 3. см. *Слуги*: прислуга; люди (устар.) / в *барском доме*: челядь (устар.); 4. см. *Человечество*: люди, род людской (или человеческий: человеческий (разг.)); потомки (или сыны) Адама, сыны Земли (книжн.); гуманизм: гуманность, человечность (устар.), человеколюбие; человечество (устар.). А *народ* – это 1. трудящиеся, (трудящиеся или народные) массы; низы (разг.); демос (книжн.); 2. см. *Население*: жители, обитатели / *страны, государства*: народонаселение, народ. Обыватель (устар.); 3. см. *Нация*: национальность, народ, племя; язык (устар.); 4. см. *Люди*.

Таким образом, значения лексемы *общность*, связаны с основными значениями слов, выраженных существительными *совокупность, группа* (чем-либо объединенная) и, следовательно, глаголами *объединять, группировать*.

«При изучении картины мира, отраженной в языке народа, весьма эффективными являются методы теории семантического поля и идеографических классификаций лексики... Лингвистику и этнографию роднит уже сам подход к народной культуре. ...Задача, стоящая перед лингвистом, – построить лексическую систему определенных наименований того или иного диалекта, говора, наречия, смоделировать ее во всех звеньях» [2, с. 63]. Лексико-семантическая группа (ЛСГ) является самой обширной по объему своих членов организации слов, которая объединена базовым семантическим компонентом. Синонимия дает широкие возможности точного выбора лексических средств в русском языке, а стилистический аспект и обилие синонимов требуют вдумчивой оценки с точки зрения употребления (мотивированности) их в книжной и разговорной речи.

Список литературы

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. – 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.
2. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Файл формата djvu. размером 9,17 МБ. ... М.: Академия, 2001.
3. Евгеньева А.П. (ред.) Словарь синонимов русского языка в 2 томах. – М.: Русский язык, 2001. 568 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. ... – М.: Астрель: АСТ, 2001. 947 с.
5. Стернин И.А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации: Когнитивный аспект: Межвуз. сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – Вып. 2. С. 69-75.
6. Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 110-129.

ЗНАЧЕНИЕ МОТИВА ТЕНИ В ПОВЕСТИ А. ШАМИССО «УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПЕТЕРА ШЛЕМИЛЯ» И СКАЗКЕ Г.Х. АНДЕРСЕНА «ТЕНЬ»

Блинова М.П.

доцент кафедры зарубежной литературы и сравнит. культуроведения,
канд. филол. наук, Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар

Маруневич О.И.

студентка филологического факультета,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье в сопоставительном аспекте рассматривается значение мотива тени в двух произведениях: «Удивительной истории Петера Шлемиля» А. Шамиссо и «Тени» Г.Х. Андерсена. Данных писателей объединяет романтическая трактовка указанного мотива: тень показывает двойственность души героев и их противопоставленность окружающему миру, а также позволяет символически представить общественные ценности.

Ключевые слова: мотив, тень, архетип, романтизм, Юнг.

Мотив тени связана с одним из архетипов, которые выделил К. Г. Юнг, – это темная стороны личности, свойственная каждому. Ученый считал этот архетип животным наследием – собранием аморальных, неистовых желаний, мыслей и поступков, которые абсолютно неприемлемы для социума или идут вразрез с идеалами самого человека [1]. Каждый индивид обладает собственной Тенью. Она несет в себе прошлое, сохраняет примитивные желания и агрессивные влечения. Однако теневая сторона личности, как правило, вытесняется, подавляется, вместе с тем она подталкивает нас к действиям, которые в обычном состоянии никогда себе не позволим. Иногда Тень может мирно сосуществовать с Персоной (определенный образ, который мы создаем в процессе становления личности, когда учимся понимать, что плохо, а что хорошо [1]), однако Юнг писал, что если человеком владеет тень, то он стоит у себя на пути [1]. Она постоянно напоминает нам о собственном бессилии и беспомощности перед кем-то или чем-то. Но тень – это не только обратное отражение Персоны, но и источник творчества. Уходя корнями в коллективное бессознательное, Тень может дать человеку доступ к информации или образам, которые не может получить Персона. Все это объясняет притягательность образа тени, присутствующего в творчестве многих писателей. В частности, именно мотив тени объединяет произведения А.Шамиссо и Г.Х.Андерсена.

В 1813 году Альберт фон Шамиссо создал по мотивам датского фольклора романтическую сказку «Необыкновенная история Петера Шлемиля» (в другой переводческой интерпретации – «Удивительная история Петера Шлемиля»). Начинается произведение в форме записки, точнее письма А. Шамиссо своему другу. Здесь мы узнаем о человеке по имени Петер Шле-

милль. Имя главного героя является «говорящим»: слово «шлемилль или вернее шлемиель», в переводе с еврейского языка буквально означающее «любящий бога» или «любимый богом» [2]. В обиходной речи евреев это имя служит для обозначения неловких или неудачливых людей, которым в жизни не везет. Такой Шлемилль «ломает палец, сунув его в жилетный карман» [2], «падает навзничь и ухитряется сломать себе переносицу» [2]. К началу 19 века это имя приобрело жаргонную окраску и проникло в немецкий язык со значением «горемыка», «растяпа», «бедолага» [2], что и является ключом к интерпретации всего образа.

Некий бедняк Петер Шлемилль приезжает к богачу с рекомендательным письмом и попадает на настоящее «пиршество», где встречает «его», человека в сером рединготе, который вытворяет всякие диковинные вещи. Впоследствии выясняется, что это не кто иной, как сам дьявол. Он предлагает герою кошелек Фортуната, в котором никогда не заканчиваются деньги. Петер Шлемилль с радостью соглашается, но вскоре сожалеет об этом. Он хочет вернуть тень, но демон просит душу в обмен на нее. Много горестей претерпевает Шлемилль из-за отсутствия такой «ненужной вещи». Что заставило главного героя так поступить, понятно: он был беден и стремился наладить материальное положение, добиться уважения людей с помощью денег. Но почему же то, что многие не замечают и чему не придают никакого значения, становится таким важным в момент исчезновения этого? Отсутствие тени символизирует потерю себя, собственного достоинства и лучших человеческих качеств, ведь она, несмотря на свою «темную сторону», дополняет человека, делает его целым, помогает быть самим собой и в данном случае еще и может принести счастье, а именно, остаться герою со своей возлюбленной Минной.

Если раньше Шлемилль мог быть при свете дня, то после потери тени он стал появляться на людях только ночью. Трудности в общении с людьми делают жизнь героя еще более невыносимой. И в финале дана иронически поучительная фраза: «...если хочешь жить среди людей, запомни, что прежде всего тень, а затем – деньги» [3, с.75]. Итак, в данном произведении тень символизирует не только скрытую сторону души героя, которую он продает, но и общественное мнение, внешний образ, соответствующий принятым среди людей стандартам. Так, мотив тени служит своеобразным средством характеристики не только героя, но и общества и реализуется в рамках собственного романтизму двоемирия.

Г.Х. Андерсен использовал тот же мотив, но в истории датского писателя главный герой изначально является ученым. Он живет отшельником в большом городе, много лет пишет «книгу об истине, добре и красоте» [4]. Однажды герой слышит замечательную музыку в доме напротив и жалеет, что не может узнать, кто это поет, и случайно посылает свою тень туда. Она отделяется от ученого и начинает жить самостоятельно – через этот сюжетный ход Андерсен показывает расщепление души героя, который не может довольствоваться существованием аскета и стремится к удовольствиям мира. Через несколько лет Тень приходит к хозяину уже богатым человеком и тре-

бует, чтобы тенью стал ученый. Оригинал и копия словно меняются местами, и тем самым писатель стремится показать власть денег в обществе и презрительное отношение людей к науке и к духовности в целом. Именно поэтому финал сказки трагичен.

В целом в данном произведении Тень – это юнгианская «теневая» сторона души героя, которая берет над ним верх. Именно за счет введения мотива тени писателю удалось показать сложность внутреннего мира человека, столкновение в нем противоположных тенденций и стремлений.

Таким образом, обоих авторов объединяет романтическое истолкование мотива тени – это стремление к своеобразному символическому психологизму, воплощение скрытых желаний героев в образе Тени, двойственности и человеческой души, и мира в целом. Но к данному юнгианскому толкованию добавляется социальное: тень – это и индикатор ценностей общества, главные из которых – деньги и репутация. Герои и Шамиссо, и Андерсена не выдержали искушения, отсюда и трагичность финалов в обоих произведениях.

Список литературы

1. Кто такая тень (Архетипы по Юнгу). URL: www.psypractica.ru/2012/07/ten/ (дата обращения: 20 мая 2016).
2. Миронова Г. Проблема интерпретации сюжета о человеке без тени в творчестве А. фон Шамиссо, Г.К. Андерсена и Е.Л. Шварца // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2014. № 1(4). С. 59-71.
3. Шамиссо А. Избранное. М.: Художественная литература, 1974. 77 с.
4. Хранители сказок (Собрание авторских и народных сказок). Сказки Андерсена Г.Х. Тень. URL: <http://hobbitaniya.ru/andersen/andersen141.php> (дата обращения: 20 мая 2016).

МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТИ ДЖОЗЕФА КОНРАДА «СЕРДЦЕ ТЬМЫ»

Блинова М.П.

доцент кафедры зарубежной литературы и сравнит. культуроведения,
канд. филол. наук, Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар

Чекалова А.С.

магистрант кафедры зарубежной литературы и сравнит. культуроведения,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Ключевой в статье является проблема понимания мифопоэтического пространства и его структуры в повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы», что помогает в интерпретации многосложного художественного целого, а также его отдельных элементов, мотивов и символов. Такой подход позволяет показать путь главного героя как символическое движение навстречу своему архетипу Тени и проследить постепенное погружение в стихию бессознательного, замещение внешнего пространства внутренним.

Ключевые слова: культура, мифопоэтическое пространство, символ, трансформация, архетип.

Мифопоэтическое пространство неотделимо от предметов, его наполняющих, и от времени, в котором они пребывают, а также от взаимосвязи этих составляющих. Пространству надлежит быть познанным, пройденным и освященным, для чего эпический, сказочный, литературный герой проделывает путь – не путешествие, но миссию, и каждый шаг его символичен и не случаен. Некий сакральный символ должен быть доставлен в центр пространства и являться целью для героя, чтобы он мог встать на более высокой духовной ступени, найти путь к Спасению и перейти от мира старого к миру Новому.

Такой символический путь проделывает и Чарли Марлоу, герой повести Джозефа Конрада «Сердце Тьмы».

На уровне сюжета перед нами рассказ моряка о его путешествии в глубь экваториальной Африки, на торговую станцию европейской компании, чтобы забрать скопившийся там товар – слоновую кость – и вывезти оттуда больного агента компании, мистера Куртца. В то же время сама структура сюжета, как отмечает М.П. Блинова, может быть связана с архетипическим подтекстом произведения: «Являясь содержанием бессознательного слоя авторской субъективности, архетипы проявляются внутри текста на уровне архитектоники произведения как постоянные сюжетные элементы и как тип построения сюжета» [1, с. 12]. Именно поэтому повесть может быть прочитана не только как рассказ о приключениях Марлоу в сердце Африки, ее отличает такая сложность организации, что повествование воспринимается одновременно и как философское произведение, к тому же дающее возможность для прямо противоположных, взаимоисключающих прочтений.

Первоначальный образ простого моряка меняется по ходу повествования. Марлоу, благодаря вынужденной остановке в самом начале повести, разворачивает перед командой, читателем, перед самим собой, наконец, не только полотно прошлого, но он погружает и погружается в неизведанные глубины человеческого сердца, где царят Тьма и инстинкты. И Джозеф Конрад талантливо исследует Человека, его душу, в условиях, которые возвращают его к корням, к дикой и кровожадной природе.

Тем самым сакральным путем, испытывающим героя, становится река, которая в сознании Марлоу сначала является лишь гидронимом, а не символом. Но именно водная стихия ему ближе всего, поэтому малейшее изменение этого пространства не остается без внимания. К тому же река издавна несет в себе мощное мифологическое значение. Например, река символизирует собой очищение и движение к какой-то святыне, духовной пище [3]. И не просто так Марлоу сравнивает всякого моряка, коим сам является, с Великим бродягой или Рыцарем. Можно провести аналогию, например, с самым популярным сюжетом английской средневековой литературы (Марлоу – англичанин) о короле Артуре и его рыцарях Круглого Стола, искавших Святой Грааль. Или же вспомнить еще одного «бессмертного» рыцаря – Дон Кихота, который стремился к идеалу, преодолевая все препятствия на своем пути.

В первой части повести Марлоу, у которого не было еще четкой установки, казалось, что судно, кстати, не принадлежавшее ему, стоит на месте.

Даже берег выглядел нечетким, «расплывчатым, словно еще недоделанным», «подернутым ползучим туманом» [2, с. 18]. Однако даже сквозь эту пелену ему уже слышится странный шепот: «Приди и разгадай!» [2, с. 18]. Это река говорит с Марлоу. Но пока он не понимает значения этих слов, он медленно плывет через стоячую воду и ему кажется, что «природа старается преградить путь незванным гостям» [2, с. 20]. Однако интуитивно он выбирает нужное направление и цель, и тогда, незадолго до того, как Марлоу впервые услышит о мистере Куртце и его непрекращающейся охоте за слоновой костью, он находит устье большой реки. С этого и начинается путь самопознания и трансформаций. Так, герой начинает ощущать, постигать мир и природу, а значит, и себя как ее часть.

Интересно то, что собственный пароход Марлоу, на котором он отправится к сердцу тьмы, сначала затонул, а потом был поднят со дна реки и отремонтирован (Воскресение). Сперва Марлоу говорит, что судно «погибло», он воспринимает его как нечто живое, возможно, как часть себя (как обряд инициации). Следовательно, корабль тоже является символом. В литературе чаще всего судно как раз ассоциируется с душой человека. И получается, что не только пароходу требовался ремонт, но и самому моряку. Так, через убогость и «неполноценность» судна мы видим и внутреннее несовершенство, и дисгармонию героя. На это также указывает то, что судно никак не названо (в отличие от яхты «Нелли», на которой Марлоу рассказывает свою историю), а имя, как известно, во многих культурах является определением человеческой сущности. Марлоу упорно восстанавливает свое судно, а значит, он намерен закончить путешествие, т.е. достичь высокой духовной ступени.

И пока Марлоу плывет, он задает себе вопросы и постепенно формулирует свою цель – он хочет поговорить с таинственным мистером Куртцем. Услышать его Слово, т.е. найти своего Бога. Заметим, что чем ближе Марлоу к нему и к познанию, тем опаснее становится его путь. Река то мелеет, то скрывает под своими водами коряги, из-за которых снова может затонуть судно, то и вовсе требует крови.

Также во время плаванья Марлоу обращает внимание на то, что «слова «слоновая кость» звенели в воздухе, звучали в шепоте и вздохах», и делает такой вывод: «Можно было подумать, что они обращаются к ней с молитвами» [2, с. 32-33]. Слоновая кость является одним из ключевых образов повести. Она символизирует неприступность и, кроме того, женский принцип [3]. В христианстве означает Деву Марию, чистоту, неподкупность и моральную силу [3]. И парадоксально то, что искать ее приходится в «царстве тьмы». Мы можем понимать это как метафору мира в целом или души человека, который даже во тьме ищет свет.

Мистер Куртц также неотделим от этого символа, он добывает кость больше, чем остальные агенты, он ищет ее в самой опасной части страны. Однако Любопытны следующие слова главного героя: «Слыхали бы вы, как он говорил: Моя слоновая кость!» О, я его слышал! «Моя нареченная [тот самый женский принцип], моя слоновая кость, моя станция, моя река, мое...» Все принадлежало ему. Затаив дыхание, я ждал, что глушь разразится жут-

ким раскатистым смехом, от которого звезды содрогнутся на небе. Все принадлежало ему, но суть была не в этом. Важно было знать, кому принадлежал он, какие силы тьмы предъявляли на него свои права» [2, с. 67]. Т.е. на самом деле, мистер Куртц является не Богом, а порождением Тьмы. Можно предположить, что Конрад тем самым хочет показать, что Марлоу нужно искать истину не в Слове Куртца, который ошибся в выборе, променяв невесту (настоящую слоновую кость) на власть, заключив «сделку» с тьмой.

Отдельно стоит сказать о том, что автор не просто доставляет своего героя из некой точки А в некую точку В. Джозеф Конрад тщательно и тонко прописывает каждое изменение на уровне пейзажа и на уровне души человека во время плавания к сердцу тьмы. Между ними ясно прослеживается параллель, и это помогает читателю лучше и полнее понять весь психологизм повести. Описывая пейзаж, Конрад закладывает в него символическое значение, и к определенному моменту мы уже не отделяем персонажей от той обстановки, в которой они находятся, потому что в этом нет ничего случайного.

Пониманию этого способствует цветопись и звукопись в повести. Конрад часто использует прием градации (восходящей и нисходящей) или контраста. На каждом новом отрезке пути пейзаж становится все более пессимистичным, природа агрессивнее настроена на самонадеянного человека: «Приближение к Куртцу, добывающему слоновую кость в этих проклятых зарослях, было сопряжено с такими опасностями, словно мы ехали к зачарованной принцессе, спящей в сказочном замке» [2, с. 59].

От городской, конторской серости автор подводит нас к «дремучести», абсолютной темноте, т.е. к ее первозданному состоянию, к хаосу. Цвета становятся насыщеннее, смутные очертания приобретают тяжесть, вес, а шепот переходит то в страшный вой, крик или бой барабанов, то в давящую тишину. Герою, как и читателю, становится тревожнее. Серость тумана переходит в сумерки, в самих сумерках скрываются тени, а лесной массив подавляет и окружает со всех сторон, тем самым делая тьму более «концентрированной». И чем мрачнее становится вокруг (хотя солнце изредка и появляется, оно лишь создает тень, т.е. в данном случае как бы способствует нарастанию тьмы), тем глубже Марлоу уходит в себя. В конце концов, он становится ближе к Куртцу, а значит, и к нахождению своей слоновой кости. Тьма тоже является амбивалентным символом: это не только антипод Света как божественного, но и подсознание человека, его скрытые возможности и подчиненные чувства. Плюс это еще раз доказывает, как тесно связан герой с внешним миром.

Стоит отметить, что образ тьмы отсылает к юнгианскому архетипу тени, который проходит через весь текст. Юнг определяет его как интуитивную, личностную и наиболее зловещую часть души, которую часто в себе подавляют. Однако он пришел к выводу, что бесполезно отрицать Тень, человек должен найти способы жить темной стороной своей личности [4, с. 17-20].

И в третьей, заключительной, части герой наконец достигает сердца тьмы, чтобы оказаться наедине со своим абстрактным ужасом, и это под-

тверждает то, что Марлоу стремится к целостности своей личности, к примирению со своим бессознательным.

Таким образом, природные явления в повести Конрада играют огромную роль, и это проявляется буквально с первой страницы. Пейзаж тоже становится отражением внутреннего состояния героев и местом для их испытания, тем самым мифопоэтическим пространством. И если вернуться к самому началу повести, к «реальному времени», то становится понятно, почему команда видит в Марлоу «проповедующего Будду» [2, с. 9], «погруженного в созерцание» [2, с. 105]. Он познает мифопоэтическое пространство и проходит его, претерпев вместе с ним ряд превращений, и обретает Знание – ту самую слоновую кость.

Список литературы

1. Блинова М.П. Мортальный сюжет в нравственно-философском пространстве малой постмодернистской прозы: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 25 с.
2. Конрад Дж. Избранные произведения в двух томах. Том 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959 г.
3. Тресиддер Д. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/index.php (дата обращения: 23.10.2016).
4. Юнг К.Г. Эон: Исследования о символической самости / Пер. с нем. В.М. Бакусева. М.: Академический Проект, 2009. – 340 с.

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ЭКФРАСИСА В РОМАНЕ А. ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ «ФЛАМАНДСКАЯ ДОСКА»

Блинова М.П.

доцент кафедры зарубежной литературы и сравнит. культуроведения,
канд. филол. наук, Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар

Хатамова А.Д.

студентка филологического факультета,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются особенности использования автором разных типов экфрасиса и определяются их функции. Живописный, скульптурный, музыкальный экфрасисы становятся средствами характеристики героев, создания особой атмосферы действия и раскрытия авторского замысла. Центральный экфрасис, являясь сюжетообразующим, становится также особым способом организации нелинейности повествования.

Ключевые слова: экфрасис, нелинейность, сюжет, лейтмотив, Перес-Реверте.

Сущность и роль экфрасисов в тексте – тема сравнительно новая для современного литературоведения, как замечает А.Коваленко, «не очерчены ясно и границы понятия» [2], хотя использование экфрасисов как «поэтических описаний скульптурного или живописного искусства» [1, с. 13] может стать важным аспектом анализа произведения, поскольку позволяет выявить специфику авторской художественной модели.

Так, экфрасис становится сюжетообразующим началом романа испанского писателя XXI века Артуро Переса-Реверте «Фламандская доска». Помимо главного живописного экфрасиса – изображения картины «Игра в шахматы», в произведении присутствует и музыкальный: на протяжении всей истории героев романа сопровождает музыка, преимущественно классика и джаз, причем это нельзя считать просто фоном событий.

Мы слышим, как в квартире Хулии почти всегда играет джаз, мелодичный, завораживающий, сильный, он словно повторяет характер главной героини, но о нём практически ничего не говорят. По-другому сложилась история с Бахом, его мелодии становятся участниками событий, через них объясняются сложные процессы самой жизни и именно они участвуют в решении загадок главной картины произведения: «Кажется, я уже говорил вам, что Иоганн Себастьян был хитрецом и любителем расставлять ловушки. Его произведения полны таких ловушек. Как будто время от времени та или иная нота, модуляция или пауза говорят нам: «Во мне заключено послание, постарайся понять его» / – Как в этой картине, – сказал Муньос» [3, с. 272]. Бах становится прототипом Ван Гюйса, только в кругах музыкантов, таким же любителем загадок и мистификаций. Поэтому произведения Баха сопровождают историю с разгадыванием тайны надписи «Кто убил рыцаря?», являясь своеобразным рефреном.

Лейтмотивом повествования становится скульптурный экфрасис – образ трёх фигурок работы Бустелли. Они появляются в самом начале, в главе, названной их именами, на витрине антикварного магазинчика, где занимают совсем маленькое место, но именно на них Перес-Реверте делает акцент: «А среди них – три изящные фарфоровые, расписанные вручную фигурки работы Бустелли: Лусинда, Октавио и Скарамучча, персонажи комедии дель арте. Они были гордостью Сесара, а также любимыми игрушками Хулии в её детские годы» [3, с.54]. Они же появляются и в самом конце истории, когда все тайны раскрыты, и Сесар вот-вот совершит самоубийство, в этот момент символическое значение фигурок приобретает новые оттенки: «Он подошёл к бюро из красного дерева, открыл один из ящиков и вынул из него толстый запечатанный конверт, затем три фарфоровые фигурки работы Бустелли.<...> Хулия подозрительно взглянула на конверт и фарфоровые статуэтки» [3, с.462], финальным аккордом становится их появление в момент, когда антиквар остался в квартире один, наедине с ядом: «Хулия погладила кончиками пальцев три фарфоровые фигурки – Октавио, Лусинду и Скарамуччу, – лежавшие в кармане её плаща вместе с запечатанным конвертом» [3, с.473].

В результате можно проследить эволюцию символического значения этого образа: изначально Лусинда, Октавио и Скарамучча – символ своеобразной связи и любви Хулии и Сесара, символ их общего прошлого, воспоминаний, которые занимают в их сердце небольшой потаённый уголок, как на витрине антикварного магазина, но от этого не теряют своей колоссальной значимости для обоих. Затем этот образ приобретает трагическое значение, когда антиквар отдаёт три статуэтки своей любимице – этот момент говорит о грядущем расставании, Хулия и Сесар больше не смогут создать совмест-

ных воспоминаний, реставратор остаётся одна, и теперь только она сможет вспоминать о том прошлом.

Символична последовательность имён: при первом упоминании сначала идёт Лусинда, а когда загадка уже разгадана и антиквар, возможно, уже умер, возглавляет троицу Октавио. Из этого можно сделать вывод, что фигурки – это прямое отражение персонажей, где Хулия – Лусинда, Октавио – Сесар, и только Скарамучча – судьба, смеющаяся надо всеми. Подтверждение этому можно найти и в значении имён: Лусинда – творческая девушка, Октавио – «восьмой», и Скарамучча – «маленький забияка». Пока в центре повествования находится Хулия, именно Лусинда возглавляет троицу; когда мы узнаём историю Сесара и все наши мысли заняты судьбой и поступками антиквара, на первый план выходит Октавио. Скарамучча всегда рядом, как символ судьбы.

Некоторые экфразы весьма лаконичны и выполняют особую роль – дополняют центральный символ. Например, появившаяся почти в начале книги картина Мурильо, на которой изображена Пресвятая Дева. Она символ счастливого прошлого семьи Бельмонте, когда им не требовались деньги, когда они могли много времени уделять картинам и духовному развитию, но с приходом денег ко власти, всё божественное покинуло эту семью, включая упомянутую картину. Теперь мы видим одинокого главу семейства – его жена так и не смогла толком оправиться от потери картины Мурильо – и его родственников, гонящихся за выгодой, совсем позабывших о настоящей ценности – семье.

Появляется и не существующая на самом деле картина Ван Гюйса «Рыцарь и дьявол», при том появляется не единожды, что говорит о её важности. Рассмотрим первое и самое подробное описание: «Найденная Хулией репродукция была невелика, однако позволяла отчетливо разглядеть рыцаря, облаченного в доспехи, но с непокрытой головой, едущего на коне вдоль подножия холма, на вершине которого виднелся город, окруженный крепостной стеной. Бок о бок с рыцарем, дружески беседуя с ним, ехал дьявол – всадник на чёрной, тощей, с выпирающими рёбрами кляче. Его вытянутая вперёд и вверх правая рука указывала на город, к которому, похоже, они и направлялись» [3, с.93]. Данное описание дополняется деталями, которые мы узнаём уже из диалогов персонажей романа. Герои находят на картине подтверждение своей теории, что изображенный рыцарь – Роже Арасский, и ключом к разгадке тайны его личности становится щит, на котором изображён герб рыцаря, так сильно напоминающий шахматную доску. Это открытие становится своеобразной отправной точкой исследований главной героини и даёт толчок для дальнейшего развития сюжета. Потом картина упоминается только вскользь, её иногда вспоминает Хулия, считающая, что встреча Роже Арасского с дьяволом, изображённая Ван Гюйсом до смерти рыцаря, как будто уже предвещала грядущую беду. «Рыцарь и дьявол» становится картиной-предзнаменованием.

Среди скульптурных экфрасисов подобным значением обладает статуэтка гладиатора, ожидающего реакции императора: «...и среди них – бронзо-

вая фигура обнажённого гладиатора: поверженный, он рухнул навзничь, прямо на своё выпавшее из рук оружие, и теперь, приподнявшись на локте, покорно и отрешенно ожидал приговора невидимого, но всё могущего императора – поднимет ли он большой палец, опустит ли?» [3, с.144-145]. Таким гладиатором чувствовала себя Хулия: она сражалась, так смело, как могла, и у неё нет другого выбора, кроме как продолжить игру, хоть ей и страшно, но, как казалось на тот момент, её собственная жизнь зависит от кого-то, кто скрыт неизвестностью.

Особое место в ряду экфрасисов занимают изображения картин в музее, куда Хулия вынуждена была пойти уже поздно ночью. В ряду этих картин значатся: «Снятие с креста» ван дер Вейдена: «... в этом нереальном освещении, придававшем картине некое зловещее величие, на ней выделялись только наиболее светлые участки: фигура Христа, бледное лицо его матери, лишившейся чувств, и её рука, бессильно упавшая рядом с мёртвой рукой сына» [3, с. 392], «Сад наслаждений», автопортрет Дюрера, и, как завершающий аккорд, «Триумф смерти» Брейгеля. Данные экфрасисы, помимо символического значения, создают особую атмосферу, воздействующую на читателя. Важно отметить, что только «Триумф смерти», как ключевая в этом списке картина, описан достаточно подробно, причем через призму восприятия главной героини, находящейся в тот момент в состоянии огромного нервного напряжения. Сцена в зале – катализатор всех страхов Хулии, они усиливаются настолько, что дальше может быть только развязка всей истории.

Такой выбор зала с картинами характеризует и Сесара, который не хочет причинять боль Хулии, но вынужден до конца выполнять роль «чёрной королевы», для него важно, чтобы всё было выполнено по злодейским канонам, ведь он хочет надолго остаться в памяти девушки, которую любит сильнее всего на свете и ради которой разыгрывает всю эту чудовищную игру.

Подобным же примером экфрасиса может служить описание жилища антиквара: «Портрет молодой дамы» Лоренцо Лотто, «Благовещение» Хуана де Сореды, «Марса» Луки Джордано, «Вечер» Томаса Гейнсборо – картины, которые не выходили из-под кисти этих художников, но они есть в воображении Переса-Реверте. Их описание заключено всего лишь в паре эпитетов, но по самим названиям можно понять, что было бы на них изображено, будь они на самом деле написаны на холстах: «... его любимые картины мастеров, отмеченных печатью Божией: «Портрет молодой дамы», предположительно кисти Лоренцо Лотто, очаровательное «Благовещение» Хуана де Сореды, мощного «Марса» Луки Джордано, меланхолический «Вечер» Томаса Гейнсборо» [3, с. 402], и сразу вырисовывается атмосфера изысканности и спокойной красоты – то, что всегда было в Сесаре, но сейчас, подвластное земным страстям отступило на второй план, поэтому и описания столь коротки. Да и сам антиктвар стоит в этом окружении как прекрасная грустная статуя, способная двигаться, говорить, чувствовать, но внутри уже пустая, готовая кануть в Лету.

Центральным же экфрасисом романа становится образ картины «Игра в шахматы», знакомство с которой начинается с оформления печатного изда-

ния книги. На обложке мы видим полотно какого-то мастера, напоминающего Ван Эйка, мы всматриваемся в неё и не догадываемся, что с этого самого взгляда начинается наше путешествие вглубь запутанной и тёмной истории, тщательно продуманной Пересом-Реверте. Настолько тщательно, что ни одно слово, ни одно описание картины, а особенно описание «Игры в шахматы» не вызывает у читателя никакого сомнения относительно их реальности. Эта картина появляется с первых страниц и не исчезает до самого финала. Причём описание «Фламандской доски» даётся не сразу, сначала Перес-Реверте интригует нас загадочной надписью, которую нашла Хулия – художник-реставратор: «*Quis nescavit equitem?*», «Кто убил рыцаря?». И только потом автор описывает нам полную загадок картину с незатейливым названием «Игра в шахматы»: «То была бытовая сценка, выписанная до мельчайших подробностей...<...> Главными персонажами картины были двое мужчин среднего возраста и благородной наружности, сидевшие друг против друга за шахматным столом, на котором разыгрывалась партия. На втором плане справа, возле стрельчатого окна, обрамлявшего дальний пейзаж, дама, одетая в чёрное, читала книги, лежавшую на коленях. Привлекали внимание тщательно прорисованные детали, столь характерные для фламандской школы и зафиксированные с почти маниакальной точностью: мебель, украшения, белые и чёрные плиты пола, рисунок ковра, даже едва заметная трещина на стене и тень от крошечного гвоздика на одной из потолочных балок» [3, с.7-8].

И с этого эпизода «Игра в шахматы» начинает занимать всё больше места в жизнях действующих лиц романа – реставратора Хулии, антиквара Сесара, шахматиста Муньоса и многих других. Через описания этой картины можно увидеть, как меняется отношение к ней персонажей романа. Как видно по приведённому в предыдущем абзаце отрывку, изначально картина не вызывала никаких особых чувств, кроме восхищения умениями фламандских мастеров, поэтому и описание даётся довольно сухо, без каких-либо домыслов и рассуждений. Это абсолютно объективное описание, которое дал нам автор романа, дальше эта объективность пропадает, уступая место фантазии людей, пытающихся разгадать тайну Ван Гюйса, мы начинаем смотреть на изображенные на картине события через призму восприятия персонажей. Для примера сравним первый отрывок с описанием, идущим после определённого этапа развития сюжета: «Она осторожно провела пропитанным растворителем тампоном по фигуре Роже Арасского, по его лицу, обращённому к зрителю почти в профиль, и снова, уже в который раз, задумалась, вглядываясь в него. Опущенные веки, тонкие штрихи морщинок у глаз, сосредоточенный взгляд, устремлённый на доску... В своём воображении девушка улавливала отголоски мыслей несчастного рыцаря...» [3, с.102]. Здесь с лёгкостью можно увидеть, что отношение Хулии к картине поменялось, теперь на полотне Ван Гюйса были не просто три исторические личности, там развивалась история трёх чувствующих и, в воображении Хулии, живых людей. Появляется рассказ в рассказе – мы наблюдаем историю, происходящую в XX веке, на фоне которой раскрывается история XV века, повествование постепенно расслаи-

вается, и появляются добавочные сюжеты. Иными словами, нам даётся подробнейшее описание самой картины, людей, изображённых на ней, и эти герои постепенно оживают по мере приближения к разгадке вопроса, найденного на полотне. Сначала они просто малоизвестные исторические лица, потом начинают чувствовать, мыслить, даже двигаться и говорить. Из-за многослойности изображения на картине, герои романа начинают чувствовать, как проваливаются в реалии, созданные Ван Гюйсом. И «Игра в шахматы» становится предметом исследования, действующим лицом и даже фоном событий, которые развиваются уже в XX веке: «...ей вдруг показалось, что она находится внутри картины, ...она сама стремительно ринулась вперёд, через всю нарисованную комнату, к раскрытому окну, возле которого читала Беатриса Бургундская...» [3, с. 103]. И в итоге мы имеем два пласта параллельно развивающихся событий, хоть и с разницей в пять веков. В целом можно сказать, что подобный экфрасис выходит за рамки просто художественного приёма, ведь «Фламандская доска» – участник событий и сюжетообразующий образ, объединяющий всю историю.

Таким образом, в романе «Фламандская доска» Артуро Переса-Реверте присутствует несколько типов экфрасисов, которые можно разделить на атрибутивные миметические (описание реально существующих произведений искусства) и немиметические (придуманные самим автором), причем последних гораздо больше, поскольку именно они позволяют охарактеризовать героев, создать особый эмоциональный фон и сформировать нелинейное повествование. Но описание картины «Игра в шахматы» – пример сюжетообразующего экфрасиса, в котором сразу объединены все возможные его функции. За счет интерпретативной части экфрасиса автору удастся дать скрытую характеристику действующих лиц: Хулия видит в картине детективную загадку и с азартом берётся за её разгадывание, несмотря на страх; в Сесаре картина пробуждает переживания, до этого момента зарытые глубоко в душе антиквара, и в итоге подталкивает к созданию изящной и одновременно ужасающей истории; Муньос же видит в картине торжество логики и неординарную шахматную загадку, заставляющую шахматиста выйти из повседневной дремоты и не спать ночами, ломая голову над шахматной партией XV века. В то же время, несмотря на различия, все примеры экфрасиса объединяет авторское стремление создать особый тип повествования, который строится на метафоричности и подтексте. Понять скрытые смыслы – задача читателя.

Список литературы

1. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе. // Экфрасис в русской литературе: Сборник трудов Лозаннского симпозиума / Под ред. Л. Геллера. М.: МиК, 2002. 214 с.
2. Коваленко А.А. Экфрасис в художественном тексте: проблемы изучения. Сибирский федеральный университет. URL: www.elib.sfu-kras.ru/handle/2311/18290 (дата обращения 16.06.2016)
3. Перес-Реверте А. Фламандская доска. М.: Эксмо, 2015. 480 с.

ИСТОЧНИК ОПТИМИЗМА ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА

Веденяпина Э.А.

канд. филолог. наук, Россия, г. Москва

В статье рассматривается проблема оптимистического звучания творчества А.С. Пушкина в целом, основанного на патриархальной модели мира, несмотря на трагизм многих коллизий в его произведениях, а также на драматичность его собственной судьбы.

Ключевые слова: отец, семья, народ.

А.С. Пушкин жил в эпоху катастроф: революция во Франции в XVIII веке, казнь короля, порождение этой революции – монстр Наполеон пришел на Русь, восстание декабристов, пятеро – близко знакомые – казнены, 121 сосланы на каторгу в подземные рудники. А творчество Пушкина не катастрофическое – не то, что у Лермонтова («Настанет день, России черный день...»), Тютчева («Последний катаклизм»), Блока, Есенина, Маяковского («Я одинок, как последний глаз одинок / У идущего к слепым человека»). И у Пушкина есть строки отчаяния: «Не дай мне, Бог, сойти с ума», но они воспринимаются как глубоко личные, индивидуальные, а не о состоянии общества. Мы помним: «Мороз и солнце – день чудесный», «Унылая пора – очей очарованье» (об осени), «Люблю тебя, Петра творенье», «Нет, весь я не умру...».

Чаадаев, властитель дум молодого Пушкина, в 1831 году пишет ему: «Заметили ли Вы, что в недрах мира нравственного происходит нечто необыкновенное, нечто подобное тому, что происходит, как говорят, в недрах мира физического. Скажите мне, пожалуйста, как это на Вас действует? С моей точки зрения, этот великий переворот вещей в высшей степени поэтичен, вряд ли Вы можете оставаться к нему равнодушным... У меня слезы выступают на глазах, когда я всматриваюсь в великий распад моего старого общества. Это мировое страдание». (18 сентября). В творчестве Пушкина это не отразилось. Сюжеты его произведений вполне оптимистичны. В них торжествует Истина жизни, побеждающая страсть героев. Таковы все повести из Белкинского цикла. В них мрачный Сильвио из «Выстрела» оказался вполне гуманным человеком. Метель (из второй повести) расставила по своим местам всех героев, а жуткое видение Гробовщика оказалось сном. Сбежавшая из дома на маленькой станции девушка не погибла, доверившись чувству любви. Нравственность торжествует и в «Евгении Онегине», как и в «Дубровском», когда героини не нарушают обета венчания и остаются верной не любимому супругу, и в Маленьких трагедиях, где и Скупой рыцарь, и безнравственный дон Гуан терпят поражение.

Характер у Пушкина был вспыльчивый, мстительный: сколько дуэлей состоявшихся и не состоявшихся, вплоть до последней, роковой, а поэзия умиротворенная, гармоничная. Может быть, это объясняется моделью мира в его произведениях? Пушкин был уверен, что мир устойчив, вечен: природа будет «красою вечною сиять». Модель мира, присутствующая в любом романе, свидетельствует о структуре общества, отраженной в системе образов героев. В основе романов Пушкина – семья, традиционная, патриархальная, в

сущности крестьянская. Достаточно вспомнить Мироновых, да и Гриневых тоже. Господских детей с детства воспитывали крестьяне, быт дворянских семей немногим отличался от крестьянского, часто только достатком. Сравним с другими великими писателями того времени. У Лермонтова, Гоголя семьи нет ни в жизни, ни в творчестве. Герой Лермонтова («Герой нашего времени») Печорин панически боится женитьбы и находит для много объяснений-отговорок. Герой Гоголя Жених в решающий момент прыгает в окно. Не оттого ли их творчество трагично?

Герои Пушкина находят счастье в браке, как чета Мироновых в Белогорской крепости, как Петр Гринев и Маша Миронова в «Капитанской дочке». Пушкин был «поэтом положительной стороны жизни вообще» – считает протоиерей Иоанн Восторгов [в статье «Вечное в творчестве поэта», сб. А.С. Пушкин: путь к Православию, «Отчий дом», М., 1996, с. 168].

В прозе Пушкина глава семьи – отец. Характерно, что во многих произведениях, начиная с романа в стихах «Евгения Онегина», – в повести «Дубровский» и в «Повестях Белкина» действие происходит в семьях, где глава семьи – вдовец, но роль семьи не умалется, потому что отец имеет основное значение в жизни семьи. В романе «Капитанская дочка» авторитет капитана Миронова непререкаем, хотя бы его жена Василиса Егоровна и думала иначе. Возглавлять такую страну может только отец – царь-батюшка, для которого все его верноподданные – дети. Поэтому любой самозванец приходил на Русь не как народный выдвиженец, а под именем царя, как Пугачев – под именем императора Петра 111. Основа такой устойчивой пирамиды – народ. А народ вечен, как природа. Вот на чем может основываться оптимизм поэта, который был поистине «эхо русского народа».

Список литературы

1. Васильев Б.А. Духовный путь Пушкина. Sam & Sam. М., 1994
2. Волков Г. Мир Пушкина. М., «Молодая гвардия». 1989.
3. Кулешов В. И. Александр Пушкин. Жизнь и творчество. М., Худ. лит. 1987.
4. Пушкин А.С.: путь к Православию. «Отчий дом». М., 1996.
5. Чаадаев П.Я. Полное собр. соч., т. 2, Наука, М., С. 69.

РОМАН А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»: СКАЗКА ДЛЯ ЦАРЯ

Веденяпина Э.А.

канд. филолог. наук, Россия, г. Москва

Статья посвящена проблеме двух образов Пугачева – в документальной «Истории Пугачевского бунта» и в романе «Капитанская дочка», написанных А.С. Пушкиным.

Ключевые слова: Пугачев, прощение, милосердие.

*«Милость к падшим призывал»
А. Пушкин*

Трактовки романа А.С. Пушкина «Капитанской дочки» могут быть разнообразными. По романтической версии М. Цветаевой, в основе отноше-

ний Пугачева и Гринева лежит влюбленность самозванца в молодого искреннего дворянина, очарованность. Возможна и такая трактовка этого романа: барин пожалел мужика (смилоствился), мужик спас его. В основе этих отношений находится милосердие. Однако выступить с таким Пугачевым – справедливым и милостивым – перед дворянскими читателями было чрезвычайно рискованно. Тем более что характер и действия Пугачева, злодея и низкого человека, самим Пушкиным описаны в «Истории Пугачевского бунта». Как может такой человек стать великодушным и милосердным? А ведь он прощает офицера даже после его признания, что не может не выступить против самозванца, прощает дочь священника, убитого им, слугу Савельича, постоянно напоминавшего о заячьем тулупе, то есть годах скитания этого «императора». Такой Пугачев, справедливый, великодушный, – воплощение лучших качеств русского человека. Ни в коем случае не хочется согласиться с Цветаевой о «нас возвышающем обмане» (стихотворение Пушкина «Герой»). О приукрашивании или возвышении исторического Пугачева не может быть и речи, так как это противоречило бы фактам проявления дикости и зверств пугачевцев, зафиксированным самим поэтом. Им создан новый образ Пугачева. Цель такого создания должна быть очень значительной. По какой причине и как это сделано?

Отношение Пугачева к Гриневу можно определить одним словом: милость. Самопровозглашенный царь в отношении Гринева совершает, в сущности, только одно действие: милует и делает это не раз. Это же слово произносит Маша Миронова перед царицей Екатериной II. В ответ на царский вопрос «... вы жалуетесь на несправедливость и обиду?» девушка отвечает: «Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия». И она получает милость.

Естественно предположить, что цель романа была – обратиться к царю Николаю I с воззванием о милосердии в отношении сосланных декабристов. Причиной могло быть угрызение совести человека, чьи стихи были обнаружены у каждого из заговорщиков, но оставшегося невредимым. Пушкин был прощен царем во время их уединенной беседы в 1826 году – нельзя ли простить и остальных, уже несущих суровое наказание? Новый образ Пугачева может быть обусловлен скрытым предложением императору Николаю I, в сущности, уподобиться такому милостивому Пугачеву и явиться воплощением истинно русского национального – великодушного характера.

Вспомним, что в сентябре 1826 года Пушкин был привезен из села Михайловского, из ссылки, в Москву в Кремль прямо к царю, где состоялась почти в течение часа беседа без свидетелей. По словам тех, с кем потом общался поэт, главным вопросом к нему был вопрос о возможном поведении Пушкина 14 декабря 1825 года, в день восстания декабристов, если бы он был тогда в Петербурге. Пушкин отвечал, что был бы среди мятежников. Сам он писал об этой встрече так: «Государь принял меня самым любезным образом» [в письме к П.А. Осиповой в Тригорское]. Во время следствия над декабристами в 1825 году Пушкин не был привлечен к ответственности вместе с ними потому, что не состоял формально ни в одной их организации, хотя

его стихи находили везде [Подробнее об этом – в книге В. И. Кулешова «Жизнь и творчество А.С. Пушкина» М., Худ. лит., 1987, с. 210 – 214]. (Свое отношение к декабризму зрелый поэт определил словами Гринева: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полущка, да и своя шейка копейка»). Естественно предположить, что впечатление от этой царской аудиенции не могло не отразиться в описании беседы Гринева с Пугачевым с глазу на глаз. Пугачев спросил: «Обещаешься ли служить мне с усердием? Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

– Чему ты усмехаешься? – спросил он меня, нахмурясь. – Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком – было подвергнуть себя гибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачеву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышленный: ты сам увидел бы, что я лукавствую». – Кто же я таков, по твоему разумению? – Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку». Гринев просит отпустить его в Оренбург. «Пугачев задумался. «А коли отпущу, – сказал он, – так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить? – Как могу тебе в этом обещаться? – отвечал я. – Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя – пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня – спасибо; казнишь – бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, – сказал он, ударя меня по плечу. – Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь».

М. Цветаева пишет об этой сцене: «Есть в этом диалоге жутко биографический элемент», сопоставляя эту беседу с той, что была между Пушкиным и царем. Между тем главное здесь – формула прощения: казнить так казнить, миловать так миловать. Гринев, как и Пушкин, был помилован. Эта беседа Пугачева один на один с Гриневым – ядро всего романа, его центр. Здесь прозвучала формула прощения. Бледной копией этой сцены является прием Маши Мироновой Екатериной. Царица поверила словам влюбленной сироты и простила Гринева, пообещав к тому же дать ей приданое. Простила Гринева и помиловала Машу. «Миловать так миловать». Здесь ключ обращения к царю.

Изображение Пугачева создано различными путями. Во-первых, кинематографическим приемом: зрительный образ создан двумя планами, общим

и крупным. Когда он дан в общем плане (издалека) – он глава восставших, символ мятежа, каратель и злодей. Но его злодеяния – только «работа», или, по-современному, «бизнес». А лично он совсем другой. Крупным планом в нем так ясно, так ярко видны человеческие черты: милосердие, даже мягкость – как он обрывает споры своих злобных товарищей за столом – другой человек! Наедине с Гриневым Пугачев прозорлив: «Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса: Бог вещь. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою».

Создан образ Пугачева не только его действиями и решениями, но во многом его речью, изобилующей выразительными народными выражениями: то иносказанием (на постоялом дворе), то поговорками, то сказкой об орле и вороне, то песнями в застолье... С появлением Пугачева (в виде бродяги в метель) в романе усиливается сфера фольклора в виде поговорок и пословиц, с одной из которых роман начинается: «Береги честь смолоду». Так, при появлении Вожатого ямщик произносит поговорку: «...лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой», затем следуют просторечные выражения и в авторской речи: «темно, хоть глаз выколи», иносказательный диалог Вожатого с хозяином постоялого двора, позже – маленький эпизод с лукавым толкованием Гриневым выражения «ежовы рукавицы». Среди эпиграфов (то есть уже в авторском тексте) немало фрагментов фольклорного происхождения: глава 2 начинается отрывком из Песни: «Вы, молодые ребята, послушайте, // Что мы, старые старики, будем сказывать». «Старинная песня» открывает 3 главу: «Мы в фортеции живем...» и так далее.

Речь Пугачева – часть народной речи. Она же незаметно переводит жанр семейной хроники в фольклор, приближаясь к сказочному. Разве не похож на сказочного персонажа возникший из тьмы бурана Вожатый, спасший героя? Как в сказке, освобождена Маша из плена Швабрина – кем? Тем, кто убил ее родителей. Эта атмосфера, в свою очередь, преображает героя. Из палача он становится благодетелем: «Кто из моих людей смеет обижать сироту?» – и глаза его засверкали».

Романный Пугачев – это очень важная фигура в жизни Гринева, имеющая свою личность, не совпадающую с исторической, хотя и выполняющая функции Пугачева. Такая фигура ставит проблему: есть ли связь между личностью и ее деяниями? Могут ли прекрасные качества личности сочетаться с преступлениями? В какой сфере этот вопрос не важен? Ответ может показаться неожиданным, но он навеян всей атмосферой повествования: в фольклоре. В сказке волк может быть преданным человеку [«бурый волк ей верно служит» – в Прологе к поэме «Руслан и Людмила»]. По версии Цветаевой, чудовище Пугачев влюбился в Гринева. Она пишет о чаре, о духе притягивании: «Чара скроет все злодеяния врага, ... оставляя только одно: твою к нему любовь» [Марина Цветаева, Мой Пушкин. Сов. пис., М., 1967. Стр. 130], этим близко подходя к сфере сказочного фольклора с его непременно атрибутом чуда. Именно притча-сказка перед нами, история со сплошными исключениями как со стороны Пугачева, так и со стороны царицы. Сказка ради

поговорки-девиза: миловать так миловать. Помилован поэт – пусть будут помилованы и другие.

Сказочные начала есть в творчестве Пушкина: сказочно-героическая поэма «Руслан и Людмила», есть целый цикл – пять (популярных) сказок. В них, совершенно лишенных социального начала, исследуется натура человека – та натура, о которой восклицал Ф. Достоевский: а с натурой что сделаете? – когда возражал сторонникам политического переустройства жизни. В сказках Пушкина атрибуты чуда – золотая рыбка, золотой петушок с шамаханской царицей и прочие – лишь катализаторы поведения человека, которые так хочется назвать словами «робот» или «кибер». Сущность сказок: запросы человека и плата за их удовлетворение. Ответ четко сводится к заповеди: не пожелай.

Роман «Капитанская дочка» – это своеобразная притча о помиловании. Но ведь укорить царя Николая Павловича и воззвать к прощению – это задача не реалистического произведения. «Истину царям с улыбкой говорить» (Державин)... урок императору – это XVIII век, классицизм. Да, от классицизма в романе есть родовые черты. Это, кроме основного задания – урока царю, – значащие фамилии: Швабрин от «швабра» при истинной фамилии Шванвич, Пугачев очень кстати пришелся своей собственной фамилией, есть в романе и резонер, которым оказался сам Пугачев со своим принципом о помиловании, а также исключительная цельность характеров в романе: все герои идеальны. Не только Мироновы и Гриневы (Гринев-отец скорбел о близости Петра с Пугачевым, не радуясь физическому спасению сына), но и Швабрин – идеальный злодей, у которого нет ни единой светлой черты характера: он клеветал на семейство Мироновых, нечестным путем ранил Петра на дули и донес о дуэли его отцу, даже любимую Машу он выдал Пугачеву. Есть и следы сентиментализма – стихи Гринева, посвященные Маше Мироновой. Есть и нечто, откликнувшееся в XX веке. Можно подумать, в послереволюционной России Пушкин многих ввел в заблуждение своим Пугачевым из «Капитанской дочки». Сколько людей, умирая во время расстрела, кричали слова здравницы в честь товарища Сталина, потому что верили ему – тому, кого видели близко или даже в застолье (как Гринев – Пугачева) крупным планом. Но как понять «роман» Бориса Пастернака со Сталиным, Булгакова, который, жалуясь, писал товарищу Сталину письма с точными цитатами оскорблений от критиков? Эти поэты не состояли в тесной дружбе с вождем или хотя бы в личном общении с ним, но они ему верили, надеялись. На самом деле в романе Пушкина оказалась обозначенной проблема соотношения очень крупного движения и его лидера. Цель Пугачева – «царствовать на Москве»: «Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою». О себе он говорит: «А разве нет удачи удалому?» У каждого участника движения – своя цель. Не случайно Пугачев одинок даже в самом ближнем окружении. Проблема соотношения лидера и движения – не та, что встала перед Сальери как несовместимость гениальности и способности к злодеянию: «Гений и злодейство / Две вещи несовместные» (Пушкин. «Моцарт и Сальери»). Это проблема не одной личности, не бунта, названного в романе «бессмыслен-

ным и беспощадным», а революций, захлестнувших Россию в XX веке. Тогда возникли другие категории, обусловленные масштабом событий. Особая тема нового времени: максимально удаление лидера от участников движения и лозунгов – от реальной политики, проводимой под этими лозунгами.

Роман «Капитанская дочка» привлекателен тем, что в нем – на примере отношения Пугачева к Гриневу – создан образ справедливого, великодушно-го, способного на сострадание, на широкие движения души человека – идеального правителя, надежды народа.

Искусство не канонично, не догматично, в нем нет Истины, а есть поиски Ее.

Список литературы

1. Кулешов В. И. Александр Пушкин. Жизнь и творчество. М., Худ. лит. 1987.
2. Непомнящий В. «Новые русские сказки», вст. статья к сб.: А.С. Пушкин «Сказки». Худ. лит. М., 1991, с. 5-32.
3. Цветаева М. Мой Пушкин. Сов. пис., М., 1967.

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРАМЫ А.Н. ОСТРОВСКОГО «КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК»¹

Виноградов А.А.

преподаватель, канд. филол. наук,
Костромской государственной университет, Россия, г. Кострома

Последнее издание полного собрания сочинений А.Н. Островского состоялось в 70-е годы XX века. С тех пор отдельные положения и выводы, сделанные комментаторами к пьесам, требуют пересмотра. В данной статье рассматривается творческая история первой редакции драмы «Козьма Захарьич Минин, Сухорук».

Ключевые слова: творческая история, историческая драма, черновой автограф, художественный замысел, А.Н. Островский, Н.А. Некрасов.

Большинство исторических пьес Островский задумал и написал в 1860-е -1870-е годы, но интерес к событиям прошлого проявлялся у него с ранних лет: в гимназии этому способствовали уроки словесности П.М. Попова, в Московском университете – лекции профессоров Д.Л. Крюкова по истории древнего мира, Т.Н. Грановского по европейскому средневековью, М.П. Погодина по русской истории. В своих первых путевых заметках драматург неизменно отмечает состояние исторических памятников. Так, посещая в 1845 году Нижний Новгород, он записывает в своём дневнике: «Монумент Минину в жалком состоянии» [7, X, с. 350]; в 1848 году, прогуливаясь по центру Костромы, замечает: «Посреди – памятник Сусанину, ещё закрытый» [Там же. С. 355]. В это же время Островский размышляет о создании сочинения на историческую тему: на полях рукописи «Две биографии» (1846) име-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00323.

ются записи: «Александр Макед<онский>»; «Последний день Помпеи» (9, ед. хр. 5, л. 4 об.); в 1849 году появляются черновые наброски к драмам о Борисе Годунове и Александре Македонском (подробнее об этом: Ревякин А. И. Неоконченные произведения А. Н. Островского «Лиса Патрикеевна» и «Александр Македонский» // Учёные записки кафедры русской литературы Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. М. 1953. Т. XX. Вып. 2. С. 87-104).

По свидетельству С.В. Максимова, пьеса «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» была задумана в 1855 году [1, с. 75]. Это был сложный год в русской истории: продолжалась Крымская война (1853-1856), финансовая система России была расстроена; 18 февраля умирает император Николай I (по стране ходят слухи о его отравлении); коронавание преемника, Александра II, состоится только через полтора года (19 августа 1856 г.); 28 августа коалиционные войска (Франция, Великобритания, Османская империя, Сардинское королевство) штурмом берут Севастополь. По всей видимости, именно осенью 1855 года Островский обращается к событиям, приведшим к освобождению Москвы от польской оккупации в 1611-1612 годах.

В русском искусстве эпоха Смутного времени рассматривалась с двух точек зрения: фольклорной, прославляющей подвиг Ивана Сусанина (опера К. Кавоса «Иван Сусанин» {1815}, опера М.И. Глинки «Жизнь за царя» {1836}, драма Н.А. Полевого «Костромские леса» {1841}) и летописной, основанной на исторических документах. Островский принципиально обращается к жанру хроники, и в этом отношении легенда об отважном крестьянине оказывается в стороне от его интересов. С.В. Максимов вспоминает такой рассказ Островского: «Ведь вот наш костромич Сусанин не шумел: выбрал время к ночи, завёл врагов в самую лесную глушь; там и погиб с ними без вести, да так, что до сих пор историки не кончили ещё спора о том, существовал ли ещё он в самом деле на белом свете. А Прокопию Ляпунову понадобилась верёвка на шею, чтобы растрогать...» [1, с. 75].

События начала XVII века, изложенные в летописях, давно привлекали русских писателей. К середине 1850-х годов были известны: трагедия М.М. Хераскова «Освобождённая Москва» (1758), трагедия М.В. Крюковского «Пожарский» (1807), историческая пьеса С.Н. Глинки «Минин» (1809), драматическая хроника А.А. Шаховского «Смоляне в 1611 году» (1834), драма Н.В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» (1836), драматическая хроника К.С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» (1850). В каждом из этих произведений Островский мог найти исторические или художественные недочёты. Например, в драме Н.В. Кукольника ведущая роль в организации ополчения отводится М.И. Пожарскому, а Минин выступает на втором плане. «Козьма, зови Заруцкаго ко мне!» – приказывает в этой пьесе Пожарский Минину [3, с. 190]. В драме К.С. Аксакова события воссозданы с документальной точностью, с использованием подлинных грамот, но содержание лишено художественного стержня. Именно о специфике художественного освещения исторического события Островский писал в «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» (1881):

«Историк передаёт, *что было*: драматический поэт показывает, *как было*, он переносит зрителя на самое место действия и делает его участником события. Не всякий человек растрогается, прочитав, что Минин в Нижегородском кремле собирал добровольные приношения на священную войну, что несли ему кто мог, и бедные и богатые, что многие отдавали последнюю копейку; но тот же самый простой человек непременно прослезится, когда увидит Минина живого, услышит его горячую, восторженную речь, увидит, как женщины кладут к его ногам ожерелья, как бедняки снимают свои медные кресты с шеи на святое дело» [7, X, с. 138-139].

Прежде чем приступить к сотворению «живого» героя, Островский тщательно изучает исторические памятники. М.И. Семеvский в письме к Г.Е. Благосветлову от 19 ноября 1855 г. писал: «Был у Островского. Застал его за выписками из актов Археографической комиссии. Толковали о множестве ныне изданных материалов отечественной истории... Островский, любя отчизну, ревностно занимается памятниками нашей старины» [1, с. 135]. В отделе рукописей ИРЛИ в архиве А.Н. Островского хранится автограф, представляющий подготовительный материал к созданию хроники. На обложке рукой драматурга сделана надпись: «Козьма Минин. Чин выборного всей землѣю русской» [9, ед. хр. 14, л. 1]. Рукопись представляет собой выписки сведений из различных источников: летописей, исторических актов и статей. Изучение этих документов привело Н.П. Кашина к выводу, что в основе драматической хроники лежит статья П.И. Мельникова-Печерского «Нижний Новгород и нижегородцы в смутное время» (1843). «...в ней, – пишет исследователь, – автор нашёл обстоятельное изложение всего хода исторических событий. Кроме того, она, надо полагать, повлияла на выработку общей точки зрения у автора на изображаемые события и на личности Минина и Биркина» [2, с. 180]. Остальные исторические документы (всего около десяти) Островский использовал для воссоздания исторического контекста. На страницах черновой рукописи можно найти отметки, свидетельствующие об этом. Например, на последнем листе под репликой Пожарского: «Нижегородцы! Мы за вас идѣм» – имеется запись, указывающая на исторический факт речи князя в «Актах археологической экспедиции»: «стр. 2 У. № 260. А.А.А. Т. II» [6, л. 48].

На первый план в своей хронике Островский выдвигает образ Козьмы Захарыча Минина. Современники по-разному относились к этому персонажу: одни не замечали его, другие превозносили; даже среди почитателей он вызывал неоднозначную оценку. Так, Н.А. Полевой, в рецензии на драму Кукольника писал: «*Минин и 1612 год* – это гимн, ода, пропетые экспромтом русскою душою, в несколько месяцев. Один умный иностранец, разговаривая о русской истории, сказал: “У вас была своя “Орлеанская Дева”, это ваш *Минин*”. Сказано остроумно и всего более справедливо» [8, с. 267]. Напротив, Мельников-Печерский утверждал: «Обыкновенно смотрят на Минина, как на энтузиаста; были люди, сравнивавшие его с Жанною д'Арк. Мнение несправедливое! Не восторженным, иступленным проповедником являлся знаменитый нижегородец в славную годину восстания, а человеком ума обширного,

воли твёрдой, зрело обдумавшим план свой, тонким политиком, столь хитро устроившим дело почти невозможное» [4, с. 27]. Островский пытается найти золотую середину, совместить в одном характере, по сути, противоречивые черты: глубокую православную веру и природную хитрость. Характерно в этом отношении воспоминание П.Д. Боборыкина: «Он (Островский – А.В.) сейчас же начал говорить мне о своём герое, как он его понимает, что он хотел в нём воспроизвести. Замысел его нельзя было не найти верным и глубоко реальным. Минин – по его толкованию – простой человек, без всякого героического налёта, без всякой рисовки, тогдашний городской обыватель, с душой и практической смёткой. В его хронике нижегородский “говядарь” сбивается с этой бытовой почвы, и автор заставляет его произносить монологи в духе народнического либерализма. Но, судя по тем сценам, какие Островский мне прочёл, – а читал он, особенно свои вещи, превосходно, – я был уверен, что лицо Минина будет выдержано в простом, реальном тоне» [1, с. 186].

Наброски первых сцен придали Островскому уверенность в скором завершении драмы, и он даже обещает отдать пьесу в ближайший выпуск «Русской беседы». Но чем больше драматург погружался в исторический материал, тем сложнее представлялись отношения между событиями, что требовало создания новых сюжетных линий и уточнения прежних. Например, первоначально первое действие состояло из пяти явлений, затем на отдельных листах были написаны дополнительные сцены: рассказ Аксенова и Лыткина о Минине и планах освободить Москву, встреча Аксенова и Пospelова. В результате пятое рукописное явление, заключавшее в себе разговор Марфы Борисовны с Мининым, стало соответствовать началу восьмого явления первого действия в окончательной редакции.

Следуя обещанию, в конце 1855 года Островский отдаёт пьесу в «Русскую беседу». Но вместо «Минина» редакция журнала получает черновой вариант бытовой комедии «Доходное место» (опубликована в 1857 году). При этом драматург не теряет надежды на скорое завершение своего исторического сочинения. «К святой неделе (то есть к 15 апреля – А.В.), я, даст Бог, напишу его окончательно», – сообщал он Семевскому [1, с. 141]. Надежда оказалась напрасной: 18 апреля Островский отправляется в этнографическую экспедицию по Волге, где всё ещё продолжает работать над пьесой. «Что же касается до драмы его “Минин”, – извещал Семевский 15 июня 1856 года Благодетель, – то, сколько можно было заметить, Александр Николаевич, придавая ей особенно серьёзное значение, трудится над ней не торопясь, по пословице: поспешишь – людей насмешишь» [Там же. С. 152]. Слухи об исторической драме Островского, которая давно должна быть закончена, но никак не завершалась, достигли И.С. Тургенева. В письме от 7 ноября 1856 г. он спрашивает драматурга: «...а что Ваш Минин? Эту вещь вы непременно должны сделать – кроме вас её сделать некому – и надо, чтобы она у вас вышла капитальной вещью... ни в одном из наших писателей русский дух не веет с такой силой, не играет так, как в Вас. Подарите нас всех и меня в особенности “Мининым”; – а мы вам поклонимся все в пояс» [10, с. 146].

По условиям «Обязательного соглашения», подписанного между Н.А. Некрасовым и А.Н. Островским в феврале 1856 года, новое сочинение драматурга должно появиться в одном из первых номеров «Современника» за 1857 год. В письме Некрасову от 1 августа 1856 года Островский сообщает о том, что «бережёт» «Минина» для «Современника», но к концу года становится ясно, что пьеса далека от завершения. 14 декабря 1856 года драматург пишет И. И. Панаеву: «К февралю я Вам пришлю комедию в 1-м акте, которую начал» [7, XI, с. 88]; 11 января 1857 года уточняет: «Для Вас пишется комедия в 2-х действиях “Праздничный сон – до обеда”. Дня через два или три она будет готова. <...> Р. S. Пожалуйста, будьте покойны; комедию, ей-богу, пришлю» [Там же. С. 90]. 18 января 1857 года Некрасов в отчаянье сообщает И.С. Тургеневу: «...ни Остров<ский>, ни Григорович всё-таки ничего не сделали» [5, с. 52]. Но Островский не заслужил упрёк: в тот же день он отправляет текст комедии в «Современник», и уже в февральском номере она была опубликована.

Работал ли Островский над хроникой с декабря 1856 года по декабрь 1857 года неизвестно. В письме от 8 марта 1857 года М.Н. Островский спрашивает брата: «Что твоя драма “Минин”? Подвигается ли?» [11, с. 237]. Долгое молчание драматурга начинает беспокоить и редакцию «Современника». «...Александр Николаевич, отзовитесь, – просит Некрасов в письме от 26 сентября. – Ей-богу, очень в сию минуту важен вопрос – написали ли Вы что-нибудь? пишете ли? и когда примерно можете прислать готовую вещь?» [5, с. 93]. На этот раз Островский решает сначала написать небольшую пьесу для журнала и только затем продолжить работу над хроникой. С 16 по 29 ноября 1857 года он переписывает черновик комедии «Не сошлись характерами» и отдаёт её в «Современник» (опубликована в № 1 за 1858 год), а в письме Некрасову от 2 декабря 1857 года прозрачно намекает: «Я теперь готовлю Вам вещь довольно большую по объёму» [7, XI, с. 102]. Некрасов же, назвав в частном письме «Не сошлись характерами» «слабой вещью» [5, с. 101], требует от Островского конкретных данных: «Сделайте милость, уведом<ьте>, что Вы готовите для “Современника” и когда примерно доставите?» [Там же. С. 103]. В приписке к письму от 24 января 1858 года драматург уточняет: «Я постом (в 1858 Великий пост длился с 15 февраля по 3 апреля – А.В.) окончу “Минина” непременно» [7, XI, с. 103]. Можно утверждать, что с декабря 1857 года по апрель 1858 года Островский усиленно работает над текстом драмы. К этому времени, вероятно, относятся значительные изменения в структуре пьесы. Например, первоначально третье действие не имело деления на сцены, а события, которые теперь разворачиваются во второй сцене третьего действия, в черновом автографе составляли четвёртое действие; так же пятое рукописное действие соответствовало четвёртому действию в окончательной редакции.

24 января наряду с письмом Некрасову Островский пишет И.Ф. Горбунову: «Вы можете сообщить графу (Г.А. Кушелёву-Безбородко – А.В.) по секрету, что пишется “Минин” и что он может попасть в “Русское слово”. Действуйте, Иван Фёдорович, действуйте, я в долгу не останусь...» [7, XI, с. 112]. Реверанс

в сторону зарождающегося журнала обусловлен молчанием Некрасова. «Милостивый государь Николай Алексеевич! – восклицает драматург. – За что Вы так со мной поступаете? Я в критическом положении, а Вы даже не отвечаете ни на одно моё письмо. Повторяю опять свои просьбы и жду ответа» [Там же. С. 103]. В это время Островский ведёт переговоры об издании своих сочинений, но цена, которую вскоре озвучил Некрасов, вынуждает его вновь обратиться к Горбунову: «Он (Г.А. Кушелёв-Безбородко – *А.В.*) бы сделал для меня совершенное благодеяние, если бы купил у меня мои не напечатанные отдельно сочинения» [Там же. С. 108]. Эту просьбу Горбунов исполнил: во второй половине июня Островский продаёт право на издание своих сочинений Кушелёву-Безбородко и сразу начинает заниматься подготовкой текстов. Работа над хроникой затянулась: в период с 1859 по 1860 годы драматург периодически просматривает созданный материал, дописывает сцены, правит отдельные реплики и фразы. Сохранилось свидетельство К.В. Загорского о том, что в конце 1860 года на квартире Н.И. Давыдова после одного из спектаклей Островский «...сообщал своим близким знакомым план пьесы “Минин, Сухорук”, которую он в то время кончал» [1, с. 365].

С 15 октября по 9 декабря 1861 года Островский работает над беловым автографом драмы. Очевидно, к середине этого периода относится воспоминание П.Д. Боборыкина: «Он работал тогда над своим “Мининым”, отделял его начисто; но первая половина пьесы была уже совсем готова» [1, с. 186]. Хроника была опубликована в первом номере «Современника» за 1862 год, но оказалась запрещена к постановке на театральной сцене. Через четыре года Островский превращает сочинение, построенное на тонком психологическом рисунке, в эпическую драму, наполненную массовыми сценами. В этой второй редакции пьеса была допущена театрално-литературным комитетом к постановке, но успеха у зрителей не имела.

Таким образом, изучение творческой истории драмы позволило уточнить время и причину формирования замысла, конкретизировать отдельные периоды работы над хроникой, соотнести их с правкой в черновом автографе. Трепетное отношение автора к своему первому историческому сочинению хотя и предопределило сложные взаимоотношения с редакцией «Современника», но в значительной степени способствовало появлению таких пьес, как «Праздничный сон – до обеда» и «Не сошлись характерами».

Список литературы

1. А.Н. Островский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1966. 631 с.
2. Кашин Н.П. Этюды об Островском. Т. 1. М., 1912. 351 с.
3. Кукольник Н.В. Сочинения: в 10-ти т. Т. I. СПб., 1851. 567 с.
4. Мельников-Печерский П.И. Нижний Новгород и нижегородцы в смутное время // Отечественные записки. Т. XXIX. Отд. II. 1843. С. 1-32.
5. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15-ти т. Т. XIV. Кн. 2. СПб.: Наука, 1999. 356 с.
6. ОР РГБ. Ф. 216. М. 3095. Ед. хр. 1. Л. 1-48.
7. Островский А. Н. Полное собр. соч.: в 12-ти т. М.: Искусство, 1973.

8. Полевой Н.А. «Рука всевышнего отечество спасла». Драма из отечественной истории в 5-ти актах, в стихах // Полевой Н.А, Полевой К.А. Литературная критика. Л.: Художественная литература, 1990. С. 266-271.

9. РО ИРЛИ. Ф. 218. Оп.1.

10. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30-ти т. Т. III. М.: Наука, 1987. 704 с.

11. Фридкина И.С. Письма М. Н. Островского к Островскому // Литературное наследство. Т. 88. Кн. 1. М., 1974. С. 219-274.

КИТАЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Виноградов Д.В.

assistant professor, канд. филол. наук

Hankuk University of Foreign Studies, Korea, Seoul

В статье рассматривается китайская система тестирования по русскому языку сравнительно с российской. Особое внимание при этом уделено отличиям китайской системы тестирования от российской.

Ключевые слова: тестирование, тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ), китайский язык, русский язык.

Популярность изучения русского языка в Китайской Народной Республике способствовала созданию в этой стране собственной системы тестирования, которая включает в себя три экзамена: ЭРЯС-4 – экзамен по русскому языку для студентов-нерусистов и Тест-4 и Тест-8 для студентов-русистов (ЭРЯС-4 соответствует 4-му уровню).

Во многих вузах страны действует жесткое правило: при окончании вуза студенты-нерусисты, которые не сдали ЭРЯС-4, и студенты-русисты, которые не сдали Тест-8, не могут получить диплом. Необходимо также отметить и востребованность сертификатов о знании русского языка у будущих работодателей выпускников китайских вузов: те выпускники, у кого уже есть сертификат ЭРЯС-4 или Тест-8, принимаются на работу в первую очередь [1, с. 85].

Китайская государственная система тестирования по русскому языку **предназначена для тестирования именно студентов**, и в этом состоит одно из существенных ее отличий от российской системы, в рамках которой пройти тестирование по русскому языку может практически любой желающий.

В числе отличий китайской государственной системы тестирования по русскому языку от российской необходимо назвать также следующие. Государственное тестирование по русскому языку студентов-филологов в Китае **проводится централизованно в масштабах всей страны один раз в год**. Этим оно коренным образом отличается от отечественной практики, когда желающий проверить свои знания может сделать это практически круглогодично.

Тестирование по русскому языку IV уровня организуется в Китае в последнюю субботу мая, тестирование VIII уровня в последнюю субботу марта.

Студент, не сдавший экзамен, имеет право сдавать тест повторно только в следующем году, что также отличает китайский подход от российского, при котором не сдавший экзамен может сдавать его вновь неограниченное число раз. Сдавать экзамен VIII уровня может только тот студент, который ранее сдал экзамен IV уровня, что также отличает китайское тестирование от российского.

При организации тестирования китайские коллеги уделяют огромное внимание **секретности**: именно поэтому все кандидаты в разных провинциях Китая сдают экзамен одновременно, несмотря на разницу в часовых поясах. Экзамен проходит на специальных пунктах тестирования, выбранных и утвержденных Центром тестирования при Министерстве образования КНР.

Однако необходимо проанализировать более подробно не только процедуру проведения тестирования, но и содержательную сторону самого теста с точки зрения отличий от российского «аналога» (используем в качестве примера российский Тест по русскому языку как иностранному II уровня и китайский Тест-4 (Тест по русскому языку IV уровня)).

Таблица

Длительность субтестов ТРКИ II (Второй сертификационный, В 2) и Тест-4 (Тест по русскому языку IV уровня)

ТРКИ II		Тест-4 (Тест по русскому языку IV уровня)	
Лексика. Грамматика	90 минут	Грамматика и лексика	25 минут
Чтение	60 минут	Чтение	30 минут
Аудирование	35 минут	Аудирование	22 минут
Письмо	55 минут	Письмо	35 минут
Говорение	45 минут	Говорение	9 минут
—	—	Речевой этикет и страноведение	5 минут
—	—	Заполнение пропусков	10 минут
Итого	340 минут (5,7 часа)	Итого	136 минут (2,3 часа)

Исходя из представленных данных, мы делаем вывод о краткости, лаконичности китайского теста по сравнению со своим российским «аналогом», о том, что китайские тестологи делают упор на проверку компетенций за малое время, что вполне понятно, учитывая проведение тестирования в Китае в течение только одного дня, а не двух дней, как это принято в отечественной практике. Внешнему наблюдателю, который становится свидетелем тестирования в Китае, вся процедура также представляется очень динамичной (таким свидетелем в мае этого года оказался я). Также интересно отметить наличие двух дополнительных модулей, отсутствующих в системе ТРКИ, а именно «Речевой этикет и страноведение» и «Заполнение пропусков».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что и российский Тест по русскому языку как иностранному II уровня, и китайский Тест-4 (Тест по русскому языку IV уровня)), несмотря на многочисленные различия, все же

демонстрируют сходство в главном, являясь удобной и надежной формой проверки владения иностранными гражданами русским языком.

Список литературы

1. Ван С. Вузовское преподавание русского языка в Китае // Русский язык за рубежом. 2007. № 5. С. 81–86.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

Дреева Д.М.

доцент кафедры немецкого языка, д-р филол. наук,
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

Бетанова Д.А.

аспирант кафедры немецкого языка,
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

Данная статья посвящена исследованию языковых механизмов обозначения эмоций в поэтическом идиолекте Генриха Гейне с целью определения роли эмоций в его поэтической картине мира. Анализ языковых средств репрезентации человеческих эмоций позволяет выделить ключевые эмоции и их языковые средства вербализации, характерные для разных периодов творчества немецкого автора.

Ключевые слова: эмоции, поэтическая картина мира, мировидение, идиолект.

С изменением парадигмы гуманитарного знания в сторону антропоцентризма изучение эмоций заняло одно из ключевых мест в современном языкознании. Многими учеными подчеркивается необходимость изучения языковых репрезентаций эмоций, так как они являются одним из важнейших компонентов человеческого «Я» и представляют собой не что иное, как психическое отражение жизненного смысла явлений и ситуаций, проявляющееся в форме непосредственного пристрастного переживания, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям человека [4].

В языке эмоции представлены необычайно богато своими наименованиями, характеристиками и оттенками. Как полагает К.Изард, эмоции – это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действие [1, с. 27]. Через эмоции отражается наше мироощущение. При этом мы, вслед за В.И.Шаховским признаем, что в языке происходит лишь приблизительная вербализация переживаемых эмоций, поскольку язык в значительной степени отстает в адекватности их оформления: «языковое одеяло» никогда не может покрыть все «эмоциональное тело» человека [5, с. 13].

В рамках **данной статьи** предпринимается попытка исследовать собственно языковые механизмы обозначения эмоций в поэтическом идиолекте

Генриха Гейне. Таким образом, **наша задача** состоит в изучении индивидуально-авторской репрезентации эмоций в творчестве немецкого поэта и определении ее роли в поэтической картине мира Гейне, представляющей из себя, согласно концепции Ж.К. Масловой, систему сформированных в сознании человека интуитивных представлений о художественной реальности и способах ее репрезентации в языке, об особенностях поэтического языка [3, с. 280].

Поэтическая картина мира репрезентируется в поэтическом языке через созданный автором поэтический мир, который является ментальной категорией. Поэтому способы и формы репрезентации эмоций зависят от особенностей как индивидуального сознания автора, так и коллективного [2, с. 22].

В ходе анализа лирических стихотворений Генриха Гейне, вошедших в сборники стихов «*Neue Gedichte*» («**Новые стихотворения**») (1844 г.), «*Zeitgedichte*» («**Современные стихотворения**») (1866 – 1872 гг.), а также поэмы «*Deutschland. Ein Wintermärchen*» («**Германия. Зимняя сказка**») (1843-1844 гг.) становится очевидным, что эмоции являются важной частью поэтического идиолекта немецкого поэта, однако языковая репрезентация эмоций в сборниках стихов разных периодов творчества Гейне значительно отличается.

Так, сборник стихов поэта «*Neue Gedichte*» («**Новые стихотворения**») продолжает тему безответной любви поэта, начатую в его дебютном сборнике «*Buch der Lieder*» («**Книга песен**»). Расставание с любимой, болезненные воспоминания и крушение всех надежд на счастливую развязку пережитой лирическим героем любовной драмы предопределили негативный эмоциональный фон стихотворений данного периода творчества, что и нашло отражение в выборе соответствующих языковых средств вербализации эмоций. Из огромного многообразия человеческих эмоций, автор останавливается на таких как *печаль, страх, ужас, тоска по возлюбленной*:

*Du weißt, wie sehr ich **traurig** bin,
Und kränkst mich doch so schwer.*

[6, с. 106]

*Der Mund ist fromm. Doch **mit Entsetzen**
Unter den Rosen seh ich schon
Die Schlangen, die mich einst verletzten.*

[6, с. 141]

*Es hält wie **Angst** mich von ihr ferne,
Es treibt mich **Sehnsucht** hin zu ihr!*

[6, с. 153]

Как видим, автор вербализует свои отрицательные эмоции с помощью различных лексических единиц: *traurig* – *печальный*, *das Entsetzen* – *ужас* (в тексте: *mit Entsetzen* – с ужасом), *Angst* – *страх*, *Sehnsucht* – *тоска*.

В поэме «*Deutschland. Ein Wintermärchen*» («**Германия. Зимняя сказка**») находит свое вербальное отражение вся гамма эмоций, испытываемых поэтом к Родине. Наиболее наглядно и проникновенно автор выразил эмоцию тоски, которую в отличие от лирического героя дебютных сборников, он

испытывает не к своей возлюбленной, а к родной стране. В языковом плане она эксплицируется с помощью словосочетания «*das Heimweh bekommen*» – *тосковать по Родине* и субстантивированного инфинитива *das Sehnen* – *тоска*:

*Und die Beklemmnis täglich wuchs –
Ich hatte **das Heimweh bekommen**.*

[6, с. 339]

*Ich glaube, Vaterlandsliebe nennt
Man dieses törichte Sehnen.*

[6, с. 350]

В качестве ключевого репрезентанта эмоции тоски в поэме «*Deutschland. Ein Wintermärchen*» («*Германия. Зимняя сказка*») можно выделить лексему «*sich sehnen*» – *тосковать*, при этом автор отражает всю полисемию данной лексики, используя ее не только в значении «*тосковать по кому-л.*», но также в значении «*стремиться (к кому-л., к чему-л.)*» и «*жаждать(чего-либо)*».

*Wie sehnt ich mich oft nach der Süßigkeit
Des vaterländischen Pfühles.*

[6, с. 338]

*Ich sehnte mich nach Topfgeruch,
Nach deutschem Tabaksdampfe;*

[6, с. 342]

Как видно по приведенным примерам, поэт не только тоскует по Родине, но и всю душою стремится к ней:

Однако, в последующем стихотворном сборнике «*Zeitgedichte*» («*Современные стихотворения*») резко меняется эмоциональная составляющая. Такие эмоции как, страдания и тоска по любимой, характерные для «лично – ориентированного» лирического сборника поэта «*Neue Gedichte*», сменяются полным отсутствием чувства страха, что проявилось в использовании глагольной лексики «*fürchten*» – *бояться* с отрицательной частицей «*nicht*» – *не*, в свою очередь «Я – субъект» сменяется на обобщающее третье лицо в повествовательных и побудительных предложениях:

Schlage die Trommel und fürchte dich nicht!

[6, с. 253]

... und einen Stern

Trägt jeder schützend auf seinem Herzen,

*Und er braucht **nicht zu fürchten** die Iden des Märzen.*

[6, с. 284]

Подводя итоги, можно констатировать, что эмоции составляют значительный фрагмент поэтической картины мира Генриха Гейне. Анализ языковых средств репрезентации человеческих эмоций, обнаруженных в сборниках Гейне «*Neue Gedichte*», «*Zeitgedichte*» и поэме «*Deutschland. Ein Wintermärchen*» методом сплошной выборки, позволяет выделить ключевые эмоции и их языковые средства вербализации, характерные для разных периодов творчества немецкого автора. Если в раннем сборнике стихов «*Neue Gedichte*»

все эмоции, испытываемые лирическим героем (*печаль, страдание, страх, ужас, тоска*) относятся к возлюбленной «Я-субъекта» и объясняются любовными переживаниями самого автора, то более поздние наглядно демонстрируют «эмоциональную революцию» в творчестве Гейне. Все те же доминантные эмоции относятся уже к другим объектам, в частности, к Родине автора, и по – другому репрезентируются в силу ментальных изменений, нашедших отражение в творчестве Генриха Гейне и свидетельствующих об эволюции в его мировидении.

Список литературы

1. Изард К.И. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
2. Ильина Е.В. Репрезентация концепта МОРЕ в поэтической картине мира Н. Рубцова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. №1. С. 22-28.
3. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2010. 280 с.
4. Функции и структура эмоций. [Электронный ресурс]. URL: <http://biofile.ru/bio/2477.html>. (Дата обращения: 03.06.2016).
5. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
6. Heine H. Das Glück auf Erden. Ausgewählte Gedichte. Moskau: Verlag Progress, 1980. 638 S.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО

Емельянова А.М.

доцент кафедры иностранных и русского языков, канд. филол. наук,
Уфимский юридический институт МВД России, Россия, г. Уфа

Катюхин Д.Н.

курсант факультета подготовки следователей,
Уфимский юридический институт МВД России, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются процессы заимствований из других языков. В деятельности современного полицейского понимание и использование иноязычной лексики становится немаловажным фактором, в связи с чем изучение данного пласта лексики на занятиях по русскому языку в юридическом вузе становится вполне обоснованным, так как происходит увеличение активного и пассивного лексического запаса курсантов.

Ключевые слова: заимствования, иностранная культура, лексический состав, иноязычная лексика, иностранная лексика.

Состав русского языка постепенно изменяется, так как из его активного словаря уходят устаревшие слова, а им на смену приходят новые из других языков. Так, большое количество иноязычных слов существует в современной официально-правовой лексике.

Русский народ с древних времен вступал в культурные, торговые, военные, политические связи с другими государствами, что не могло не приве-

сти к языковым заимствованиям. Но национальная самобытность русского языка ничуть не пострадала от проникновения в него слов иноязычных, так как заимствование – вполне закономерный путь обогащения любого языка. Русский язык сохранил свою полную самобытность и лишь обогатился за счет заимствованных слов [5].

В зависимости от того, из какого языка пришли те или иные слова, могут быть выделены два типа заимствований:

- 1) заимствования родственные (из славянской семьи языков);
- 2) заимствования иноязычные (из языков иной языковой системы).

К первому типу относятся заимствования из родственного старославянского языка (иногда в лингвистической литературе его называют древнеболгарским).

Ко второму – заимствования из:

- немецкого языка (агрессор, биржа, диктат, лекаж, лозунг, полиция, циркуляр, штраф);
- латинского (администрация, алиби, адвокат, аддендум, акт, депутат, канцелярия, нотариус, пленум, ревизия, сенат, юстиция,);
- греческого (геноцид, автаркия, лепта, паникадило, эвристика);
- итальянского (авизо, ависта, жирант, лаж, чентезимо);
- английского (аврал, билль, бойкот, клиринг, паблисити);
- голландского (биржа, флот, флаг);
- французского (аванс, авантюра, арбитраж, гарант, кадастр, патруль, парламент, прокурор, талон).

Функционально-стилистическая роль иноязычных заимствованных слов весьма разнообразна. Уместность их вкрапления в русские тексты разных стилей должны быть каждый раз тщательно продуманы, так как злоупотребление иноязычной лексикой приводит к тому, что даже тексты, рассчитанные на широкий круг читателей или слушателей, могут стать частично непонятными и не достигнут поставленной цели [5].

Следует отметить, что в правовой лексике могут использоваться многозначные термины. Опытный правоприменитель обязан правильно понять большинство терминов либо за счет контекста, либо за счёт уточнения, сформулированного самим законодателем.

Например, интересная справка даётся в журнале «История государства и права», где на основе данных теоретических заключений делается попытка определить содержание термина "адвокатура" в России во второй половине XIX – начале XX в.: «Термин "адвокатура" имеет латинское происхождение, глагол "advoco" переводится как "приглашаю", а "advocatus" – "призванный". Именно в этой транскрипции слово "адвокат" вошло в большинство европейских языков. В проекте судебной реформы, известном как "Основные положения преобразования судебной части в России", впервые был употреблен термин "присяжный поверенный". Выбор данного термина был обусловлен желанием законодателей использовать привычное для русского человека слово, при этом наделив его новым смыслом. "Присяжный" означало: дав-

ший присягу, т.е. выполняющий установленные законом функции на ходатайство в суде» [2].

Облегчить современному курсанту, а в будущем – сотруднику органов внутренних дел, восприятие иноязычных слов может знание иноязычных морфем, активно используемых в юридической науке и практике настоящего времени. Это такие морфемы, как «**макро-**, греч. – крупный; **микро-**, греч. – малый; **-граф**, греч. – писать, рисовать; **орт-**, **орф-**, греч. – прямой; **юст-**, лат. – справедливый; **поли-**, греч. – много; **интер-**, лат. – между; **дактило-**, греч. – палец; **анти-**, греч. – против; **архи-**, греч. – старший; **де-**, лат. (**дез-**, фр.) – удаление; **контр-**, лат. – против» [1, с. 13].

Таким образом, изучение и понимание иноязычной лексики – важный аспект в учебной и дальнейшей профессиональной деятельности современного сотрудника органов внутренних дел.

Список литературы

1. Емельянова А.М. Грамотный полицейский – 1. Стилистая система языка: учебное пособие / А.М. Емельянова, А.Г. Михайлова. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2015. – 48 с.
2. Ильина Т.Н. Содержание понятия "адвокатура" в дореволюционной России // История государства и права, 2013, N 12).
3. Реформаторский А.А. Введение в языкознание: Учебник для вузов / Под ред. В.А. Виноградова. -М.: «Аспект Пресс», 2001.
4. Словарь иностранных слов. 16-е изд., испр. М: «Русский язык», 1988.
5. Современный русский язык. [В 2-х ч.] Под ред. Д.Э. Розендаля. Изд. 2-е. Учебник для университетов. М.: Высшая школа, 1976.

КОННОТАТИВНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАССКАЗАХ М. ЗОЩЕНКО)

Исаева Л.А.

доцент кафедры методики начального образования, канд. филолог. наук,
Чеченский государственный педагогический университет, Россия, г. Грозный

В статье рассматриваются коннотации книжного фразеологизма, определяющие экспрессивной функцией языка в рассказах М. Зощенко. Категории эмоциональности, экспрессивности и оценочности как отражения национального сознания в художественном тексте взаимодействуют с книжными словами, составляя дополнительные имплицитные смыслы характера, расширяющие общее содержание произведения. Книжные ФЕ формируют «особое психическое состояние слушателя (читателя) и обеспечивают достижение говорящим (пишущим) нужного эффекта».

Ключевые слова: коннотативность, оценочность, фразеологические единицы, экспрессивность, эмотивная семантика, языковая структура.

Проблемы организации текста с точки зрения его прагматической и коммуникативной направленности, информационной насыщенности и когнитивности являются актуальными для современной лингвистики.

Художественный текст выражает отношение к действительности и несет как семантическую информацию, так и художественную, которая неотделима от структуры текста.

При всем многообразии лексических элементов, составляющих язык текста, особую функцию выполняют фразеологические единицы (устойчивые сочетания слов, обладающие переносным значением).

Восприятие фразеологических единиц в тексте требует больше творческих усилий, чем при восприятии слова как мотивированного, так и немотивированного. «Кроме того, слово высвечивает при вторичной номинации обычно только один из образно-ассоциированных признаков, характерных для него в исходном значении» [6, с. 85].

Смысловое восприятие книжных слов представляет собой креативный процесс познания действительности индивидуумом, имеющим определенные цели, регулирующим процессы сопоставления получаемой информации с той, которой он уже обладает, опознания, вычленения и соединения слов в речевом потоке, процессы составления более конкретного представления о предмете речи, корректирующего первоначальные знания о нем. Очень важными являются этапы восприятия при усвоении книжных фразеологических единиц, особых компонентов текста (устного) письменного; художественного (нехудожественного) [4, с. 141].

В данной работе как наиболее значимые языковые структуры рассмотрим фразеологические единицы в аспекте их функционирования в тексте на примере рассказов М.Зощенко. В сатирических рассказах талантливого русского писателя очень часто употребляются устойчивые сочетания слов. Это делает язык не только более эмоциональным, но и помогает читателю осознать, в какой среде живут герои рассказов.

Коннотация книжного фразеологизма (как и книжного слова) определяется экспрессивной функцией языка, а также состоит из стилистических компонентов: **оценочного, эмотивного, экспрессивного, образного:**

«Он говорит:

– Пиши: сего числа пропала галоша. И так далее. Даю, дескать, расписку о невыезде впредь до выяснения» («Галоша») – одновременный эллипсис (пропущено слово), и введение другого компонента (*впредь*);

«Некоторые начали вслух выражать свое неудовольствие, дескать, не пора ли одернуть, если он зарвался и кричит и командует прислугой. Где же возможно одной старухе так узлы поднимать?» («Человека обидели») – присутствует разъяснение содержания использованного фразеологизма;

«Это, говорит, невозможно допускать такие действия. Это издевательство над свободной личностью. Это форменная гримаса нэпа» («Человека обидели») – стилистический разноречивый выделяет присутствие в данном контексте книжного оборота.

Оценочность как один из объектов коннотации позволяет книжным фразеологическим единицам видоизменяться в зависимости от коммуникативной ситуации.

Фразеологизмы выражают эмоции без проявления оценочности, когда оценочность формируется в тексте: книжные выражения приобретают по-

ложительную окраску; идеологемы обусловлены положительной прагматикой; присутствуют юридические термины с отрицательной направленностью:

*«Только вдруг мы замечаем, что при всей красоте работы весовщик очень уж требовательный законник. Очень уж он **соблюдает интересы граждан и государства**. Ну, не каждому, но через два-три человека он обязательно отказывает груз принимать. Чуть расхлябанная тара – он ее не берет. Хотя видать, что сочувствует»* («Слабая тара») – юридические термины с отрицательной направленностью в оценке.

Оценочность связана с эмоциями. Восприятие эмоций находится в прямой зависимости от аксиологической деятельности человека. С.Л. Рубинштейн полагает, что при восприятии эмоций, выражаемых книжными словами, их природы и функций основным исходным моментом является взаимоотношение, связь, устанавливаемая в эмоциональных процессах, между ходом событий, «совершающимся в соответствии или вразрез с потребностями индивида, ходом его деятельности, направленной на удовлетворение этих потребностей [5, с. 459].

Эмотивная семантика книжных слов рассматривается в рамках языковой номинации лексически свободных и лексически связанных единиц. Существует следующие уровни эмотивного восприятия фразеологических оборотов:

- эмотивные значения являются основными компонентами семантики;
- коннотации как компонент значения ФЕ;
- эмотивные возможности при реализации в тексте выявляют скрытую коннотацию фразеологической единицы [1]. Отсюда можно утверждать, что автор предоставляет читателю возможность определить эмотивную направленность исследуемых единиц:

*«Пока мы тут с вами решали разные **ответственные вопросы** насчет колхозов промфинплана – жизнь идет своим чередом. Люди устраивают свою судьбу, женятся, выходят замуж, заботятся о своем личном счастье, а некоторые даже жулят и спекулируют»* («Не надо спекулировать»).

Восприятие коннотативной сущности книжных фразеологических единиц связано с экспрессивной зависимостью устойчивых сочетаний слов. В данном случае уместно определение следующих понятий: «эмоции», «эмоциональность», «экспрессивность»; в основном эти представления часто не различаются. Исследователи отмечают: **эмоции** – психические переживания, душевные волнения; **экспрессия** – сила проявления чувств и переживаний. «Эмоциональное воздействие – стремление говорящего (или пишущего) вызвать определенное психическое состояние у слушающего (или читающего). Экспрессивное воздействие – стремление усилить или ослабить степень проявления этого психического состояния» [2, с. 88].

Введение экспрессивности в значение книжных фразеологических единиц осуществляется различными способами: путем экспрессивно-образного переосмысления свободного сочетания или стилистических сдвигов, связанных с нормами реализации в речи переменного, или устойчивого сочетания слов в определенных социальных речевых ситуациях:

– на основе переосмысления свободного сочетания слов:

*«И там им сказали: дескать, это вполне непьющая, пожилая, некрасивая старуха. И, дескать, она любит детей и прямо с рук их не спускает. И даром, что это старуха, но это такая старуха, которая вполне **достойна войти в новое бесклассовое общество**» («Няня»);*

– на основе переосмысления канцелярского оборота, используемого при оформлении протоколов и других официальных документов:

«Сторож говорит:

*– Как я тебя ахну по зубам – будешь **оскорблять при исполнении служебных обязанностей**... Держите его крепче... Но выпускайте его, нахала» («Страдания Вертера»).*

Выражаемая подобными фразеологизмами оценка проявляется в большей степени в условиях определенного контекста (в определенной конситуации). В процессе речевой коммуникации автор преследует цель оказать воздействие на поведение или даже положение читателя, т.е. обеспечить эффективность эмоционального (параллельно с рациональным) воздействия на воспринимающего текст.

Результат авторского воздействия может быть планируемым (прогнозируемым) или непланируемым. Это зависит от удачного или неудачного использования фразеологизмов в структуре текста, т.е. вызвала ли реализация того или иного устойчивого выражения какие-либо эмоции по отношению к описываемому [2]. Примером удачного вплетения фразеологической единицы в ткань текста Михаилом Зощенко является следующий фрагмент рассказа:

*«Тогда наш молодой поэт, подумав о **превратностях судьбы** и о том, что поэзия – дело в сущности, темное, не способствующее ведению легкой жизни, продал на рынке свое пальто. И налегке побывал со своей барышней там, где она того хотела» («Романтическая история»).*

Категории эмоциональности, экспрессивности и оценочности как отражения национального сознания в художественном тексте взаимодействуют с книжными словами, составляя тем самым дополнительные невыраженные смыслы характера, расширяющие общее содержание произведения.

Таким образом, книжные фразеологические единицы в тексте выражаются посредством эмоционально скрытого образа; формируют особое психическое состояние слушателя (читателя); обеспечивают достижение говорящим (пишущим) нужного эффекта» [7, с. 81].

Список литературы

1. Водяха А.А. Коммуникативно-прагматический аспект эмоциональной рамки высказывания // Коммуникативно-прагматическая семантика: Сб.науч.ст. – Волгоград, 2000. С. 30-31.
2. Добрыднева Е.А. Экспрессивно-эмоциональная выразительность фразеологических единиц и ее прагматическая направленность // Семантика языка и текста: Сб.науч.ст. – Волгоград, 1998. (а). С. 88-89.
3. Зощенко М. М. Избранное: Рассказы. – М: ЗАО Изд-во ЭКСМО-пресс, 1999. 800 с.
4. Исаева Л.А. Коммуникативный и коннотативный аспекты книжных лексических и фразеологических единиц в художественных текстах (на материале рассказов М. М. Зощенко) : Дис. ... канд. филол. наук: Махачкала, 2004. 170 с.

5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1946.
6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвистический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
7. Эмирова А.М. Фразеология перестройки: тематика и семантика // Русский язык в школе, 1990, №3.

КОМПОЗИЦИОННАЯ РАМКА КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. КУЗМИНА И И. СЕВЕРЯНИНА)

Капустина Ю.А.

ст. преподаватель кафедры филологии и спортивной журналистики,
Российский государственный университет физической культуры,
спорта, молодежи и туризма, Россия, г. Москва

В статье рассматривается роль композиционной рамки в построении лирического цикла Серебряного века. Выдвигается гипотеза о связи композиционной рамки с циклообразованием. Особое внимание уделяется использованию вступительных и заключительных стихотворений в лирических циклах поэтов Михаила Кузмина и Игоря Северянина.

Ключевые слова: композиционная рамка, лирический цикл, Серебряный век, поэзия, циклизация.

Композиционная рамка лирического цикла – это вступительное и заключительное стихотворения, написанные самим автором и им же включенные в состав цикла в качестве средства структурной организации текста. Композиционная рамка используется для придания тексту оформленности. В отличие от вступительного и заключительного стихотворений сборника (подборки стихов) композиционная рамка лирического цикла является важным способом циклообразования.

Многие поэты Серебряного века считали отсутствие в лирическом цикле композиционной рамки очевидным недостатком. Другие, не стремясь выделять вступительную и заключительную части, все же старались открывать и закрывать циклы и сборники так называемыми «опорными» стихотворениями, выполняющими по сути роль той же самой композиционной рамки. Иногда эти стихи выделялись графически – например, курсивом.

Михаил Кузмин все свои книги стихов и наиболее значительные лирические циклы снабдил композиционной рамкой. Вступлением к книге стихов «Сети» стало стихотворение «Мои предки», в «Осенних озерах» – короткое «Посвящение» и вступление, открывающее третью часть; к «Глиняным голубкам» – «Из глины голубых голубок...», к «Нездешним вечерам» – «О, нездешние...», а также двухчастное вступление и «Заключение» в «Форели».

Говоря об отдельных циклах Кузмина, следует отметить стихотворения «Мой портрет» и «Эпилог» в «Прерванной повести», трехчастное вступление и заключение в «Александрийских песнях», «Вступление» и «Заключение

(Одигитрию») в «Праздниках Пресвятой Богородицы, «Вступление» к «Новому Гулю».

Как видим, Кузмин, сторонник композиционной четкости, в отличие от многих других авторов не ограничивался одними вступлениями и старался завершать книгу стихов тем лирическим циклом, который имеет заключительную часть. Она становилась одновременно и заключением ко всей книге.

Подобное внимание к композиционной четкости циклов объясняется тем обстоятельством, что отдельные стихотворения из состава циклов могли появляться в печати раньше, чем циклы и книги стихов полностью. Возникла необходимость сформировать у читателей новый взгляд на уже знакомое произведение путем новой подачи материала [2, с. 20].

При этом многие стихотворения из состава композиционных рамок Кузмина стали знаковыми в его творчестве. Это, прежде всего, знаменитые «Мои предки», «Как песня матери...», «О, нездешние...».

Игорь Северянин, подобно Михаилу Кузмину, считал написание композиционной рамки важным шагом в создании лирического цикла или книги стихов.

Так, композиционными рамками снабжены, в частности, циклы «За струнной изгородью лиры», «Эго-футуризм», «Лунные тени», «Колье процессы», «Розирис» и многие другие. Кроме того, Северянин предпочитал, чтобы его книги стихов также имели вступительную и (или) заключительную части. В частности, вступительная часть имеется в книге «Гост безответный», а в книгах «Соловей», «Вервэна» и «Менестрель» – полная композиционная рамка. В книге «Громокипящий кубок» вступительное стихотворение заменяет «Автопредисловие». Из 14 оригинальных книг поэта композиционная рамка в том или ином виде имеется в восьми, то есть более чем в половине.

Если выделенную автором вступительную часть к циклам и книгам стихотворений признавали важным элементом структуры многие поэты Серебряного века, к заключительной части обычно складывалось более прохладное отношение. Ее использовали далеко не всегда. Игорь Северянин, напротив, считал финал столь же важным, как и начало. Действительно, полная композиционная рамка лучше подчеркивает целостность книги. Если в ранней поэзии поэт использовал заключительные стихотворения лишь время от времени, в более зрелых произведениях, которые будут писаться в после-революционное время, Северянин выделяет и вступительные, и заключительные стихотворения. Это прежде всего относится к книгам «Вервэна» (1918-19 гг.), «Менестрель» (1921) и «Соловей» (1923). Все эти сборники завершают стихотворения с одним названием – «Финал».

При этом Северянин часто обращает внимание читателей, какую именно книгу стихов он завершил: «Закончен том, но не закончен его раздробленный сюжет» («Соловей»); «Кончается одиннадцатый том моих стихов, поющих о бывалом» («Вервэна»), «Под новый год кончается мой труд – двенадцатая книга вдохновений» («Менестрель»). Нумерация подчеркивает стремление автора связать книги стихов в единое художественное целое.

Список литературы

1. Аносова Л.В. Архитектоника и поэтика лирических циклов в книгах стихов М.Кузмина 1910-х гг. Дис. .. канд. филол. наук. М., 2008. 170с.
2. М. Кузмин. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примечания Н.А.Богомолова. – СПб: Академический проект, 1996. – 832 с.
3. Петрова Н.В. Начало и его роль в организации художественного текста. Дис. .. канд. филол. наук. Иркутск, 1983. 175 с.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Костромина Т.А.

аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследо-
вательский университет», Россия, г. Белгород

В статье предпринимается попытка лапидарного описания феномена социальной рекламы с позиций языковедческого интереса к нему. В фокусе внимания находится изучение не только некоторых специфических особенностей социальной рекламы как рекуррентного явления последних десятилетий, но и работы ученых, которые рассматривали социальную рекламу в несколько узкоспециализированном ракурсе.

Ключевые слова: лингвокультура, социальная реклама, языковые средства, вербализация.

Современные процессы модернизации общества в эпоху глобализации и интеграции, затрагивающие политическую, социальную, экономическую сферы, особенно существенно отражаются в средствах массовой информации. При этом нельзя не отметить тот факт, что социальная реклама занимает совершенно особую нишу и выступает в качестве потенциального ориентира в сфере человеческих ценностей. Соответственно, возрастает роль средств достижения ее коммуникативных целей, как вербальных, так и собственно, графических. Это мотивирует к исследованию и более глубокому пониманию особенностей развития общества, его ценностных ориентиров, современного состояния.

Сразу отметим, что явление рекламы как социокультурного феномена нашло свое отражение в трудах социологов, экономистов, философов, культурологов, филологов, психологов и даже лингвистов, причем ученых интересовала не просто содержательная сторона того или иного поста, но, прежде всего, его воздействие на потенциального потребителя как гипотетическое, так и реальное, фактическое. При этом, несмотря на определенный научный вклад в исследовании данной области, возникают многочисленные вопросы по поводу однозначного дефинирования феномена социальной рекламы и его роли в общественной жизни. Так, например, экономический аспект рекламных кампаний исследовался П. Дойль, Ф. Котлер, Д. Огилви, Л. Перси, И.С. Березин, С.В. Веселов, П.С. Завьялов, И.В. Крылов и др.; сквозь призму культурологического подхода реклама изучалась Г.С. Кнабе, В.В. Ученовой

и др.; реклама как особый вид СМИ представлена в трудах К.Л. Бове, И.А. Имшинецкой, В.Л. Музыканта, В.А. Евстафьева, Е.А.Пасютиной, И.Я. Рожкова; с позиций социологической и психологической парадигмы реклама рассмотрена в работах Н.В. Алимпиевой, И.Л. Викентьева, М.В. Гундарина, Е.Л. Доценко, Л.В. Матвеевой, С.С. Перекатнова, О.О. Савельевой, А.П. Ситникова, Л.Н. Федотовой, и др.) и т.д.

Большинство из представленных точек зрения определяют приоритет рекламы в ее экономическом ракурсе, то есть придерживаются дефиниции Американской ассоциации маркетинга, которая ассоциирует рекламу с любой формой «неличного представления и продвижения идей, товаров или услуг, оплачиваемую точно установленным заказчиком» и предполагает, что основная функция рекламы заключена в привлечении внимания потенциальных потребителей к предлагаемому продукту посредством использования проработанных эффективных методов. Из представленного определения вытекает, что реклама сама по себе является продуктом экономической сферы, коль скоро она затрагивает вопросы сбыта некоего продукта или услуги потенциальному потребителю. Однако тот факт, что это самое воздействие на людей осуществляется благодаря разнообразным проверенным средствам, в том числе и вербальным, выводит ее в разряд и социально-психологического феномена. В свою очередь, относясь к социокультурному континууму, реклама может быть рассмотрена сквозь призму медиатекста и являться объектом лингвистического анализа.

Дело в том, что, с одной стороны, социальная реклама по принципам своей подачи представляет собой явление по форме подачи и организации явление коммерческого и политического порядка, а, с другой, такая реклама имеет достаточно выраженную социальную направленность, обусловленную общечеловеческими целями. Последнее роднит явление социальной рекламы с социальным контекстом и выводит ее из торгово-экономического оборота в качестве элемента дидактической, пропагандистской, агитирующей направленности. Высказанное умозаключение не требует доказательств, коль скоро, ее основной целью является попытка изменить настроения социума, обратить внимание общества к какой-либо проблеме, актуализировать вопросы долгосрочной перспективы. Соответственно, нельзя недооценивать ее роль в формировании общественного мнения и его изменения.

Данное обстоятельство обуславливает лингвистический интерес к дискурсу социальной рекламы как объекту специального исследования. Именно эта коммуникативная сфера характеризуется специализированным языком воздействия на реципиента, критериями эффективности и т.д. В лингвистических трудах считается, что рекламный дискурс, в том числе и дискурс социальной рекламы представляет собой одну из языковых сфер, где язык выступает в качестве не просто инструмента увещательной коммуникации, имеющего агитационную направленность, но и образовательного, воздействующего на поведение социума, в том числе и в долгосрочной перспективе. Одним из ее специфических особенностей, точнее факторов ее возникновения, являются неблагоприятные или даже кризисные условия ее возникнове-

ния. В таком случае она призвана конкурировать с социальными стереотипами, этическими соображениями и действовать в рамках нормативных юридических документов, кроме того, в коммуникативном аспекте она призвана воздействовать и на отдельного человека, и на общество в целом одновременно. Именно комплексность социальной рекламы, специфики используемых языковых средств и приемов позволяет говорить о ней как уникальном объекте лингвистического анализа.

Как известно, отечественные и зарубежные ученые в последние десятилетия обращались к описанию рекламы как к особенному прагматическому началу, то есть комплексу языковых средств, способствующих достижению коммуникативной задачи и воздействия на человека, его сознание и, соответственно, поведение [3]. Кроме того, известно изучение рекламы с точки зрения используемой в ней терминологии, профессиональной лексики, грамотности, в переводческом аспекту [1]. Особое значение ученые придавали изучению функциональной классификации рекламного текста. В частности, речь преимущественно шла об отнесении того или иного текста к социальной рекламе. Например, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова отмечают, что монологические реплики-сообщения в виде признаний в любви к городу, стране. В подобных постах профилируются патриотические настроения, которые ожидаются от неперсонифицированного персонажа-горожанина. Или же такие лозунги адресуются определенным социальным слоям населения, только в них помимо декларативной части содержится еще и мотивирующая.

Интересным, на наш взгляд, является так называемый лингвокультурологический подход к описанию рекламы. В таком ключе само понятие «социальная реклама» трактуется в аспекте ценностной шкалы лингвокультуры и с учетом корреляций ценностных ориентиров общества, которые вычисляются на основании фоновых знаний о лингвокультуре, и новых критических условий, которые в условия константного воздействия могут отрицательно на них влиять. С этих позиций социальная реклама выступает исключительно как культурный феномен [5; 6]. В этом аспекте особую роль играют в том числе и лексические средства, наделенные особой коннотацией.

Также интересным с точки зрения лингвистического осмысления феномена рекламы выступают труды ученых по описанию негомогенного характера самих рекламных текстов, включающих не только письменные вербальные элементы, но и аудиовизуальные средства привлечения внимания реципиента [2; 4]. При этом, такая разнородность содержания и формата рекламного текста и его представления достаточно синкретично воспринимается социумом.

Итак, подводя итог рассмотрению феномена рекламы, отметим, что именно такой вид рекламы с учетом средств репрезентации, формы и содержания интересен не только для исключительно маркетинговых и социологических работ, но и, прежде всего, для лингвистической науки. Фокус внимания последней направлен на контентную составляющую рекламного текста, а также иллюкативную или прагмаориентированную сторону. Последняя с учетом лингвокультурологической соотнесенности, на наш взгляд, представляет

собой перспективную область для непосредственного лингвистического мониторинга с учетом меняющихся современных условий.

Список литературы

1. Корнилова Е.Е. Язык телевизионной рекламы: Функция воздействия и функция сообщения: дисс. кандидата филол. наук. Р-на-Д., 1997. 170 с.
2. Назайкин А.Н. Эффективный рекламный текст В СМИ: автореферат дисс. ...д-ра филол. наук. М., 2011. 43с.
3. Потапова У.Ю. Социальная реклама: эффективность функционирования в социальной коммуникации российского общества: дисс. канд. соц. наук. Р-на-Д, 2006. 226 с.
4. Тюрина С.Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // Вестник ИГЭУ. Вып.1. 2009. С. 75-77.
5. Штукина Е.Э. Рекламный текст как феномен поликультурного города: на материале рекламы г. Костаная: автореф. дисс. канд. филол. наук. – Челябинск, 2009. 23 с.
6. Щербина Н.В. Американский рекламный текст в аспекте взаимодействия языка и культуры: автореф. дисс. канд. филол. наук. Хабаровск, 2002. 26 с.

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ АГЕНТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Крофто А.В.

доцент кафедры естественнонаучных и лингвистических дисциплин и методик их преподавания, канд. филол. наук, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Беларусь, г. Гродно

В статье рассматриваются особенности словообразовательной структуры агентивных наименований лица в восточнославянских и польском языках: способы словообразования, деривационные модели.

Ключевые слова: словообразование, агентивные наименования, формант, словообразовательная модель, суффикс.

Пласт наименований лица включает в себя разнообразные подгруппы существительных. Центральное место в нем занимают наименования лица по деятельности. (агентивные существительные (агентивы)). В «Словаре лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя термин «агентивное значение» определяется как ‘значение деятеля’ (от лат. *agens, agentis* – ‘который действует’) [168]. В данной статье мы рассмотрим особенности словообразовательной структуры агентивов восточнославянских и польского языков, используя данные переводных и толковых словарей: «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (Минск, 1977-1984), «Слоўнік новых слоў беларускай мовы» (Минск, 2009), «Слоўнік беларускай мовы» (Минск, 2012), «Словарь русского языка» (Москва, 1985-1988), «Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» (Москва, 2000), «Словник української мови» (Киев, 1970-1980), «Słownik języka polskiego» (Варшава, 1978-1981), «Русско-белорусский словарь» (Минск, 1998), «Беларуска-рускі слоўнік» (Минск, 2003), «Українська-

беларускі слоўнік» (Минск, 1980), «Білорусько-український словник» (Киев, 2006), «Польска-беларускі слоўнік» (Минск, 2004), «Wielki słownik polsko-rosyjski» (Варшава, Москва, 1967), «Большой русско-польский словарь» (Варшава, 1986). Поскольку основанием для номинации чаще всего выступает само действие, объект или инструмент, характер словообразовательных основ в четырех исследуемых языках преимущественно одинаков. В подгруппе наименований лица по профессиональному действию около половины (44,5-50 %) существительных – отглагольные дериваты. Отсубстантивные имена существительные составляют около 20 %. Менее многочисленны агентивы, образованные от основ прилагательных, способом субстантивации, непроизводные лексемы, композиты. В деривации наименований лица по непрофессиональной деятельности в большей степени преобладает суффиксация от глагольных основ (от 81,3 до 85,2 %), чем в наименованиях лица по профессии. Основу семантики таких агентивов составляет само действие, не связанное с результатом, инструментом или местом. От субстантивных основ агентивы данной подгруппы образуются реже: от 5,8 % в польском языке до 14,9 % в белорусском. Немногочисленны существительные, образованные от иных типов основ и непроизводные.

В восточнославянских и польском языках основным способом образования агентивных существительных является суффиксация. Наибольшей “универсальностью” словообразовательных моделей отличается украинский язык, где в деривации как профессиональных, так и непрофессиональных агентивных наименований от глагольных основ наиболее активно используется суффикс *-ник* (*-льник*), реже – *-ач*, а в деривации от субстантивных основ – *-ник* (реже – *-ар*): *збагачувальник*, *обтиральник*, *м'яльник*, *папіросник*, *вагонник*, *вафельник*; *порадник*, *виявник*, *обмовник*, *зривник*. В русском же языке в образовании профессиональных наименований лица наиболее регулярен суффикс *-щик* (*-чик*, *-льщик*), который присоединяется к основам различных типов, а в образовании наименований лица по непрофессиональной деятельности – *-тель*, сочетаемый с глагольными основами: *обрубщик*, *отбельщик*, *заливщик*, *изолировщик*, *обвязчик*; *почитатель*, *сочинитель*, *спаситель*, *изыскатель*. В белорусском языке в первом случае под влиянием русского языка распространилась модель *V + -шчык* (*-чык*, *-льшчык*), а также *S + -шчык* (*-чык*): *каркавальшчык*, *кляпальшчык*, *намыўшчык*, *наклейшчык*, *разліўшчык*; в другом используется модель *V + -ник* (*-льник*): *выратавальнік*, *завяршальнік*, *аб'яднальнік*, *натхняльнік*. В деривации польских наименований лица по профессии наиболее регулярна модель *V + -acz*: *wypalacz*, *wybielacz*, *odbijacz*, *nasalacz*, *nawijacz*; по непрофессиональной деятельности – *V + -ciel*: *znieważyciel*, *wskrzesciel*, *wyraziciel*, *mściciel*. Таким образом, белорусский и русский языки проявляют большее сходство в словообразовательной структуре профессиональных наименований лица, а белорусский и украинский соответственно – в наименованиях непрофессиональной сферы. Украинский и польский языки сближаются использованием суффиксов *-ap// -arz*, *-ach// -acz*, *-nik// -nik*, а также *-eць// -iec*, хотя эти форманты имеют разную степень регулярности и сочетаемости с основами разного типа. В отсубстантивной деривации

вации *-ar* в украинском языке уступает *-ник*, в польском *-arz* чаще всего образует существительные от субстантивных основ, *-nik* занимает вторую позицию. В украинском языке *-ник* – продуктивный формант, в польском продуктивностью отличается *-arz*.

Особенностью польского языка является синтаксический способ номинации, распространенный в образовании наименований лица по профессии: *бродильщик* – *pracownik prowadzący fermentację*, *давальщик* – *robotnik zatrudniony przy wyciskaniu soku*, *хромовицик* – *specjalista chromowania*.

Таким образом, при преимущественной общности характера словообразовательных основ и преобладании суффиксации как способа образования агентивов различных подгрупп, агентивные наименования лица восточнославянских и польского языков характеризуются различиями в сочетаемости формантов с основами определенного типа и в регулярности использования словообразовательных моделей.

Список литературы

1. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. М. : Просвещение, 1985. <http://endic.ru/linguistics/Agentivnoe-957.html>. (дата обращения: 29.10.2016).

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Макеедова Н.В.

ст. преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются различные подходы к определению термина «языковая картина мира». Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как «языковой промежуточный мир», то как «языковая репрезентация мира», то как «языковая модель мира», то как «языковая картина мира».

Ключевые слова: картина мира, язык, культура, концептуализация.

М. Хайдеггер писал, что при слове «картина» мы думаем, прежде всего, об отображении чего-либо, «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина». Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных (верх – низ, правый – левый, восток – запад, далекий близкий), временных (день – ночь, зима – лето), количественных, этических и других параметров. На ее формирование влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы [6, с. 93].

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная картина мира, сквозь призму которой человек видит мир [4, с. 70].

Ю.Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. Языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их. Изучая семантику этих слов, можно выявить специфику когнитивных (мыслительных) моделей, определяющих своеобразие наивной картины мира [5, с. 5].

Поскольку познание человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается», тогда, как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений. Так, довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъема говорящий использует фразеологизм *воспарить душой*, не осознавая, что это средство языка связано с архаическими представлениями о наличии внутри человека животворящей субстанции – души, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла покидать тело, перемещаясь к небесам [4, с. 70].

По мнению В.Б. Касевича, картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказаться в той или иной степени пережитой, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительно для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения [2, с. 14].

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [4, с. 71].

Таким образом, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но и в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы «пространство значений» (в терминологии А.Н. Леонтьева), т.е. закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, т.е. языковая картина мира

как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике [3, с. 98].

Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [5, с. 87].

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // *Вопр. Языкознания*. 1995. № 1. С. 5, 37-66.
2. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Наука, 1996. 309 с.
3. Леонтьев А.Н. Человек и культура. М.: Наука, 1961. 302 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. С. 70-71.
5. Толстикова Л.В. Когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты функционирования русизмов в англоязычном и англицизмов в русскоязычном газетных дискурсах: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2012. С. 153.
6. Хайдеггер М. Время картины мира // *Новая технократическая волна на Западе*. М.: Просвещение, 1986. С. 93.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОБЛЕМАТИКИ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО. ДЕТСКАЯ ТЕМА.

Максименко Е.Д.

студентка 1-го курса магистратуры филологического факультета по направлению 520303 «Зарубежная литература», Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Статья посвящена анализу детской темы в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. Рассмотрено несколько глав из полного собрания сочинений «Дневников», в том числе публицистические статьи и художественные рассказы (например, фантастический рассказ «Мальчик у Христа на елке»). На основе проведенного исследования автор предлагает обратить внимание на одну из главных тем в творчестве Ф.М. Достоевского, которая является одним из лейтмотивов всего авторского наследия писателя. В статье дан анализ научных изысканий И.Л. Волгина и М.М. Бахтина.

Ключевые слова: Достоевский, «Дневник писателя», мальчик с ручкой, дети, общество, фантастический рассказ, публицистика.

В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского можно элементарно отыскать примеры того, как отклик на остросоциальные проблемы, распространенные в жизни обычных людей, трансформируется писателем в высококлассную художественную прозу. Подобный прием Достоевского – своеобразная харак-

терная черта «Дневника писателя», когда из публициста, размышляющего о частных случаях из жизни «лишних людей», он в своем письме преобразается в писателя философской и религиозной направленности.

1876 год, январь, глава вторая «Мальчик с ручкой»: «дети странный народ, они снятся и мерещатся» – так начинается Достоевский повествование о тех детях, к кому судьба проявит свои самые жестокие и несправедливые методы. Здесь, он пишет о детях, заселяющих нищенские ночлежки, кто, лишившись родителей, или же обучившись у родителей-алкоголиков, вынужден даже в смертельный мороз бродить по городу «с ручкой», просить милостыню, чтобы выстраданными мольбами снова вложить их в никуда – в алкоголь своих кровных или условных попечителей. Эти дети голодные, нелюбимые, о которых никто не заботится, они выброшены на произвол обледеневших улиц, чтобы с годами познать еще более низкую и падшую жизнь. «Само собою, становятся воришками. Воровство обращается в страсть даже у восьмилетних детей, иногда даже без всякого сознания о преступности действия. Под конец переносят все – голод, холод, побои, – только за одно, за свободу, и убегают от своих халатников бродяжить уже от себя. Это дикое существо не понимает иногда ничего, ни где он живет, ни какой он нации, есть ли Бог, есть ли государь; даже такие передают о них вещи, что невероятно слышать, и, однако же, все факты». Так завершается глава «Мальчик с ручкой», несколько отстраненно, в формате обыденной заметки, констатирующей факт деградации лучшей (детской) части отечественной жизни, когда некогда ангелы должны будут обратиться в отбросы, в «дикие существа», которым никто не давал ни любви, ни правильных установок на жизнь. Достоевский пишет об этом коротко, не персонифицируя конкретных персонажей, обзывая «главного героя» заметки просто «одним мальчишкой, никак не более лет семи», чтобы читатель осознал, что нет смысла искать и идентифицировать виновных в детских голоде и преступности, чтобы читатель понял, что виновно в этом явлении духовного распада и физической смерти – все тогдашнее общество в целом, все то, что формировало и формирует такое общество в таком виде. Более того, Достоевский выбирает жанр короткой заметки для того, чтобы в следующей главе выразить свое личное, авторское, чувственно-эмоциональное отношение к этой проблеме уже в жанре полноценного фантастического рассказа.

Фантастический – определение, данное для возможности образования максимально рационализированной формулировки, на деле же, Достоевский, бесспорно, преподносит рассказ «Мальчик у Христа на елке», как истинный исход, в который он верит, и который он знает, что должен случиться и случается с каждым таким «диким существом». Этот рассказ, как желание автора верить, что у каждого такого ребенка будет и свой дом, и свой Бог, и своя мать, и свое тепло. «Мерещится мне, был в подвале мальчик, но еще очень маленький, лет шести или даже менее. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале. Одет он был в какой-то халатик и дрожал. Дыхание его вылетало белым паром, и он, сидя в углу на сундуке, от скуки нарочно пускал этот пар изо рта и забавлялся, смотря, как он вылетает» [7, с. 233].

Это первое описание мальчика в рассказе, и особенно примечательно оно тем, что Достоевский не дает читателю описание деталей внешности мальчика, как то цвет его глаз или форма губ, он описывает единственную забаву доступную мальчику – игру с собственным дыханием, что необыкновенно пронизательно передает читателю всю эссенцию «ненужности» – родительского презрения и социальной невостребованности таких детей, у них ведь и нет ничего, кроме собственной жизни, души и дыхания. Конечно, столь маленький мальчик, с десятков раз пытающийся разбудить свою мать, так и не догадается, что она уже умерла в ночлежке, и тогда мальчик только скажет: «Очень уж здесь холодно», и полезет из подвала на мороз. В эпизоде на улице: «Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика», – это короткое предложение, транслирующее кричащее слово «мимо», служит в роли построения «живого» мира вокруг ребенка, где все так громко и так богато движением, но самое страшное заключается в том, что в таком «живом» мире динамики большого города мальчик – совсем один.

«Господи, какой город! Никогда еще он не видал ничего такого. Там, откуда он приехал, по ночам такой черный мрак, один фонарь на всю улицу. Деревянные низенькие домишки запираются ставнями на улице, чуть смеркнется – никого, все затворяются по домам, и только завывают целые стаи собак, сотни и тысячи их, воют и лают всю ночь. Но там было зато так тепло и ему давали кушать, а здесь – господи, кабы покушать! И какой здесь стук и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз!» [3, с. 234]. Так, у Достоевского этот январский мороз в большом городе обезличивает души и делает равнодушными его жителей ко всему, что меньше размером, ко всему, что не так ярко светится. «Вот и опять улица, – ох какая широкая! Вот здесь так раздавят наверно; как они все кричат, бегут и едут, а свету-то, свету-то»!

Дальше мальчик свидетельствует роскошное детское празднество, с елкой и танцами, музыкой, огнями, где «по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то». «И вдруг вспомнил мальчик про то, что у него так болят пальчики, заплакал и побежал дальше, и вот опять видит он сквозь другое стекло комнату, опять там деревья, но на столах пироги, всякие – миндальные, красные, желтые, и сидят там четыре богатые барыни, а кто придет, они тому дают пироги, а отворится дверь по-минутно, входит к ним с улицы много господ. Подкрался мальчик, отворил вдруг дверь и вошел. Ух, как на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорее и сунула ему в руку копеечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Как он испугался! А копеечка тут же выкатилась и зазвенела по ступенькам: не мог он согнуть свои красные пальчики и придержать ее».

Достоевский рисует четырех отрешенных городских барынь, чье обмельчание духа венчается трусостью и жестокостью, когда «одна барыня», которая решила дать мальчику копеечку, увы, делает это не из искреннего побуждения спасти и согреть, а для того, чтобы создать мнимое пристанище для собственных уколов совести, которое сможет оправдать совсем уж не-

пристойное хладнокровие всех остальных. И это наречие спешки «поскорее» еще только ярче отображает кризис ситуации, ведь отозвавшаяся барыня испытывает ни что иное, как стыд, формально помогая погибающему ребенку. И именно этим мотивом стыда в попытке сделать благое дело Достоевский и изображает всю духовную уродливость и черствость тогдашнего общества, где голодающие дети-попрошайки всего лишь следствие других внутренних социальных пороков. Здесь уместно вставить цитату Достоевского из неопубликованных глав в «Дневнике писателя» – «глава вторая «Опять обособление. Восьмая часть «Анны Карениной» – «А граждане мы, интеллигенция русского народа, – плохие. Мы при первой неудаче сейчас же в обособление и отъединение, и так весьма часто бывает с лучшими и умнейшими из интеллигентных русских людей». И далее: ««Лишь непрерывным, не останавливающимся соприкосновением нашим с народом мы, верхний слой его, существуем, тянемся кое-как, а подчас даже оживляемся и обновляемся. Это непрерывное соприкосновение наше с народом и обновление себя его силами в большинстве интеллигенции нашей происходит, увы, до сих пор почти бессознательно. Силы-то мы из народа черпаем, а народ все-таки свысока презираем».

И. Л. Волгин в публикации «Фрагменты «Дневника писателя» из собрания «Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования», исследующий неопубликованные фрагменты «Дневника писателя», также говорит о том, что Достоевский уверен, что в разрешении подобных социальных проблем должно участвовать всецело русское общество: «Любопытны неопубликованные фрагменты из главки «Нечто об одном здании. Соответственные мысли». Повествуя о своем посещении Воспитательного дома, Достоевский делает, как обычно, далеко идущие обобщения. Он пишет о судьбе детей, этих «вышвырков», о которых, по мысли писателя, должно заботиться все общество – дать им образование, «и даже самое высшее образование всем, провести через университеты, одним словом, не оставлять их как можно дольше, и это, так сказать, всем государством, принять их, так сказать, за общих, за государственных детей». Далее Достоевский писал: «материнство разве может исчезнуть?» «Напротив, может быть, если общество возвысится до гуманной идеи о сознании своего долга к этим несчастным вышвыркам, то не может оно и само не улучшиться, а в улучшенном обществе улучшится и мать, улучшится и сознание долга родительского. Долг же общества к этим вышвыркам ясен: если государство признает, что семейство есть основание обществу, долгу, чести, всему государству, будущему ему, всему человеческому целому, то чем небрежнее оно отнесется к этим вышвыркам, тем вправе лишиться их средств приобрести чувства долга, чести, гражданина – т.е. всего того, что приобретается в семействе, стало быть, рискует поглотить негодяев самому себе во вред» [1, с. 82].

Впоследствии, сам Достоевский и формирует этот неоспоримый тезис, о том, что излечение всех социальных болезней сосредоточено в излечении духовном. Из той же публикации Волгина: «На этой же странице рукописи располагается еще один отрывок, исключенный при окончательной редак-

ции: «По-моему христианство едва только начинается у людей. Дело именно (в том то и дело) должно разрешиться нравственной, т.е. самой трудной стороной. А начать разрешать, что тут законно и незаконно, другим путем – непременно провалишься, а потому замолчу. К тому же я с самого начала объявил, что скажу только лишь по поводу, и что издание это придется еще и еще раз поглубже исследовать» [4, с. 84].

Далее, в публикации «Фрагменты «Дневника писателя» Волгин еще более точно обозначает этот излечительный и спасительный угол зрения Достоевского. «Мы видим, с какой последовательностью осуществляется Достоевским единство в подходе ко всем затрагиваемым проблемам: этический критерий приобретает в «Дневнике» характер абсолюта – с точки зрения нравственности оцениваются как всемирно-исторические события, так и «мелкие», казалось бы, явления общественного бытия. Этическое пространство «Дневника» нераздельно: макрокосм соединен здесь с микрокосмом, их стихии слиянны».

Хотелось бы добавить, что этический критерий – «абсолюта» у Достоевского ни в коей мере не возможен не только без нравственного базиса, сбранного из концепта традиционных норм и ценностей исконно русского общества, но и без глубинного религиозного восприятия и истолкования общечеловеческих и исторических феноменов. Скорее, вера – абсолют Достоевского, ибо именно через этот аспект духовности и складывается его школа нравственных правил.

Достаточно спорной кажется точка зрения Волгина о том, почему же исследуемые им неопубликованные Достоевским отрывки «Дневника» так и не были пропущены в печать: «Нам представляется, что некоторые из приведенных ниже фрагментов не попали в окончательный текст «Дневника писателя» в силу внутренней несвободы Достоевского, в силу той борьбы, которая происходила в нем при определении главной публицистической линии его издания» [6, с. 90].

Это утверждение кажется довольно-таки сумасбродным, если брать в расчет то, что человек имеющий хоть какую бы то ни было внутреннюю (именно внутреннюю, душевную и духовную несвободу, какая никоим образом не связана с понятием свободы, выраженной во внешней физической оболочке человека), не сможет настолько глубоко и истинно исследовать столь разные души русских людей, а также, ставить диагнозы и проводить характеристику целым поколенческим, историческим, корневым вопросам русского общества [5, с. 90]. Сам Волгин встает в словесное противоборство с самим собой в последующей цитате: «Целостность «Дневника писателя» (при всей его полифоничности) обусловлена в свою очередь единой нравственной доминантой». Надо полагать, что никакое единство, берущее свое начало в целостности и гармоничности, не возможно вкупе со внутренней несвободой, так как она непременно произведет тревожащий дисбаланс, как антитезу тому самому основополагающему единству и целостности.

М. М. Бахтин в «Проблемах поэтики Достоевского» размышляет о внутренней самостоятельности и самобытности героев. Здесь, можно сказать,

что автор мучимый внутренней несвободой, вряд ли когда то сможет создать подобных литературных героев. «Поразительная внутренняя самостоятельность героев Достоевского, верно отмеченная Аскольдовым, достигнута определенными художественными средствами. Это прежде всего свобода и самостоятельность их в самой структуре романа по отношению к автору, точнее, по отношению к обычным и внешним и завершающим авторским определениям. Это не значит, конечно, что герой выпадает из авторского замысла. Нет, эта самостоятельность и свобода его как раз входят в авторский замысел. Этот замысел как бы предопределяет героя к свободе (относительной, конечно) и, как такового, вводит в строгий и рассчитанный план целого. Относительная свобода героя не нарушает строгой определенности построения, как не нарушает строгой определенности математической формулы наличие в ее составе иррациональных или трансфинитных величин» [11, с. 56].

Однако Волгин продолжает: «Миросозерцание Достоевского, покоящееся на религиозной основе, совсем не определялось собственно мистическими элементами. Да и сам религиозный идеал ставился Достоевским столь высоко, что суетные попытки подтверждения этого идеала через какие бы то ни было эмпирические или же сверхъестественные явления выглядели в его глазах жуткой профанацией» [2, с. 91].

Список литературы

1. Бахтин М.М. «Проблемы поэтики Достоевского». М., 1963.
2. Бердяев Н.А. «Миросозерцание Достоевского». Прага, издательство «УМСА-PRESS». 1923. 238 с.
3. Борисова В.В. «Малая проза Ф.М. Достоевского. Уфа. 2011. 144 с.
4. Бурсов Б.Б. «Личность Достоевского», издательство «Советский писатель». 1979. 680 с.
5. Говоруха-Отрок Ю. Н. "Легенда о Великом Инквизиторе Достоевского". Опыт критического комментария В. В. Розанова. Серия "РУССКИЙ ПУТЬ". Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Санкт-Петербург. 1995.
6. Достоевский Ф.М. «Дневник писателя», в 2 т. М.: издательство «Книжный клуб№». 2012. 880 с.
7. Достоевский Ф.М. «Материалы и исследования». М.: издательство «Наука». 1974.
8. Казари Р. «Московское начало в творчестве Достоевского» // III Российские педагогические чтения (КНМЦ). Краснодар, № 1. 2012. С. 29-33.
9. Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. «Язык и мысль Достоевского в словарном отображении» // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / Главн. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2001. Вып. 1. С. 9-63.
10. Киносита Т. «Антропология и поэтика творчества Достоевского». Сборник статей. СПб.: Серебряный век. 2005. 208 с.
11. Мазель Р.О. «Сцены счастья в романах Достоевского статья по материалам доклада на конференции в Петрозаводском государственном университете». Петрозаводск, 2013. 15 с.
12. Малетинский Е.М. «О литературных архетипах». М., 1994. 136 с.

ПЕРЕВОД КАК «ЗЕРКАЛО» КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА ЯЗЫКА ОРИГИНАЛА

Максимова М.В.

зав. кафедрой иностранных языков и удмуртской филологии,
канд. филол. наук, доцент, Глазовский государственный педаго-
гический институт имени В.Г. Короленко, Россия, г. Глазов

Статья посвящена проблеме сохранения культурной картины мира языка оригинала в переводе и допустимой степени вмешательства переводчика в текст оригинала. На примере анализа переводов «Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла в исполнении А. Кононенко автор доказывает, что вмешательство в лингвокультурную составляющую исходного текста может привести к плачевным, а иногда и курьезным последствиям.

Ключевые слова: культурная картина мира, языковая картина мира, Кэрролл, переводческие трансформации.

Говоря о деятельности переводчика художественного текста, нельзя не согласиться с Ю.П. Солодубом в том, что перевод – «это творческая интеллектуальная деятельность, заключающаяся в передаче некоторой информации с языка-источника на язык перевода» [6, с.7].

Данное определение удачно характеризует творческую сторону перевода. Однако только ли язык задействован в этом процессе? Какова же допустимая мера «самостоятельного» творчества переводчика? И насколько важно передать культурный контекст при передаче информации?

Исследователь У. Уиллс отмечает, что способность к творческому переосмыслению текста является обязательным требованием к хорошему переводчику [7]. Перевод никогда не появляется «ex nihilo», он всегда основан на оригинале. Результатом творческого подхода к использованию единиц переводящего языка становится текст перевода, отвечающий принципу динамической эквивалентности [5, с.195].

И все же необходимо помнить, что существует допустимая степень вмешательства переводчика. Зачастую переводчик позволяет себе изменять стиль или регистр речи, вносить в текст вносятся поправки с учетом современной действительности, изменять денотативную или коннотативную составляющую исходного текста и т.п. [5, с. 196]. Все это приводит к тому, что культурная и языковая картины мира языка-оригинала оказываются искаженными, следовательно, читатель, не владеющий иностранным языком, воспринимает текст (и, соответственно, создаваемый им экстралингвистический контекст) сквозь призму перевода или пересказа.

Правилами, регламентирующими степень воздействия переводчика на текст, оговаривается недопустимость замены предмета высказывания, ситуации, событий, лиц и т.п. «даже в целях приспособления к лингвокультурным навыкам рецептора» [2].

Обратимся к анализу текста, оригинал и перевод которого вот уже долгие годы является предметом дискуссий. Это текст, над переводом которого

ломали голову лучшие писатели страны: «Алиса в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла, в котором, на наш взгляд, допустимая степень вмешательства переводчика в текст оригинала превышена. Это перевод «Алисы в стране чудес», выполненный Андреем Кононенко.

Необходимо отметить, что эта сказка переводилась неоднократно. Впервые русскоязычный читатель познакомился с ней в виде пересказа под названием «Соня в царстве дива». Перевод был выполнен по принципу русификации – зарубежные факты и реалии заменили российскими: вместо Вильгельма Завоевателя – Наполеон, вместо Безумного шляпника – Илюшка-лжец, безумное чаепитие стало «шальной беседой» и оказалось действительно бессмысленным. Критики и читатели восприняли издание отрицательно [1].

Сложность текста, полного английских острот, каламбуров филологических тонкостей и фольклора, не отпугнула переводчиков, и впоследствии в свет вышло еще несколько интерпретаций «Алисы». Наиболее известны переводы В. Набокова, Б. Заходера и Н. Демуровой.

Как отмечалось выше, особенности текста оригинала предопределяют необходимость прагматической адаптации. Однако анализ перевода, выполненного А. Кононенко, заставляет задуматься о нарушении допустимой нормы вмешательства не только в лингвистический, но и в культурный контекст произведения.

Так в главе «DOWN THE RABBIT-HOLE» вместо «stories about children who had got... eaten by wild beasts» [3, p. 42] читаем «Алиса в свое время достаточно наслушалась чудесненьких поучительных рассказиков о детишках, которые попадали в лапы Бармалея, Бабы Яги и прочей нечисти» [4]. Замена абстрактных безымянных чудовищ «beasts» на русских сказочных героев, возможно, и приближает контекст к русскоязычной действительности, но совершенно точно лишает его аутентичности и этноспецифичности.

Вообще, текст перевода полон неадекватных, на наш взгляд, замен. Сравнение «shutting like a telescope» [3, p. 43], вполне понятное любому, А. Кононов переводит «я, похоже, сжимаюсь, как гармошка», что придает сказке чисто русский колорит.

Эта замена телескопа на гармошку встречается и в главе «THE POOL OF TEARS». Далее автор перевода целенаправленно изменяет реалии и имена собственные, перенося действие сказки в Россию: «London is the capital of Paris» [3, p. 49] – «Москва – столица Лондона»; «Ada» [3, p. 48] – «Аня» и т.п.

Сказки Л. Кэрролла являются прекрасной иллюстрацией викторианских традиций и ценностей. Алиса, несомненно, принадлежала к состоятельной прослойке английского общества. Об этом говорят и те предметы, которые изучала она и ее брат: французский язык и латынь преподавались в частных школах. В переводе же А. Кононенко этот момент совершенно нивелирован: «her brother's Latin grammar» [3, p. 52] – заменяется на учебник русского языка, который в России изучается повсеместно.

Диалог Алисы с мышью в оригинале еще более символичен. Всем известны «особые» отношения англичан к французам. Поэтому первой мыслью

девочки является «Perhaps it doesn't understand English... I daresay it's a French Mouse, come over with William the Conqueror» [3, p. 52]. Для консервативного «островного» англичанина самый вероятный чужестранец – это француз. "Может она по-русски не понимает?" -- подумала Алиса. -- "Тогда, скорее всего, она англичанка, наверное приплыла вместе с Колумбом." Аллюзия на англо-французские отношения лежит в основе экзотизма «Où est ma chatte?» [3, p. 53]. Все прозрачно: Англия – Франция, Мышь – Кошка. В переводе же этот подтекст теряется. Возможно, это облегчает понимание сказки маленькими читателями. Однако не стоит забывать, что «Алиса» – произведение многослойное, и подобная адаптация в значительной мере обедняет его.

В тексте перевода можно найти еще множество примеров замен, которые, несомненно, делают произведение «понятнее» для русскоязычного читателя: это и замена Колумба на Менделеева, Мэри Энн на Асю и др. Особо хотелось бы отметить превращение садовника по имени «Pat» [3, p. 72] в «гастарбайтера» Ли Пака, что придает тексту дополнительную коннотацию. На наш взгляд подобная модернизация выглядит несколько цинично, особенно если учесть, что неграмотность английского рабочего подменяется в переводе имитацией «сюсюканья»: «Sure then I'm here! Digging for apples, yer honour!» [3, p. 72] – «Конечно тут! Яблоки выкапываю, хосяин!» [4].

Анализ этих и других примеров позволяет сделать вывод, что переводчик, руководствуясь своими соображениями, искажил культурный контекст произведения, стилизовал его и, тем самым, лишил перевод того самого оттенка «Englishness», который придает сказкам Кэрролла неповторимый колорит.

Таким образом, становится очевидным тот факт, что работа переводчика требует не просто знания языков и культур, но и подразумевает наличие творческого и, можно сказать, изобретательского потенциала. Именно эта индивидуальность, относительная свобода выбора средств и, конечно, эстетическая ценность текстов перевода позволяет с уверенностью назвать перевод творчеством [5, с. 198].

Список литературы

1. Как Алису учили говорить по-русски. Обзор переводов сказки. [Электронный ресурс] URL [http://www.lewis-carroll.ru/alisa-v-strane-chudes/russkie-perevody.html]. (Дата обращения 12.05.2015)
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС. – 2002. – 424с. [Электронный ресурс] URL [http://ru.scribd.com/doc/2002] (Дата обращения 12.05.2015)
3. Кэрролл Л. «Приключения Алисы в Стране Чудес» (на английском языке). Издание третье. – М.: Изд-во «Прогресс», 1979. – 236 с.
4. Кэрролл Л. Алиса в стране чудес (в пер. А. Кононенко) [Электронный ресурс] URL http://absurdly.narod.ru/Wonderland_kononenko.html (Дата обращения 12.05.2015)
5. Максимова, М.В. Творческая составляющая в работе переводчика / М.В. Максимова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: сб. науч. трудов. Вып. 15. – Тверь: ТГУ, 2012. – С. 195-198. – ISBN 978-5-7609-0735-6.
6. Солодуб, Ю.П. Теория и практика художественного перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов. – М.: издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.

ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ РЕЦИПИЕНТА В МЕДИАДИСКУРСЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Навицкайте Э.А.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук,
Санкт-Петербургский горный университет, Россия, г. Санкт-Петербург

Статья посвящена проблеме манипуляции сознанием в медиадискурсе. В качестве инструмента манипуляции могут выступать различные языковые средства. В частности, формирование устойчивых стереотипов чрезвычайно важно для смысловой организации сообщения СМИ, целью которого является убеждение реципиента в высказываемой журналистом точке зрения.

Ключевые слова: манипуляция сознанием, медиадискурс, социальный стереотип.

Влияние средств массовой информации на массовое сознание является неоспоримым фактом: в большинстве случаев современный обыватель составляет представление об окружающей его действительности из печатных изданий, телевидения, сети Интернет. Поскольку медиадискурс ориентирован на массового адресата, он становится эффективным инструментом «вживления» выгодных владельцам тех или иных СМИ мнений и взглядов в сознание адресата медиатекстов [7; 2].

Способность СМИ пронизывать все жизненное пространство индивида настолько возросла в эпоху интернета, что избежать навязывания чужих мнений и установок крайне сложно. Манипулятивная направленность текстов современных СМИ определяется, прежде всего, желанием подкорректировать картину мира потенциальной аудитории, «подогнать» ее под выгодный правящим элитам шаблон.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что медиадискурс, являясь посредником между реальностью и массовой аудиторией, представляет собой инструмент влияния на представление действительности. СМИ не только информируют своего массового читателя (слушателя, зрителя), но, преломляя событийное пространство, снабжают его оценками фактов, транслируют мнения, идеи и предпочтения, навязывают вектор восприятия сообщений [4].

Слово *манипуляция* восходит к латинскому *manipulus*, имеющему два значения: а) пригоршня, горсть (*manus* – рука + *pie* – наполнять), б) маленькая группа, кучка, горсточка (*manus* + *pi* – слабая форма корня). Исследуя историю вопроса, Е.Л. Доценко указывает, что: «переходной ступенью к метафоре явилось использование термина *манипуляция* применительно к демонстрации фокусов и карточным играм, в которых ценится искусность не только в проведении ложных отвлекающих приемов, но и в сокрытии истинных действий или намерений, создании обманчивого впечатления или иллюзии. В результате манипуляция в переносном значении – это стремление «прибрать

к рукам», «приручить» другого, «заарканить», «поймать на крючок», то есть попытка превратить человека в послушное орудие, как бы в марионетку. Таким образом, полная метафора психологической манипуляции содержит три важнейших признака:

- идею «прибирания к рукам»;
- обязательное условие сохранения иллюзии самостоятельности решений и действий адресата воздействия;
- искусность манипулятора в выполнении приемов воздействия» [1, с. 46-47].

Манипуляция сознанием представляет собой скрытое психологическое воздействие на адресата с целью навязывания ему воззрений, желаний, намерений, выгодных манипулятору. Принципиальным отличием манипуляции от убеждения является то, что реципиент сообщения волен выбирать – доверять или не доверять доводам того, кто убеждает, тогда как при манипуляции реципиенту отводится более пассивная роль: он является жертвой манипуляции. Это негативное следствие манипулятивного дискурса имеет место, как правило, тогда, когда реципиенты не способны понять истинные намерения или увидеть реальные последствия убеждений или действий, в защиту которых выступает манипулятор [7].

С.Г. Кара-Мурза определяет манипуляцию сознанием как «программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» [2, с. 56]. Этим определением мы и будем руководствоваться в данной статье.

Объектом манипуляции в СМИ служит, прежде всего, сфера чувств реципиента, его эмоции. Французский социолог, психолог и антрополог Г. Лебон полагал, что массы всегда впечатляются чувственными образами, порожденными определенными словами и ассоциациями слов, а отнюдь не логикой речи [3].

Одной из наиболее часто эксплуатируемых в средствах массовой информации эмоций является страх. Чувство страха биологически присуще природе человека, однако «есть страх иллюзорный, «невротический», который не сигнализирует о реальной опасности, а создается в воображении, в мире символов, «виртуальной реальности» [3, с. 84]. К подобным страхам в последнее десятилетие следует отнести страх подвергнуться террористической атаке, хотя реальная вероятность этого для среднестатистического жителя США или стран Европы гораздо ниже, чем вероятность стать жертвой ДТП. С точки зрения манипулятора, подобный иррациональный, панический страх представляет собой идеальный инструмент для психологического воздействия на реципиента. Столь масштабное распространение панических настроений после совершения терактов было бы невозможно, если бы СМИ постоянно и, часто в натуралистичной манере, не тиражировали информацию об имевших место трагических событиях. Таким образом, можно сделать вывод, что терроризм приобрел массовый характер не в последнюю очередь за счет интенсивного развития массовых коммуникаций.

К числу самых эффективных инструментов манипуляции общественным сознанием можно с полным основанием отнести формирование в прессе устойчивых стереотипов. Мы исходим из понимания социального стереотипа как устойчивой совокупности представлений, складывающихся в сознании как на основе личного жизненного опыта, так и с помощью многообразных источников информации [5]. Стереотипы являются неотъемлемым компонентом индивидуального и массового сознания и, как следствие, могут быть выявлены, изучены и использованы как мишени для манипуляции. Поскольку их полезность для человека в том и заключается, чтобы воспринимать и оценивать быстро, не думая, манипулятор может применять их как своеобразные «фильтры», сквозь которые его жертвы видят действительность. Уместно вспомнить в данном контексте о стереотипном образе СССР как «империи зла», созданном в США и Западной Европе во второй половине XX в. с целью оправдания политики холодной войны против Советского Союза, или кампанию по «демонизации» сербского народа во время войны 1993-1995 гг. Опыт освещения событий в Сербии показал, что, «если непрерывно и долго помещать слово «серб» в отрицательный контекст (просто включать в описание страшных событий и в окружение неприятных эпитетов), то у телезрителей, независимо от их позиции, возникает устойчивая неприязнь к сербам» [2, с. 80-81]. Подобным образом в современном медиадискурсе осуществляется «демонизация» мусульман и ислама за счет интенсивной эксплуатации сформировавшегося еще в Средние века устойчивого стереотипного образа мусульманина как врага и формирования его новых граней.

Так, в своей работе, посвященной описанию воззрений на *Чужого-мусульманина*, К.Х. Карим выделяет «топосы» – «резервуар» представлений и образов (“topos”, мн. ч. “topoi” – “a reservoir” of ideas and core images from which specific rhetoric statements can be generated) [8, с. 153], иными словами, первичных стереотипных представлений о мусульманах, сформировавшихся к настоящему времени в странах европейской цивилизации. Исследователь реконструирует портрет мусульманина в глазах Запада: мусульмане жестоки, склонны к терроризму, фундаментализму, богатые мусульмане проводят время в праздности и плотских утехах [8, с. 171].

Очевидно, что язык в процессе стереотипизации несет значительную манипулятивную нагрузку. С его помощью формируется эмоциональное, в данном случае негативное, отношение к носителям мусульманской культуры, что способствует формированию выгодного правящим элитам стереотипного образа ислама и мусульман в массовом сознании западного общества.

Наряду с формированием стереотипных представлений, выделяют создание семантического поля «свои». С этой целью авторы медиатекста используют инклюзивные местоимения 1-го л. мн. ч. *мы* / *we*. «Особенность этого местоимения заключается в том, что оно может объединять в своей семантике отправителя и получателя сообщения. *Мы* и соответствующее притяжательное местоимение *наше* может стать расширенным обозначением отправителя речи, с помощью которого он объединяет себя в адресантной функции с другими лицами. Создается эффект коллективного отправителя сообщения...» [6, с. 48-49].

К действенным инструментам речевой манипуляции относят опору на авторитет науки (использование квазинаучной терминологии, оперирование количественными данными), употребление лексических средств с семантикой генерализации, обобщения, универсальности, создание в тексте образа оппонента, навязывание пресуппозиций [6].

Информационное поле дискурса современных СМИ формируется в значительной мере за счёт новостной информации. Средства массовой информации в большой степени определяют нормы языка и общения, и тем более велика их ответственность за то, чтобы эти нормы учитывали объективное положение в мире, а не следовали предвзято сложившимся идеологическим установкам, обусловленным не тем, что на самом деле происходит и может произойти в мире, а тем, какие цели преследуют политики.

Журналист является тем субъектом речи, который выбирает для текста СМИ те или иные слова и выражения и определяет посредством целого репертуара языковых и речевых средств, в том числе субъективной и объективной модальности и эмоционально-экспрессивной оценочности, существование в мире той или иной явной или скрытой угрозы. Данные категории способствуют выражению коммуникативной стратегии автора, направленной на внушение адресату авторского мироощущения, манипуляцию его эмоциями.

Список литературы

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляций. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. – 334 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 832 с.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: «Макет», 1995. – 316 с.
4. Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. – 21 с.
5. Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2006. – 1072 с.
6. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
7. Dijk T.A. van. Discourse and Manipulation // Discourse & Society. – 2006. – Vol. 17 (3). – P. 43-69.
8. Karim K.H. The Historical Resilience of Primary Stereotypes: Core Images of the Muslim Other // The Language and Politics of Exclusion: Others in Discourse. London: Sage Publications, 1997. – P. 153-183.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАДИСКУРС КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ МАНИПУЛЯТИВНОСТИ

Навицкайте Э.А.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук,
Санкт-Петербургский горный университет, Россия, г. Санкт-Петербург

В рамках данной статьи рассматривается проблема манипулятивности политического дискурса СМИ. Политический медиадискурс связывают с использованием идеологем и тенденциозной информации, использующихся средствами массовой информации в качестве эффективного средства внушения той или иной доктрины. Особую важность имеет

национально-культурная специфика политического медиадискурса, а также эксплуатация дихотомии «свои/ чужие».

Ключевые слова: информация, политический дискурс, медиадискурс, манипулятивность.

В современном мире язык остается одним из самых эффективных средств завоевания и удержания власти над массовой аудиторией, легко и охотно впитывающей предложенную ей информацию. Медиадискурс, играя особую роль в поддержании политического дискурса, служит в настоящее время главным каналом осуществления политической коммуникации, обладает способностью манипулировать восприятием широкой массовой аудитории, вырабатывает и стимулирует определенные стереотипы и предубеждения. В пространстве политики, как в семантическом поле или концептосфере, каждое отдельное СМИ выделяет центр пространства – страну, государство или регион, в рамках которых они применяют свою шкалу оценок, выделяя «своих» и «чужих» на основании культурной или этнической принадлежности. Данный дискурс связан с использованием идеологем, тенденциозной информации, основанной на предубеждении, которая используется средствами массовой информации в качестве эффективного средства внушения той или иной выгодной им доктрины [11].

Политический дискурс СМИ, вслед за К.В. Никитиной, мы понимаем как «сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью борьбу за власть посредством формирования общественного мнения, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст – ситуативный и социокультурный, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса» [6, с. 8].

Зависимость современного общества от информации не подлежит сомнению и является объективным фактом. Служить источником информации – одна из основных функций как медиадискурса, так и политического дискурса СМИ. Хотя «информация в широком смысле слова – это отражение реального мира» [2, с. 28], передача информации представляет собой не констатацию фактов объективной реальности, а их интерпретацию. Информация не может не вызывать определенные мыслительные процессы и эмоциональные состояния, она формирует мысли реципиента политического медиадискурса, структурирует его опыт и определяет его взгляды на окружающий мир. Отсюда, по мнению ученого, следует вывод о том, что, информируя, политический дискурс СМИ воздействует [6]. Информация вводится в СМИ и фиксируется не сама по себе, а для достижения определенной цели, и, с точки зрения автора сообщения, она всегда существенна, релевантна, должна изменить поведение воспринимающего и в известном смысле, рассчитана на определенный эффект и воздействие на адресата.

Необходимой базой данного вида дискурса, являются современные СМИ, использующие широкий арсенал различных PR технологий. Для реципиента СМИ, не знакомого с оригинальными текстами обсуждаемых в СМИ речей и выступлений, воспринимающего политику преимущественно в препариро-

ванном виде, политическая действительность предстает как набор более или менее интересных сюжетов [7]. «Эти сюжеты (выборы, визиты, отставка правительства, война, переговоры, скандал) составляют базу политического нарратива, под которым мы понимаем совокупность дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события» [7, с. 70].

Реципиенты политического дискурса СМИ принадлежат определенной культуре. Следовательно, немаловажным аспектом политического медиадискурса является его национально-культурная специфика [3]. Ключом к пониманию информации, связанной со странами исламской культуры, является страх перед мировой катастрофой, обусловленный кризисом доверия в отношениях между промышленно развитыми странами Запада и странами исламского мира, в последнее время значительно укрепившимися на экономической и политической арене благодаря энергетическому кризису, высокому спросу на нефть, ведущими экспортерами которой они являются. Многие события на Ближнем и Среднем Востоке все чаще рассматриваются именно в этом ключе, что все более усиливает панические настроения, недоверие и неприязнь по отношению к исламу, основанные на страхе и предубеждении, что достижение примирения с исламским миром невозможно и обречено на провал.

Политический дискурс СМИ, равно как и медиадискурс, рассматривается как «вживание в общественное сознание определенных представлений» [5, с. 93]. Театральность политического дискурса СМИ связана с тем, что реципиент сообщений СМИ «выполняет преимущественно роль не прямого адресата, а адресата-наблюдателя, который воспринимает политические события как некое разыгрываемое для него действо» [7, с. 92].

Восприятие политики как массового зрелища обусловлено, прежде всего, экспрессивностью массмедийного сообщения, стремящегося завоевать внимание реципиента всеми доступными способами. Однако данная тактика чревата необъективностью подхода, вследствие чего происходит отбор лишь тех фактов, которые подтверждают ту или иную ангажированную точку зрения. Прочие факты рассматриваются автором статьи или репортажа как несущественные и идущие вразрез с поставленной им коммуникативной задачей эмоционального воздействия на широкую читательскую аудиторию, поглощающую газетные тексты подобно другим товарам массового спроса. Коммуникативная задача СМИ, по мнению П. Бейли, – не описать событие или явление, а убедить или, во всяком случае, создать благоприятную почву для убеждения в дальнейшем, а в конечном итоге побудить к действию [8].

Для современного политического дискурса СМИ, впрочем, характерна определенная полемичность. Эта полемичность сказывается, например, на выборе слов и выражений, порядке изложенной информации и представляет собой перенесение военных действий с поля боя на театральные подмостки. Полемичность СМИ – своеобразная театрализованная агрессия, направленная на внушение отрицательного отношения к политическим противникам автора речевого послания, на навязывание (в качестве наиболее естественных и бесспорных) иных ценностей и оценок [1].

Речь журналистов и редакторов новостей (за некоторыми исключениями) оперирует символами, а ее успех предопределяется тем, насколько эти символы созвучны массовому сознанию: автор сообщения СМИ должен уметь затронуть нужную струну в этом сознании; его высказывания должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (то есть, во все множество внутренних миров) его адресатов, «потребителей» политической информации [11].

Далеко не всегда такое внушение выглядит как аргументация: пытаюсь привлечь слушателей на свою сторону, не всегда прибегают к логически связным аргументам. Иногда достаточно просто дать понять, что позиция, в пользу которой выступает проponent, лежит в интересах адресата. Защищая эти интересы, можно еще воздействовать на эмоции, играть на чувстве долга, на других моральных установках (впрочем, все это может так и не найти отклика в душе недостаточно подготовленного интерпретатора.) Еще более хитрый ход – когда, выдвигая доводы в присутствии кого-либо, вовсе не рассчитывают прямолинейно воздействовать на чье-либо сознание, а просто размышляют вслух при свидетелях или, выдвигая доводы в пользу того или иного положения, пытаются убедить в том, что совершенно противоположно тезису [8].

Успех внушения зависит, как минимум, от установок по отношению к проponentу, к сообщению в речи как таковому и к референтному объекту. Только создав у адресата ощущение добровольного приятия чужого мнения, заинтересованности, актуальности, истинности и удовлетворенности, автор сообщения СМИ может добиться успеха в этом внушении [10]. Интерпретируя политический дискурс СМИ в его целостности, нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными. Понимание данного феномена предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретном лингвокультурном сообществе.

Базовой для политического дискурса СМИ является оппозиция «свои/чужие», которая получает экспликацию на разных языковых уровнях. Выбирая способ указания на субъект политической деятельности в своих высказываниях, автор массмедийного текста отражает свои ментальные установки и реализует функцию контроля над установками и поведением читателей, зрителей и слушателей [9].

Одним из часто используемых в СМИ способов предвзятой и субъективной интерпретации действительности является, например, неполнота, неточность, семантическая расплывчатость сообщения, смысловая неопределенность, связанная с фантомностью денотата и фидеистичностью и являющаяся смыслообразующим признаком политического дискурса [7]. Предвзятость и необъективность авторской точки зрения в публикациях, посвященных исламу, во многих случаях очевидна.

В свете вышеперечисленных факторов можно утверждать, что политический медиадискурс, представляя собой сферу пересечения политического

дискурса и дискурса СМИ, характеризуется повышенной субъективностью подачи информации, способствует преднамеренному созданию смысловой неопределенности в медиатекстах, и, как следствие, неполному пониманию сообщений СМИ широкой аудиторией. Данные свойства политического медиадискурса позволяют сделать вывод о его манипулятивности, то есть, способности формировать выгодные для заказчика медиатекста представления и взгляды целевой аудитории.

Реципиент политического дискурса СМИ с доверием воспринимает и усваивает недостаточно точное и необоснованно категоричное мнение относительно того или иного политического события, что усугубляет эффективность манипулятивного воздействия современных СМИ, осуществляющих контроль над сознанием реципиента.

Список литературы

1. Агеев С.В. Метафора как фактор прагматики речевого общения: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. – 158 с.
2. Боришполец К.П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2005. – С. 28.
3. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
4. Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука: сб. науч. тр. М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 7-19.
5. Ле Э. Лингвистический анализ политического дискурса. Язык статей о чеченской войне в американской прессе. М., 2001 – №2. – С. 89-96.
6. Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. – 21 с.
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. – 386 с.
8. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches. Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. – P. 101-116.
9. Høyer S. Why Study Journalistic Genres? // Journalism at the crossroads: Perspectives on research. Tartu univ. press, 1997. – P. 65-77.
10. Nordenstreng K. The Journalist: A Walking Paradox. Cardiff: University of Wales Press, 1995. – P. 114-129.
11. Riggins S.H. (ed.) Beyond Goffman: Studies on communication, institution, and social interaction. Berlin, N. Y.: Mouton De Gruyter, 1990. – 456 p.

АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ БЕЛЬГИИ

Невежина Е.А.

канд. филол. наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

В статье рассмотрен один из регионов франкофонии, в котором сосуществуют различные языки и диалекты романской и германской языковых групп, – языковой ареал Валлония-Брюссель. К изучению данного региона можно подойти с различных сторон: собственно лингвистической (анализ языковых фактов), социолингвистической (с учетом

самосознания говорящих) и ареальной (картографирование и выделение тенденций языковых процессов). Последний подход был использован в данной статье.

Ключевые слова: языковые процессы, пограничный ареал, бельгицизм, вариант французского языка.

Процессы пространственного варьирования в странах и регионах франкофонии, среди которых франкоязычная Бельгия, представляют богатый материал для исследования. Местные диалекты и говоры исчезли небесследно. Отступив под воздействием общефранцузских форм, они оказали на них влияние, трансформировались и сохранились в обиходно-бытовом общении, языке местных СМИ и некоторых других сферах как «региональные варианты» (*variétés régionales*, С. Детэй, Ж. Дюран и др.), «регионализмы» (*régionalismes*, Г. Тюайон), «региональные варианты французского языка» (*les français régionaux*, А. Доза), или «региолекты» (Т.Е. Зубова). По поводу этих терминов и стоящих за ними понятий у ученых нет единого мнения, однако акцент поставлен на единстве французского языка в многообразии его разновидностей.

Вопросы пространственного варьирования романских языков, в том числе, французского языка на территории Бельгии отражены в трудах М.А. Бородиной, Е.А. Реферовской, Г.В. Степанова, Т.Ю. Загрязкиной, В.Т. Клокова, Г.С. Доржиевой, у зарубежных лингвистов Ж. Анса, С. Детэя, А. Доппани, Ж.-М. Клинкаенберга, В. Лине, М. Франкара и др. Многие исследователи, в частности, Т.Ю. Загрязкина и Г.С. Доржиева показали связь собственно языковых, социолингвистических и ареальных факторов в исследовании варьирования французского языка за пределами Франции [6; 5; 4; 2]. Рассмотрим ареальный аспект данной проблематики на примере франкоязычного ареала Бельгии.

Франкоязычный ареал Бельгии представлен двумя регионами: Валлонией и столичным Брюсселем. За всю свою историю Бельгия принадлежала разным правителям: Франции, Германии, герцогства Бургундского, Нидерландов, Испании, Австрии – и только в 1830 г. обрела независимость. Так, французский язык в королевстве Бельгия – это продукт языковых взаимодействий, отличных от языковых взаимодействий Франции. Языки и диалекты, повлиявшие на французский язык Бельгии, следующие: нидерландский язык/фламандский диалект (например, слова *broil* – беспорядок, *platekees* – творог, *zwanze* – типично брюссельская шутка, *crolle* – локон, завиток, *kermesse* – народное празднество, *bourgmestre* – бургомистр, мэр, *prester* – оказывать); немецкий язык (*ring* – окружной бульвар; *froebeliene* – воспитательница); испанский язык (*bodega* – ларек с напитками); английский язык (*fancy-fair* – благотворительная ярмарка, *full time* – полный рабочий день, *goal* – цель, *half* – половина); валлонский, пикардский, лотарингский, шампанский диалекты.

Валлония и Брюссель представляют собой пограничный ареал, или разорванное лингвистическое пространство, с одной стороны, тяготеющее к языку Парижа (Франция), с другой – отталкивающееся от последнего и взаи-

модействующее с сопредельными «ближними» (Фландрия (Бельгия), Германия, Нидерланды и герцогство Люксембург) и «дальними» центрами (английский язык).

Франкоязычный ареал Бельгии является единым разорванным ареалом, где Валлония – сплошной ареал, а Брюссель – островной. Островной ареал подразумевает территориальную изоляцию от основного массива и обязательное иноязычное окружение. Сплошной ареал может определяться с учетом географического фактора – отсутствия территориального разрыва. В таком случае ареал Валлонии является сплошным, продолжающим зону валлонских, пикардских, лотарингских, шампанских говоров Франции.

Для обозначения франкобельгийских особенностей зарубежные и отечественные исследователи часто используют термин «бельгицизм», появившийся впервые в 1811 году. Между тем термин носит условный характер. В данное понятие входят, в частности, а) статализмы/этатизмы (Ж. Поль, 1984 г.) – единицы речи, область распространения которых совпадает с границами государства, но о которых известно в других регионах; б) формы, неизвестные за пределами Бельгии; в) формы, распространенные за пределами Бельгии в других частях франкофонии. «В различных частях франкофонии, разделенных тысячами километров, обнаруживаются не только общие явления, но и общие формы, отсутствующие в норме французского языка. Очень важно, что среди них не только архаизмы и диалектизмы, но и инновации», – отмечает Т.Ю. Загрязкина [7]. Для определения бельгицизмов необходимо уточнять их природу, иначе термин не может являться точным.

На основе метода лингвистических карт (Лингвистического Атласа Валлонии, основателем которого был Ж. Ост, а издателем – Л. Ремакль [14], и Малого Лингвистического Атласа Валлонии Ж. Лешантера [13]) и материалов анкетирования [9], проведенного нами в 2015 году, было составлено 24 карты для определения области распространения тех или иных бельгицизмов.

Материалом стали ответы 80 респондентов из 32 городов Валлонии и Брюсселя, собранные в период с октября по декабрь 2015 г. Цель анкетирования – уточнение языковой ситуации в регионах Валлонии и Брюсселя, составление лингвистических карт для выявления распространения и интенсивности использования лексических единиц.

Анкета представляет собой тест из нескольких блоков вопросов. Среди них: 1) блок тестов на выбор лексических единиц (бельгицизмов, общефранцузских лексем или англицизмов); 2) блок открытых ответов на вопросы: а) является ли английская лексика чрезмерной в СМИ; б) существуют ли бельгицизмы или особенности в лексике, отличные от французского языка Франции, и в) какую оценку по французскому языку говорящий поставил бы себе. С лингвогеографической точки зрения в данном случае важен первый блок вопросов.

Материалы, полученные от ответа на вопросник, были занесены штрихами и символами на предварительные рабочие карты. После сведения статистики символами разного цвета была отмечена интенсивность использова-

ния различных лексических единиц на карте. Приведем в пример анализ ответов на два вопроса.

Для выбора ответа респондентам была представлена картинка с изображением машины. В качестве вариантов ответа даны: *gaiole*, *cage*, *caisse*, *voiture*. *Gaiole* (сущ., ж.р.) восходит к латинскому *caveola* (диминутив от *cava*), отмечено в валлонском диалекте *gaiole/gayole* в значении «клетка». Наряду с *cage* (сущ., ж.р.) и *caisse* (сущ., ж.р.) используется в значении *voiture* на территории Бельгии. *Voiture* (сущ., ж.р.) как единица общепольского языка также была предоставлена на выбор отвечающих. Вывод по карте является следующим: единица *gaiole* обнаруживается во всей Валлонии и Брюсселе, однако в Намюре эта единица наиболее частотна (57%). *Cage* не используется в Брабанте, и ее использование преобладает в Льеже (38%). *Caisse* обнаружено по всей территории, в наибольшей степени – в Люксембурге и Брабанте (по 40%). *Voiture* преобладает в Брабанте (40%), но отсутствует в Люксембурге и Намюре.

На другой картинке изображен ливень, на выбор даны два ответа: *drache*, *averse*. *Drache* (сущ., ж.р.) – заимствование из Конго (бывшая колония Бельгии, ранее – Заир), обозначающее «дождь с грозой, сильный ливень, обычно летний». Существует устойчивое выражение «*drache nationale*» (национальный ливень), поскольку в Бельгии часто случается дождь именно в государственный праздник, 21 июля – Национальный день Бельгии. От этого слова образован глагол *dracher*, засвидетельствованный Ж. Лебуком [11]. Слово *drache* пришло из Конго не случайно: в 1879 году король Бельгии Леопольд II объявил эту территорию своей личной собственностью, Заир получил независимость только в 1960 году. Общепольское обозначение ливня – *averse* (сущ., ж.р.). По карте видно, что *drache* является единственным вариантом, засвидетельствованным в Брюсселе, Люксембурге и Брабанте. *Averse* распространен в Эно, Намюре и в наименьшей степени в Льеже.

Проведенный анализ этих и других ответов показал, что общепольские лексемы можно обнаружить повсеместно, но с разной степенью интенсивности (*café* – *кафе*, *bistrot* – *бистро* – большая интенсивность; *voiture* – *машина*, *egratignure* – *царапина*, *sans valeur* – *не имеющий ценности* – меньшая интенсивность). Бельгизмы (*estaminet*, *caberdouche* в значении «кафе, бар») используются с разной степенью интенсивности. Наибольшая интенсивность использования бельгизмов обнаруживается в Брюсселе – «перекрестке» языков, наименьшая – в бельгийской провинции Люксембург, ориентированной на общепольский язык. В провинциях Льеж, Намюр, Брабант, Эно засвидетельствована равномерность распределения архаизмов и собственно бельгийских инноваций. Повсеместно отмечается активное использование английских лексем.

Ареальный анализ бельгийского варианта польского языка позволяет утверждать, что Валлония и Брюссель как две части одного ареала в будущем могут раздробиться на более мелкие или консолидироваться в один сплошной ареал. В настоящее время Валлония представляет собой: а) латеральный сплошной ареал, продолжающий языковой континуум Франции;

б) консервативный ареал, сохраняющий многие архаизмы. Брюссель является: а) островным; б) инновационным ареалом, сформированным позднее (в начале XX в.). В силу своего статуса поликультурного столичного города – это перекресток языков и культур, влияний, форм разного происхождения, в первую очередь, фламандского. Это языковая «губка», впитывающая различия при интенсивном проникновении форм английского происхождения.

Динамика современного варьирования французского языка как полинационального феномена показывает разновекторное языковое развитие. Тенденции языкового развития, изменение по тем или иным векторам покажет время.

Список литературы

1. Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии. М. Акад. наук СССР; Л.: Наука, 1966. 220 с.
2. Доржиева Г.С. Этнотопонимы Квебека // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №4. С. 113-122.
3. Загрякина Т.Ю. Антропология пространства (на франкоязычном материале) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 9-29.
4. Загрякина Т.Ю. Вариантология как направление в изучении языков, культур и регионов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015а. № 3. С.14-54.
5. Загрякина Т.Ю. Референтные точки языка и культуры: статика и динамика (на примере Квебека) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 21-37.
6. Загрякина Т.Ю. Речь о французском языке и проблема языкового многообразия // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 52–63.
7. Загрякина Т.Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. – М.: Издательство Московского университета, 2015б. 248 с.
8. Зубова Н.Ю. Граница как элемент языковой картины мира и ее представление в современном литературном английском и русском языках: автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. фил. н. / Зубова Наталья Юрьевна. М., 2012. 27 с.
9. Небезина Е. А. Анкета “Belgicisms” [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/forms/UeLW2Eg2IE> (дата обращения: 05.01.2016).
10. Genion P. Comment parler le belge (et le comprendre, ce qui est moins simple). Paris, 2010. 112 p.
11. Lebouc G. Dictionnaire de belgicisms. – Bruxelles: Éditions Racine, 2006. – 622 p.
12. Lebouc G. Le belge dans tous ses états. Dictionnaire de belgicisme, grammaire et prononciation. Paris, 1998. 159 p.
13. Lechanteur J. Petit atlas linguistique de la Wallonie (avec la collab. de Marie-Guy Boutier et de Marie-Thérèse Counet), 1er fasc., 20 cartes, Institut de Dialectologie wallonne, Université de Liège, 1990.
14. Remacle L. Atlas linguistique de la Wallonie. T. I : Introduction générale. Aspects phonétiques, 100 cartes et notices. Liège: Université de Liège – Institut de dialectologie wallonne, 1953. – 304 p.

THE PERCULARITIES OF TEACHING GRAMMAR THROUGH GAMES AT THE LESSONS

Нурекешова Г.Р.

и.о. ассоциированного профессора кафедры иностранных языков и перевода,
к.ф.н., Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата,
Казахстан, г. Кызылорда

В статье рассматриваются особенности игр, которые позволяют сделать учебный процесс качественным, эффективным, интересным, создают атмосферу творчества, благоприятный психологический климат, привлекают к работе на уроке слабоподготовленных учащихся и решить задачи достижения современного качества образования и развития качеств творческой личности.

Ключевые слова: task-based, task-oriented activities, resourceful materials.

In recent years language researchers and practitioners have shifted their focus from developing individual linguistic skills to the use of language to achieve the speaker's objectives. This new area of focus, known as communicative competence, leads language teachers to seek task-oriented activities that engage their schoolchildren in creative language use. Games, which are task-based and have a purpose beyond the production of correct speech, serve as excellent communicative activities.

The more variety we can introduce into teaching, the more likely we are to meet the needs of all the different learners. What is more, as children need to be motivated, exciting and relevant classroom exercises appear to be necessity if real understanding and acquisition is to take place. For games are activities with rules, a goal to achieve, and an element of fun; they seem to be challenging and interesting enough to keep the young students occupied and eager to complete the task. Furthermore, as they use English for real purposes, they make the schoolchildren play and learn at the same time. Moreover, games help to create a context in which children's attention is focused on the completion of a task without realizing that language items are being practiced. As a result, language learning takes place in a context that children can directly relate to. However, it is always necessary to keep in mind the interests and needs of the learners. Games can provide a valuable learning experience in which the schoolchildren practice and revise language only if they are carefully chosen.

Teachers, researchers and psychologists alike have analyzed the use of games in classrooms in order to find successful techniques to retain information. Games add variation to a lesson and increase motivation by providing a plausible incentive to use the target language. The game context makes the foreign language immediately useful to the schoolchildren. It brings the target language to life. Through playing games, students can learn English the way children learn their mother tongue without being aware they are studying; thus without stress, they can learn a lot. Games appropriate for student profiles, give students of all ages an immediate usage for any of the previously studied material. They have to apply what

they have learned understand it and play a game. As a teacher our position is to merely help and direct if needed. It also allows the teacher to create contexts in which the situations are useful and meaningful, allows the learner to better understand the material relax and learn from their peers.

On the other hand, it is noteworthy that games like any other activity or tool can be overused when exploited too much so that the motivating element disappears rapidly. There are many reasons why creating activities for schoolchildren's language learning is very important. First of all, it is extremely valuable because it allows for meeting pupils' individual needs. Complete dependence on the textbook is not suitable for all pupils as they are of different levels and have different interests and diverse learning styles.

Games are highly motivating because they are amusing and interesting. They can be used to give practice in all language skills and be used to practice many types of communication. It is difficult to imagine not being motivated when you are amused and interested. A lack of motivation or inspiration would be expected if one were annoyed or indifferent. Perhaps there are times when the use of a game would not assist the learning material when the students would rather learn in a more formal approach. However putting that smile on their face at some point of a lesson with a game is getting them to be excited and get up and move a bit in the class. That has to be a pretty effective way to drill in what was covered in the lesson. The most instructive language learning games are those that emphasize specific structures. They do not only practice the basic pattern but also do so in a pleasant, easy way that allows the students to forget they are drilling grammar and concentrate on having fun.

Most learners somehow accept that the sounds of a foreign language are going to be different from those of their mother tongue. What is more difficult to accept is that the grammar of the new language is also spectacularly different from the way the mother tongue works.

Teaching grammar has always been one of the controversial issues in language teaching, including English. There have always been many arguments about the best way of teaching grammar. Different methods and strategies have permanently waxed and waned in popularity. It usually takes into account the meanings and functions these sentences have in the overall system of the language. A number of methodologies have emerged with regard to teaching grammar, one of which was the audio-lingual method replete with usually monotonous and mechanical drills. Modern language teaching requires a lot of work to make a lesson interesting for modern pupils who are on familiar terms with computers, Internet and electronic entertainment of any kind. Sympathetic relations must exist not only among pupils but between pupils and a teacher.

References

1. Horwitz E.K., Horwitz M.B., and Cope J.A. Foreign language classroom anxiety. *The Modern Language Journal* 70 (№2), 1986.
2. Lee Su Kim. Creative games for the language. *Class Forum* Vol. 33 No 1, January – March 1995
3. Lee W.R. *Language teaching games and contests*. Oxford: Oxford University Press. 1979.

4. The role of word games in second language acquisition: Second language pedagogy, motivation and ludic tasks. By: Ojeda, Fernando Artaro. PhD Dissertation, University of Florida, 2004.

5. Using games in an EFL class for children. By: YinYong Mei and Jang YuJing, Daejin university EIT Research paper, 2000.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЗДРАВЛЕНИЙ XIX И XXI ВЕКА

Озерова А.К.

магистрант русского языка, теории и истории литературы,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
«КФУ им. В.И. Вернадского», Россия, г. Ялта

В статье рассматриваются тексты, в том числе эпистолярные, отражающие тенденции в развитии речевого акта поздравления в XIX веке и современный вид поздравления. Производится сравнительный анализ данных поздравлений.

Ключевые слова: речевой акт, речевой акт пожелание, поздравление как вид пожелания.

В XIX веке пожелание не изучалось. Активное изучение речевого акта началось с середины XX века после того, как британский философ языка Дж. Остин разработал теорию речевых актов. Им был опубликован курс лекций под названием «Слово как действие». Классификация речевых актов на данный момент не окончательна, постоянно изменяется и дополняется.

В данном исследовании мы рассмотрим поздравление как составляющая речевого акта пожелания, выявим различия между поздравлениями XIX века и современными поздравлениями.

Для начала нужно сказать, что из себя представляет поздравление.

Трофимова Н.А. различает пожелание от поздравления ввиду того, что поздравление содержит в себе элементы комплимента, похвалы, признания.

Пожелание в чистом виде не может содержать в себе эти элементы. Для сравнения можно представить ситуацию пожелания хорошего дня коллегам.

Но если мы рассмотрим пожелание более детально, то увидим, что грань между пожеланием и поздравлением во многих ситуациях отсутствует, так как для акта пожелания также необходима искренность, признание. Сравним поздравление: “Анечка, поздравляю тебя с днём твоего рождения! Желаю тебе счастья и здоровья!” с пожеланием: “Анечка, желаю тебе счастья и здоровья!”. Для обоих случаев обязательна искренность, иначе речевой акт может быть дефектным.

Мы рассматриваем поздравление как разновидность речевого акта пожелания по случаю какого-либо торжественного момента с испытываемой самим говорящим радости по этому случаю.

Дж. Серль выделил условия успешности поздравления:

1. Предварительные условия: для поздравления необходимо определённое положительное событие либо положение дел, касающееся адресата;

2. Условие искренности: говорящий считает наступившее положение дел либо данную ситуацию положительно для слушающего и самого говорящего.

А.Вежбицкая дополняет определение поздравления тем, что говорящим должно быть каузировано данное пожелание.

Безусловно, при составлении поздравления говорящий имеет цель сказать иначе от других поздравляющих. Но при этом говорящий должен соблюдать нормы этикета и не вносить в пожелание то, что может быть негативно воспринято слушающими.

Этим и обусловлена цель нашей работы: найти сходства и различия между поздравлениями разных эпох.

Если говорить о поздравлениях XIX века, то можно выделить одну неизменную черту: все поздравления строились шаблонно, по изначально созданному плану. Это говорит о том, что поздравление имело в своём составе большую часть этикета, нежели современные способы поздравления.

Нами были рассмотрены письма А.П.Чехова, адресованные близким людям. В них писатель поздравляет друзей и родных с наступающими или прошедшими праздниками.

В письме брату А.П.Чехов пишет:

М.М. Чехову

9 июня 1877 г. Таганрог.

9-го июня 1877 г.

Размилейший Брат

Михаил Михайлович!

[...] Во-первых, поздравляю тебя с войною, а во-вторых – с предстоящей свадьбой, с хорошим зятем, с засватанной сестрой, на свадьбе которой я, несмотря на свои преклонные лета, с большим аппетитом протанцевал бы трепака и выпил бы с тобой по махенькой элексира или контрабанды, как выражается знаменитый москвич, "наш брат Исакий". Будь так добр, поздравь сестру за меня с предстоящим торжеством и познакомь меня с твоим нареченным зятем. От души желаю им всего хорошего, и вместе с тем, кроме хорошего, желаю иметь им немаловажную кучу денег. [...]

Как видно из отрывка письма, Антон Павлович желает благосостояния и мы понимаем, что благосостояние выступает здесь как необходимое для процветания семьи.

Современное поздравление также зачастую содержит в себе концепт благосостояние, включающий наличие большого количества денег, но разница между этими концептами всё же есть: в современных поздравлениях желают много денег, дополняя этим пожелание разгульной свободы, в какой-то степени безответственности.

Например:

*Тачку большую, девок красивых,
Жизни веселой, крутых вечеринок,
Денег побольше, любви настоящей,
Праздников море, веселья почаще.*

Если мы обратимся к письму А.П.Чехова от 4-го ноября 1877 года, в котором он пишет брату Михаилу Михайловичу

Дорогой Брат Миша!

Имею счастье поздравить тебя с днем твоего ангела и пожелать тебе всего того, что может быть лучшим на земле; желаю тебе, во-первых, здоровья, во-вторых, кучу денег, а в-третьих, во всем благое поспешение и счастья всей твоей семье, которая для тебя дороже всего на свете, как и наша семья – мне. [...]

то увидим, что в XIX веке было принято поздравлять по случаю дня ангела. Такая традиция не сохранилась ввиду того, что во времена СССР запрещалось верить в Бога, отмечать религиозные праздники.

Также по тематике поздравлений на религиозные можно привести такой пример:

Христос Воскрес! Дорогие Крестный, тетя, Леня и Миша! Поздравляю вас с праздником святого Христова Воскресенья. Желаю вам встретить этот праздник и проводить радостно, в добром здравии и полном благополучии. (1903 год)

И.Стернин говорит о том, что распад культуры общества начинается с распада ритуалов, её составляющих. Образуется вакуум обрядов и ритуалов, что означает вакуум культуры как таковой. На смену старым должны сформироваться новые праздники и ритуалы, но разрушение старого происходит намного быстрее, чем формирование нового.

В письме Г. П. Кравцову от декабря 1879 года Антон Павлович пишет:

Глубокоуважаемый

Гавриил Павлович!

Имею честь я, Антон Чехов, поздравить Вас и всё Ваше уважаемое добрейшее семейство с Новым годом и пожелать Вам всего лучшего.

В данной отрывке чётко прослеживается этикетная форма поздравления.

Что касается современности, то поздравления по случаю нового года содержат или исключительно шаблонные этикетные фразы, или же составлены индивидуально, креативно.

К примеру, обычно говорят: “С новым годом!” – знакомым, но не связанным близкими отношениями людям. Что касается родных и близких людей, то пожелания становятся более распространёнными:

*Пусть Новый год звездой счастливой,
Войдет в семейный Ваш уют,
Со старым годом торопливо
Пускай невзгоды все уйдут!*

*Пусть каждый день теплом согреет,
И много счастья принесет,
И все сомнения развеет,
Пришедший в полночь Новый год!*

Интересно изучить поздравления в промежутке XIX-XXI век.

Примерно с 60-х годов в качестве эпитетов начинают использоваться такие относительные прилагательные, как *кавказский, сибирский* и т.д.:

Поздравляем Вас с праздником 1 Мая, желаем карпатского долголетия, сибирского здоровья и русского веселья. (1973г.)

Мы обратили внимание на то, что в 70-80 годы актуальным становится пожелание мира на земле, отражающее ценностные ориентиры общества:

*Желаем Вам доброго здоровья, успехов в делах ваших и
мира на нашей земле(1978г)*

Желаем мира на нашей земле. Сейчас это самое важное (1980г)

Примерно со второй половины XX века на открытках появляются стихотворные поздравления, которые в наше время практически вытеснили прозаические тексты:

Мы желаем тебе рассветов, улыбающихся в росе.

Мы желаем тебе приветов: пусть тебе улыбаются все.

Если неба, то синего-синего,

Если солнца, то сильного-сильного.

Если горя, то самую малость,

И чтоб счастье тебе улыбалось. (1991г)

С помощью данного анализа мы смогли увидеть, что пожелание в XIX и XXI веках отличаются выражением: на смену более этикетным пожеланиям приходят новые, креативные пожелания с меньшей частью этикетности. Но этикетность – лишь форма выражения, а главное – интенция говорящего, его искренность и признание.

Список литературы

1. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография./ Н.А. Трофимова – СПб.: Изд-во BBM, 2008. – 346 с.
2. URL: <http://pozdravok.ru/pozdravleniya/den-rozhdeniya/drugu/> (дата обращения: 01.11.2016).
3. URL: <http://t-loves.narod.ru/pozdravlenie-noviyi-god.htm>(дата обращения: 30.10.2016).
4. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0820.shtml (дата обращения: 16.10.2016).
5. URL: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_01_1875_letters.shtml(дата обращения: 16.10.2016).
6. URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/1623/25500> (дата обращения: 06.10.2016).
7. URL: <http://toast.kulichki.com/imen/index.htm> (дата обращения: 05.10.2016).

ПРОБЛЕМЫ ЭКРАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛОСОФСКОГО РОМАНА У. ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»)

Петрова А.В.

студентка факультета филологии и коммуникации,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, г. Ярославль

Данная статья посвящена вопросу теории экранизации и проблемам, возникающим при переносе художественного произведения на экраны. В ходе исследования была изучена теория экранизации, особое внимание было уделено таким периодам, как 60-е годы в Англии и 90-е годы в Америке, потому что именно в это время были созданы исследуемые фильмы. Далее, на основе изученной теории, автором были проанализированы особенности экранизаций Питера Брука и Гарри Хука на предмет соответствия литературному оригиналу.

Ключевые слова: экранизация, язык кино, художественное взаимодействие, литературное произведение, интерпретация, Уильям Голдинг, Питер Брук, Гарри Хук, Еврипид, «Повелитель Мух».

XX век стал временем создания и развития новых синтетических видов искусства. К ним относится экранизация, которая является способом взаимодействия и взаимообогащения литературы и кинематографа.

Роман У. Голдинга «Повелитель мух» экранизировался всего два раза: это английский фильм Питера Брука 1963-го года и американский ремейк Гарри Хука 1990-го года. В то же время, если мы откроем список спектаклей «Повелитель мух» – увидим обширный перечень самых разных театров и постановщиков. На первый взгляд, различие действительно разительное. Но если подробнее изучить механизм развития сюжета в произведении, объяснение этому найдется легко. Все дело в том, что Голдинг при написании своего произведения опирался на каноны античной трагедии и старался учиться у древних мастеров. Особенно он выделял Еврипида, который, как считал Голдинг, хорошо понимал конфликты мятежной человеческой души. Наверное, поэтому он разместил в робинзонаде механизм развития действия, взятый из трагедии Еврипида «Вакханки». Почему его выбор остановился именно на «Вакханках», а не на какой-нибудь другой трагедии, – догадаться несложно. В «Вакханках» рассказывается о бессилии и хрупкости человеческого разума, тщетно пытающегося себя отстоять перед лицом божественного замысла. Как раз та тема, которая Голдингу и была нужна [1, с. 115].

Именно в этом мы видим причину потрясающего успеха «Повелителя мух» на театральной сцене и определенной сложности перевода романа на язык кино. Тем не менее, две попытки были сделаны, и именно им посвящено настоящее исследование, в ходе которого мы постараемся установить степень удачности подобного переложения и выявить сильные и слабые стороны картин.

В романе Голдинга группа мальчиков, попавшая на необитаемый остров, названа английским хором. И именно это мы видим в адаптации Питера Брука –

мальчики одеты в черные квадратные шапочки с серебряными значками и длинные черные тоги. Однако в экранизации Гарри Хука мальчики являются учащимися американской военной школы, принадлежащим к разным расовым и этническим группам. И это только начало длинного списка различных интерпретаций американского режиссера. Для объяснения этого мы просто должны обратиться к времени и месту создания этих двух фильмов.

В 1960х годах в Англии литературный оригинал был как раз восстановлен в правах после нескольких попыток свести его значение к нулю в 1950х. Андре Базен в своей книге «Что такое кино?» выступил в защиту экранизации, отметив как ее художественную самостоятельность, так и игру смыслов между оригиналом и фильмом по нему, которая значительно обогащает текст экранизации [2, с. 123].

Напротив, Голливуд 1990х годов отнюдь не был заинтересован во внимании к художественному тексту, который лежит в основе фильма. Там создавались зрелищные триллеры, рассчитанные на массовую аудиторию, и, по мнению Майкла Хэйга, никто особо не беспокоился о сохранении авторских мыслей и идей [4].

Именно поэтому английская адаптация точно следует сюжету, уделяя большое внимание оригинальному тексту и внося лишь небольшие изменения в детали, для того чтобы лучше донести идею до зрителя. А американский фильм представляет собой скорее совершенно независимый продукт со значительными изменениями в сюжете и множеством спецэффектов.

Мы можем видеть это на примере того, как фильмам удалось передать саму концепцию книги. Решающим моментом здесь становится наличие и отсутствие взрослых на острове. Голдинг написал притчу, в которой невинные дети оказываются на острове с изобилием свежей воды и фруктов, где нет опасных животных или растений – фактически рай на Земле. Предполагается, что они будут жить счастливо, поддерживать друг друга и строить новое общество – как в «Коралловом острове» Роберта Баллантайна. Но события развиваются по другому сценарию. Голдинг показывает низменную сторону человеческой натуры, и для чистоты эксперимента взрослых рядом с детьми нет. Фильм Хука обращается к другим жанрам – триллеру и «робинзонаде», а притчевая основа произведения исчезает.

На первый взгляд, в таком случае экранизация английского режиссера Питера Брука должна быть каноничной и идеальной: ведь он сохранил голдингскую концепцию, преданно переложил весь сюжет, не отступая от него ни на шаг, ни на реплику, а также обильно снабдил свой фильм авторскими религиозными и философскими аллюзиями. Однако идеальным фильм назвать нельзя. Как раз та самая верность оригиналу сделала его мрачным, непонятным и местами даже странным.

Безусловно, перевод литературного произведения на язык кино – крайне непростая задача. Не случайно В. Шкловский говорил о «невозможности перевода» текста на язык другого искусства, поскольку всякий «пересказ» есть порождение нового произведения [3, с. 110]. Также одной из главных проблем экранизации литературного произведения является тот факт,

что при создании своих произведений режиссеры руководствуются не только собственными желаниями и предпочтениями, но и вынуждены учитывать многие факторы, влияющие на них извне. Но кроме некоторых общих трудностей – требований киноакадемий и киностудий, необходимости соответствовать эпохе и окупать бюджет – режиссеры зачастую сталкиваются с локальными проблемами при экранизации конкретных произведений, как например невозможность использования в фильме приема введения элементов античного театра.

Данные экранизации получились совершенно разными, поскольку «переводчики» ставили перед собой разные задачи. Питер Брук в своей работе преследовал, прежде всего, просветительскую цель: его фильм можно рассматривать как иллюстрацию книги Голдинга, настолько он близок к тексту. А Гарри Хука, безусловно, интересовал, в первую очередь, коммерческий успех: его целью было создать зрелищный триллер, который бы преуспел в прокате.

Таким образом, хотя режиссеры и достигли своих целей, ни одна из существующих экранизаций не является достойным переводом произведения Голдинга на экран и в будущем должна появиться новая экранизация, которая объединит в себе положительные аспекты предыдущих опытов и будет достойна права называться экранизацией философского романа «Повелитель Мух».

Список литературы

1. Аствацатуров А. А. «И не только Сэлинджер. Десять опытов прочтения английской и американской литературы» – М.: АС, 2015 – 312 с.
2. Базен А. Глава «За нечистое кино: В защиту экранизаций» // Базен А. Что такое кино? / Пер. В. Божовича и И. Эпштейн. М.: Искусство, 1972. – 324 с.
3. Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. М.: Искусство, 1973. – 219 с.
4. Хэйг М. 3 правила успешной экранизации//Cinemotion, 2010. URL:http://www.cinemotionlab.com/stati/3_pravila_yspeshnoi_ekranizacii/ (дата обращения: 09.04.2016)

ДЕТЕРМИНАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА «РОССИЯ – АГРЕССОР» В РАМКАХ АНТИРОССИЙСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ИНОСТРАННЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ИЗДАНИЙ)

Прохорова А.Е.

адъюнкт кафедры № 34 (французского языка),
Военный университет Министерства обороны РФ, Россия, г. Москва

В статье детерминируются некоторые вербальные средства создания образа «Россия – агрессор» в иностранных СМИ как способ воздействия на общественное сознание. Также прослеживается некоторая модификация образа «Россия – агрессор» ввиду изменений на международной политической арене.

Ключевые слова: манипулирование сознанием, вербальное воздействие, адресант, адресат, антипропаганда, образ.

В эпоху нестабильной международной ситуации, на фоне научных открытий и технологического прогресса, одним из наиболее эффективных способов воздействия на общество являются средства массовой информации. Они являют собой некий способ манипулирования сознанием адресата. Адресантами, чаще всего, выступают политические деятели, стремящиеся завоевать определённый статус на государственной или международной арене, заручившись поддержкой общества посредством использования различных тактик и стратегий вербального и невербального воздействия на реципиента.

Обращаясь к истории Российской Федерации, следует отметить, что наша страна не раз становилось объектом антипропаганды со стороны западных государств, о чём свидетельствуют различные публикации, создающие в сознании потребителей информации образ «Россия – агрессор». В 2008 году, в связи с пятидневной войной в Грузии, наша страна оказалась «агрессором», в 2014 – в связи с аннексией к России Крыма и внутривнутриполитическими беспорядками на территории Украины. В последнее время проамериканские СМИ, не желая отказываться от антироссийской пропаганды, или же пытаясь скрыть собственные промахи (промахи ли?) в военной кампании в Сирии, подобным образом «преподносят» борьбу Российских военных сил против ИГИЛ.

В данной статье рассматриваются некоторые приёмы вербального воздействия на адресата в иностранных средствах массовой информации (на материале французских и украинских печатных и электронных изданий) с целью создания образа «Россия – агрессор», «Россия – угроза», а также его модификации ввиду изменения политической ситуации на международной арене.

Сначала рассмотрим примеры вербальных способов создания образа «Россия – агрессор»:

For almost 2 years Ukraine is still one of the central issues of international politics. The unprecedented Revolution in 2013 launched no less unprecedented **aggressive actions** of Russian Federation in Crimea and eastern Ukraine. These events marked the new reality of international politics and law [2]. *Почти два года Украина остаётся одной из ключевых проблем международной политики. Беспрецедентная революция 2013 года положила начало не менее беспрецедентным **агрессивным действиям** со стороны Российской Федерации на территории Крыма и западной Украины. Эти события ознаменовали новую сущность международной политики и права (Пер. – А.П.).*

Russian aggression against Ukraine had three “waves“. The first “wave” of Russian aggression should be considered as **the military occupation** of Crimea by means of **aggressive acts**. The second “wave” is **an act of aggression** in the east of Ukraine, namely, the process of creation of the “LNR” and the “DNR” that is connected with the sending of **irregular groups** and **mercenaries**. The third “wave” should be considered as direct **invasion** of Russian **regular armed forces**

in eastern part of Ukraine since the August 2014 [2]. *Российская агрессия против Украины* проистекала в три «волны». Первой «волной» *Российской агрессии* можно считать **военную оккупацию** Крыма посредством ряда **средств агрессивных действий**. Второй «волной» является **акт агрессии** на Западе Украины, а именно, процесс создания так называемых «ЛНР» и «ДНР» с помощью посылаемых [Россией] **групп нерегулярной армии и наёмников**. Третьей «волной» можно считать **прямое вторжение российских вооружённых сил** на территорию западной Украины с августа 2014 года (Пер. – А.П.).

Since the beginning of **the military occupation** of Crimea, Ukraine and Russia are in a state of international **armed conflict**. **The international armed conflict** is taking place as a result of the commission of **an act of aggression** against Crimea [2]. С начала **военной оккупации** Крыма, Украина и Россия находятся в состоянии международного **вооружённого конфликта** (Пер. – А.П.).

The Russian Federation is fully responsible for **the crimes** committed by it under the conditions of **military occupation** [2].

Российская Федерация несёт полную ответственность за **преступления**, совершённые в период **военной оккупации** (Пер. – А.П.).

The newly-created “LNR” and “DNR” have become the main **tool of the Russian aggression**. Those are **separatist formations** and **terrorist organizations** [2]. Новоиспечённые «ЛНР» и «ДНР» стали основным **орудием Российской агрессии**. Это – **сепаратистские формирования и террористические организации** (Пер. – А.П.)

В приведённых выше примерах можно наблюдать неоднократное повторение слова «агрессия», а также его производного «агрессивный», что способствует созданию в сознании реципиента образа «агрессора». Военная терминология, также присутствующая в тексте, дополняет образ «агрессора», создавая некий «военный фон»: **military occupation** – *военная оккупация*, **armed conflict** – *вооружённый конфликт*, **invasion** – *вторжение*, **regular armed forces** – *вооружённые силы*, **irregular groups** – *группы (войска) непостоянной (нерегулярной) армии*, **mercenaries** – *наёмники*. Завершает отрицательный образ России наличие «преступной» терминологии: **crimes** – *преступления*, **separatist formations** – *сепаратистские формирования*, **terrorist organizations** – *террористические организации* и т.д.

Теперь рассмотрим вербальные способы создания образа «Россия – угроза»:

«Les actions de la Russie» en Syrie «**ne contribuent pas à la sécurité et à la stabilité** de la région», a déclaré son secrétaire general, Jens Stoltenberg, qui a convoqué une réunion d'urgence lundi soir pour évoquer «les implications potentielles **des dangereuses actions militaires** menées par la Fédération de Russie dans et autour de la Syrie» [3]. «**Действия России**» в Сирии «**не способствуют ни безопасности, ни стабильности** в данном регионе», заявил генеральный секретарь [НАТО – прим. пер.], Йенс Столтенберг, который провёл экстренное совещание в понедельник вечером, чтобы обсудить «потенциальные

последствия **опасных военных действий** со стороны Российской Федерации в Сирии, а также на граничащих с ней территориях» [Пер. – А.П.].

... le président Recep Tayyip Erdogan a déclaré que **la campagne de bombardements russe** en Syrie était «**inacceptable**» et a estimé que Moscou **commettait «une grave erreur»** [3]. ... президент Реджеп Тайип Эрдоган заявил, что **ковровые бомбардировки**, проводимые российской стороной в Сирии, «**неприемлемы**» и что Москва **совершила «большую ошибку»** (Пер. – А.П.).

В приведённых выше примерах посредством таких слов и выражений, как: **la sécurité** – *безопасность*, **la stabilité** – *стабильность*, **des dangereuses actions** – *опасные действия*, **inacceptable** – *неприемлемый*, **une grave erreur** – *большая ошибка*, создаётся атмосфера «опасности», которая дополняется военными терминами: **actions militaires** – *военные действия*, **la campagne de bombardements** – *ковровые бомбардировки*.

На данный момент, в иностранных СМИ лоббируется образ России как потенциально опасного и технически оснащённого противника:

Dans une démonstration de **force sans précédent**, la Russie fait usage d'**équipements de pointe** et d'**appareils de combat efficaces**. [1] *Демонстрируя беспрецедентную силу, Россия использует современное оборудование и мощную военную аппаратуру* (Пер. – А.П.).

Nul doute que l'armée russe a choisi de l'**armement solide, capable de tenir tête aux armes occidentals** [1]. *Без сомнения российская армия выбрала мощное боевое оружие, способное противостоять западным установкам* (Пер. – А.П.).

... la Russie à tout intérêt à **faire étalage de sa puissance et de son efficacité militaires** et se doit de **ne pas faire «pâle figure»** en comparaison à l'armement sophistiqué des Américains notamment [1]. ... *Россия заинтересована продемонстрировать свою военную мощь и не поблекнуть на фоне новейшего оружия, в частности, американского* (Пер. – А.П.).

En Syrie, les Forces armées aériennes russes (les VVS), ont utilisé **au moins 4 types d'appareils**. Il s'agit des **chasseurs multi-rôles SU-30** fabriqués par Sukhoi. **Ces avions polyvalents sont réputés** pour leurs performances. **Au moins six** d'entre eux sont engagés en Syrie [1]. *В Сирии российские военно-воздушные силы (ВВС) использовали, по меньшей мере, четыре типа летательных аппаратов. Речь идёт о многоцелевых истребителях СУ-30, созданных Сухим. Эти универсальные самолёты известны своими эксплуатационными показателями. По меньшей мере, шесть из них участвуют в операции в Сирии* (Пер. – А.П.).

С помощью приведённых выше примеров произведена детерминация некоторых языковых способов создания и модификации образа «Россия – агрессор».

Список литературы

1. Abdelbari T. Ces armes utilisées par la Russie en Syrie et que l'Algérie possède // Tout sur l'Algérie URL: <http://www.tsa-algerie.com/20151010/ces-armes-utilisees-par-la-russie-en-syrie-et-que-lalgerie-possede/> (дата обращения: 30.10.2016).

2. Rohovyk O., Lozova O. Russian aggression against Ukraine and international law: 25 key theses // Euromaidan press. News and views from Ukraine URL:

<http://euromaidanpress.com/2016/04/30/russian-aggression-against-ukraine-and-international-law-25-key-theses/> (дата обращения: 30.10.2016).

3. La Russie vivement critiquée après la violation de l'espace aérien turc // Le Monde.fr avec AFP URL: http://www.lemonde.fr/international/article/2015/10/05/la-turquie-convoque-l-ambassadeur-de-russie-pour-violation-de-son-espace-aerien_4782444_3210.html (дата обращения: 30.10.2016).

КРИТЕРИИ УСПЕШНОЙ ЭКРАНИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КИНОКАРТИНЫ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВА «СТАРИК И МОРЕ»)

Прохорова К.А.

студентка факультета филологии и коммуникации,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, г. Ярославль

Данная статья посвящена вопросу переноса художественного произведения на экраны. Автор исследует экранизацию повести Э. Хемингуэя «Старик и море» 1999 года, опираясь на критические статьи Томаса Лейча, Кэндэнс Гриссом и Рональда Бермана. Впоследствии на основе анализа автор доказывает актуальность работы А. Петрова, рассматривает ее технические и стилистические особенности, тем самым выявляя критерии успешной экранизации.

Ключевые слова: экранизация, анимация, адаптация, «Старик и море», Эрнест Хемингуэй, Александр Петров, Поль Сезанн, Оскар.

Сегодня экранизации обретают все большую глубину истолкования литературы и все большую художественную независимость. Помимо этого экранизация как область пересечения различных коммуникативных систем, а также авторских, читательских и зрительских стратегий представляет особый интерес именно как комплекс разнородных текстов, различная медийная природа которых становится смыслопорождающей [5, с. 6]. Именно поэтому данное исследование было связано с теорией экранизации.

На подробное рассмотрение была вынесена экранизация повести Эрнеста Хемингуэя «Старик и море», ведь принципы кинематографичности играют огромную роль в художественном мире данного писателя. Адаптации работ Хемингуэя уже были проанализированы киноисследователями, но на их основе не выявляли проблемы экранизации как таковой, ее основные принципы и не создавали «формулу идеальной адаптации». Несмотря на то, что произведение «Старик и море» является, можно сказать, самым обсуждаемым у Э. Хемингуэя, было создано три абсолютно разных экранизации данной повести. Адаптация 1958 года демонстрирует нам недостоверного Сантьяго, искусственный океан и поддельную рыбу [7, с. 407], в то время как сам Хемингуэй утверждал, что при создании «Старика и моря» его главной целью было написать историю «о настоящем старике, настоящем море и настоящей рыбе» [6, с. 13]. Экранизация 1990 года, в свою очередь, является абсолютно обособленным произведением, которое не стремится отразить ос-

новные идеи повести и не представляет собой художественной ценности. Поэтому критерии успешной экранизации мы выделяем на основе анализа фильма 1999 года, который получил признание критиков по всему миру, охарактеризовавших его лучшей адаптацией повести Хемингуэя [3]. Давайте же разберемся почему? Основной целью данной работы является определение достоинств кинокартины Александра Петрова с последующим выявлением особенностей идеальной экранизации.

Двадцатиминутная работа Александра Петрова является поистине уникальной. Она поражает удивительной ручной техникой «живопись по стеклу» и включает в себя все визуальные образы, созданные Хемингуэем, Петровым и Сезанном (которым столь сильно восхищался писатель), объединяя всех троих творцов в подобие универсального артистического уробороса [1, с. 54]. Нетрадиционный стиль Петрова создает такое ощущение, будто Вы сидите в музее и смотрите на картину, а она вдруг сама начинает рассказывать Вам историю. Благодаря этому чувству анимационный фильм начинает казаться окончательным видением того, что Хемингуэй и Сезанн пытались достигнуть: они хотели доказать, что искусство настолько правдиво, что оно больше не имитирует настоящую жизнь, а на самом деле оживает.

Следует признать, что Петров выпустил много деталей из оригинального произведения ради того, чтобы уложиться во временные рамки, но ни одна реплика в диалогах не была отличной от оригинальной. Художественный стиль Петрова очень похож на импрессионистский: он использовал короткие мазки и смешивание цветов, чтобы уловить свет и темноту, чтобы придать эмоциональности его сценам, также как это делал Сезанн. Рассмотрим сцену, в которой Сантьяго обнаруживает ущерб, нанесенный акулами: она характеризуется использованием сильных красных цветов, изображающих кровь марлина, в противопоставление спокойным зеленым и голубым цветам моря. Этот красноватый оттенок также был использован на раненых руках Сантьяго, заостряя внимание зрителя на эмоциональной связи между рыбаком и «уничтоженным братом».

Возможно, наиболее интересной визуальной метафорой в фильме Петрова является использование кругов. Сезанн в своем творчестве зачастую использовал основные геометрические фигуры, чтобы запечатлеть взаимосвязь между природными объектами. Хемингуэй повторил стилистический выбор Сезанна, показывая борьбу Сантьяго с марлином, а позднее и с акулами, в качестве метафорического круга. В начале Сантьяго съедает рыбу наживку для восстановления сил. Не зря в рассказе Сантьяго говорит, что марлин является его братом по духу, но при этом он все равно должен убить рыбу. Следующий виток данного круга, посвященный смерти марлина, включает в себя и борьбу самого Сантьяго. Наконец, последний виток связан со сценой, в которой Сантьяго видит акулу, плавающую кругами вокруг марлина. Последний виток, в свою очередь, подводит нас к эпицентру – акулы съедают половину рыбы и уничтожают тем самым наполовину и самого рыбака. Этот эпизод является логическим завершением данного круга, началом которого является эпизод, когда Сантьяго съедает наживку [2, с. 194]. Возвращаясь к

метафорическому аспекту использования кругов, вспомним эпизод, когда Сантьяго извиняется перед рыбой. Мы видим, Хемингуэй стремился доказать, что рыбак и марлин похожи в используемых методах борьбы с превратностями судьбы.

Адаптация Петрова исследует эту особенность рассказа Хемингуэя еще глубже: в ней непосредственно изображены эти круги, например, в эпизодах, изображающих последние круги рыбы вокруг лодки (в рассказе этот момент описывается следующим образом: «For just a moment the fish turned a little on his side. Then he straightened himself and began another circle» [8, с. 58] – рус. «На секунду рыба слегка завалилась на бок. Потом она выпрямилась и начала новый круг» в пер. Е. Голышевой и Б. Изакова). Также движение в кадре происходит таким образом, что камера перемещается по кругу, следуя за морской птицей, за которой наблюдает Сантьяго. Далее круги Петрова становятся еще более обширными, чем в рассказе Хемингуэя, и отражают воспоминания старика о львах и его триумфальной победе в армрестлинге. Затем следует знаменательная сцена, в которой Сантьяго произносит фразу: «I had rather be that beast down there, in the darkness of the sea» [8, с. 49] (рус. «Мне бы хотелось быть тем зверем, что плывет сейчас там, в морской глубине»), предвещающая тем самым финальную схватку с марлином. Эти эпизоды показывают стремление Петрова раскрыть главную тему повести Хемингуэя, суть которой заключается в борьбе человека и природы, символизирующей весь круговорот жизни.

Что же делает эту экранизацию еще и актуальной? Рассмотрим, как Петрова принимали в России до получения награды киноакадемии и как после. До получения Оскара работа Петрова была проигнорирована в родной стране. Однако после признания киноакадемии он был «сбит» на вокзале толпой «почитателей». Позже сам Петров говорил: «В глазах простых людей, это все – победа России, наподобие получения футбольного кубка... А любой приз, любая победа оживляет народ» [5, с. 203]. Настоящая же ирония заключается в том, что данная адаптация, посвященная теме того, как усилия одного обычного человека могут сделать его героем, на самом деле, превратила самого Петрова в настоящего национального героя.

Действительно, в отличие от остальных экранизации данной повести, версия Петрова – это командная, продуманная и качественно сделанная работа, которую должен посмотреть и оценить каждый. Эта экранизация явно демонстрирует, как завышенные ожидания зрителя могут вдохновить кинематографистов на создание новых адаптации старых работ, которые находятся вне времени и никогда не устареют, также как и оригинальное произведение, ведь они являются незаурядными. Все перечисленные выше особенности, безусловно, и являются одними из главных критериев успешной киноадаптации. Так, цель данной работы достигнута, а задачи выполнены: уникальность экранизации доказана, особенности определены, принципы успешной адаптации выявлены. В заключение хотелось сказать, что сегодня кинематографисты оказываются более свободными в выборе технических средств и поэтому могут создавать адаптации, которые продолжают поражать зрителя и

выходить за рамки стандартного, тем самым размывая границы между серьезным искусством и развлечением [4, с.303]. Таким образом, лучшие киноадаптации – это те, которые заставляют людей еще сильнее задуматься над первоначальной работой автора, которые показывают новые способы мышления о старом тексте.

Список литературы

1. Berman Ronald. Translating Modernism: Fitzgerald and Hemingway// University Alabama Press, 2010. – p. 202.
2. Grissom Candace Ursula. Fitzgerald and Hemingway on Film: A Critical Study of the Adaptations, 1924-2013//McFarland, 2014. – p. 252.
3. Jones Oliver. Review: 'The Old Man and the Sea'//Variety, 1999. URL:<http://variety.com/1999/film/reviews/the-old-man-and-the-sea-2-1117752114/> (дата обращения: 8.07.2016).
4. Leitch Thomas. Film Adaptation and Its Discontents//Johns Hopkins University Press, 2007. – p. 372.
5. Идлис Ю. Б. Категория автора в тексте сценарной адаптации : на материале сценариев Гарольда Пинтера//диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 Москва, 2006. – 240 с.
6. Кашкин И. Хемингуэй Э. Избранные произведения в 2 т. // ГИХЛ, Москва, 1959. – 652 с.
7. Фуэнтес Норберто. Хемингуэй на Кубе//Пер. с исп.; Предисловие С. Микояна. – М.: Радуга, 1988. – 448 с.
8. Хемингуэй Эрнест. Зеленые холмы Африки. Старик и море//Санкт-Петербург: Антология, КАРО, 20015. – 320 с.

К ВОПРОСУ ЭТИМОЛОГИИ ОЙКОНИМОВ АХТЫНСКОГО РАЙОНА ДАГЕСТАНА

Рамазанова Л.Д.

аспирант Института языка, литературы и искусства,
Дагестанский научный центр Российской академии наук,
Россия, г. Махачкала

В статье рассматриваются названия населенных пунктов Ахтынского района Дагестана. Дается этимология официальных названий аулов и народных прозвищ, проводится семантическая классификация ойконимического фонда района.

Ключевые слова: ойконим, Ахтынский район, этимология, семантика, классификация, аульные прозвища.

Ойконимы – это своеобразный памятник эпохи своего возникновения, и они тесно связаны с социально-экономической историей края, с его природной средой и ландшафтом, с историей страны и культурой народа, историей языка [4, с. 3-4]. Следовательно, этимологизация топонима, процесс установления этимологии, выполняется на основании фонетического, словообразовательного и семантического анализа с учетом исторических и геогра-

фических данных, а также с учетом характера топонимической системы, к которой принадлежит этимологизируемое название [1, с. 84].

Настоящая статья посвящена исследованию ойконимов Ахтынского района, комплексная этимологизация которых до сих пор не проводилась. Исследуя отдельные ойконимы, из поля зрения исследователей выпадали целые списки сел района (названия 19 действующих, 17 покинутых и 4 бесследно исчезнувших населенных пунктов) и их этимологизация. В связи с этим цель данного исследования – этимологизация и семантическая классификация ойконимического фонда района.

Смысловое значение названий населенных пунктов исследуемого района разнообразно и классифицируются на группы, отражающие:

1) рельеф: *Грар* (Гра) – *грар* «лестница» (дорога к селу и склон, на котором оно расположилось, имели форму лестницы);

2) месторасположение: *Игъир(ар)* (Ихир) – *эхир* «конец» (самое отдалённое селение Ахтынского района, находящееся у подножия горы Шалбуздаг);

3) первопоселенцев или правителей, т.е. образованные от антропонимов: *Хкем(ар)* (Хкем) – *Хехем* (имя первопоселенца), *Кендушкент* (одно из названий с. Ахты¹) – *Кундишкан* (*Кундиш*) (один из правителей села);

4) вид деятельности: *Гутум(ар)* (Гдым) – *гатун тум* (*гатунтум* – *гутунтум* – *гутум*) «летние культуры» (здесь были горные пашни, с которых летом собирали хорошие урожаи озимой пшеницы);

5) гидронимы: *Чивегьер* (*Чохер*) произошел от названия реки *Чивегьер вацI*² (река Чохер) и связан с лексемой *чивегь* «сыворотка». Так, имея в виду «соки гор», образно называют воды Самура, особенно у его верховьев. Как предполагают, часть жителей этого заброшенного по нашествию ядовитых змей села, переселившись в Ахты, перенесла название села и на эту местность. Таким образом, *Чивегьер* – это также название определенной части селения Ахты.

6) особенности быта: *КIурукIун(ар)* (Балуджа) – *кIурукIун* «опорожнять». В уединенном горном ауле, где не было туалетов (такое положение до недавнего времени еще наблюдалось в некоторых населенных пунктах Дагестана), люди шли в отходное место в руслах рек, балках и т.д. Отсюда и произошло название села *КIурукIун(ар)*, что значит «опорожнять». Другие названия села – *Балуджа* и *Пир авачир хуър* «Село, где нет святыни». Балуджа – официальный русский вариант названия села (вероятно, ойконим имеет иноязычные корни). Название *Пир авачир хуър* «Село, где нет святыни» имеет двоякое объяснение: 1) прямое, так как в селе на самом деле не было святынь; и 2) переносное, т.е. село, жителям которого нельзя довериться. В ахтынском диалекте есть выражение *пир авачир инсан*, что значит «человек,

¹ Село Ахты имело несколько сменявших друг друга названий: *Алтан*, *Чивегьер*, *Тлури*, *Шах-Бани*, *Кендушкент* и *Ахцагъ(ар.)*.

² Первоначально так называли Самур (Самбур, т.е. *са амбар* «много, полноводная река»). Третье название – *Юкъван вацI* (Серединная река).

которому нельзя довериться». В Мугулахской долине село возникло как сторожевая башня-крепость Ахтов. По дошедшим до нас преданиям, туда направляли храбрых воинов, позже стали ссылать изгнанных из Ахтов и других сел района кровников, виновников и нарушителей, с чем возможно и связано название села.

7) особенности жителей или первых поселившихся тухумов: *Къучагъ* (Куджах) – *къуччагъ* «удалой, храбрец, смельчак»; *Ухул(ар)* (*Ухул*) – «ругул» (рослый мужчина);

8) особенности, условия возникновения и т.д.

Как известно, одним из главных условий, обеспечивающих благоприятные условия населенным пунктам в Дагестане, является размещение их на солнечных склонах. Но иногда, разрастаясь, они могут занять и северные склоны и лишь в единичных случаях возникать на них. В некоторых случаях особенности такого расположения отражаются и в их названиях. Так, например, в ойконимах исследуемого района встречаются следующие компоненты: *ах(агъ)* «солнечный склон» (*Ахцагъ*), *гъуне* «солнечный склон» (*Филиф-гъуне*), *хин* «северный склон» (*Хин(Хинады)*). Такая отличительная особенность, как расположение села на северном склоне, послужила основанием подобного названия. Народное название села *Хин(яр)*, единственного в Ахтынском районе, жители которого говорят на борчинском диалекте рутульского языка, происходит от древнерутульской лексемы *хин* «северный склон горы». Итак, Хин – это село, расположенное у подножия такого склона. По преданию, село это возникло от слияния 5 родовых поселений: *Жилих*, *Нухух*, *Курдул*, *Донгъуз-тала* и *Хнов* [6, с. 123]. Такому расположению села, которое мало характерно для аулов Дагестана, способствовали выгодные географические и экономические условия. «С правой стороны течет бурный Дали-чай, а сам аул расположен на склоне горы и вокруг невысоких скал, увенчанных развалинами маленькой крепости» [6, с. 9-10]. Вот что пишет исследователь М.М. Ихтилов, посетивший аул летом 1957 года: «Лежит на очень важном в прошлом торговом пути из Южного Дагестана в Азербайджан (Ахты-Хнов-Нуха). В этой долине Хнов является самым старинным селением...» [5, с. 147]. Такое положение для людей, занимающихся своим ремеслом – ковроткачеством, обработкой шерсти, кожи, дерева и камня, было наиболее выгодным, что и побудило их заселиться здесь. Такие единичные случаи имеются и в других районах республики. Так населенный пункт *Шири* (от дарг. диал. *хъири* «тенивая сторона»). Он расположен недалеко от населенного пункта Кубачи, Амузги и Сулерка. В этих селах производили изделия из серебра и золота, клинки и оружие, гончарные изделия. Жители с. Шири занимались продажей произведенной продукции в этих аулах [2, с. 268].

Следует отметить, что среди ойконимов исследуемого района различают названия с ясной семантикой, затемнённой и имеющие несколько версий этимологизации. К числу последних относятся *Ахцагъ* (Ахты) (ему посвящена отдельная статья [7, с. 27-32]), *Мац(ар)* (Маза), *Хуьруьг(ар)* (Хрюг), *Къурукън(ар)* (Балуджа), *Къехуьл(ар)* (Кахул) и т.д. Так, название аула *Къехуьл(ар)*, возникшего в виде крепости, предположительно, происходит от

лексем *кIеле* «крепость» + *хуьр* «село», т.е. «село, где есть крепость». Образование ойконима можно представить в виде следующей цепочки превращений: *кIеле хуьр* – *кIехуьр* – *къехуьл*. По другой версии, название *Къехуьл (ар)* происходит от лексем *Къехуьл* – *къве* «два»+ *хуьр* «село», т.е. село, образовавшееся из жителей двух сел, имеется в виду жители, переселившиеся из Курахского района¹ и маленького поселения Ахтынского района.

Помимо официально принятых названий в народе есть еще и аульные прозвища. Так, в устах жителей района сохранился древний стих, в котором отображаются прозвища сел Ахтынского и некоторых сел соседних районов:

ЦIуькI катарбур – Хъуьлубдар,

*Аш недайбур – Муьхетар,
Лифре къвалар – Игразъар,
Ялакъар я Ялахъар.*

ЦIуькIвел тIвалар – Хуьруьгар,

Къвалал вакIар я КъакIар,

*Гъакъ пIирер я Ушурар,
Гъуьрмет макан – Луткунар.*

Рагундин хилар – Ахцегъар,

*Чуру (куьруь) валчагъар –
Къучагъар,
Цурубур я Цуругъар
Асылсузар я Хълар,
Целце гъуьрар – Смугъулар.*

Далдам гатар КIурукIнар,

*Регъуьхбанар – Калукар,
Буьркъуь нучIар – Хъатункъар...*

Толочильщики проса хлутцы
(Хлут – село на территории Рутульского района),
Любители плова рутульцы,
Голуби на обрыве играхцы,
Самодовольные ялакцы.

Завязывающие узел на зернышке
проса хрюгцы (намек на хитроумие. Срв. с туляками, которые могли подковать блоху),
Кабаны на обрыве какинцы (шумный, скандальный народ, пришедший со стороны и осевший на обрыве),
Истинные как святыни усурцы,
Лоно добра луткунцы.

Как молотильные доски ахтынцы
(никому не подчиняющийся народ, сами себе хозяева, господа),
Одевающие короткие штаны куджахцы
Кислые зрыхцы,
Безродные хальцы,
Хранящие муку смугульцы.

Барабанщики-балуджинцы (народ, устраивающий веселье по любому поводу),
Мельники – калукцы,
Слепые воробьи гдынкцы...

¹ По существующей версии, село образовалось из переселенцев Курахского района.

Так же как и официальные названия, отдельные аулы имеют не одно, а два и более прозвища. Так, например, с. Ахты помимо приведенного имеет следующие прозвища: 1) *Ламра кIвачер чухьудайбур* «Моющие ноги ослу». Намек на «излишнюю» чистоплотность; 2) *KlapmIu* (так их величают, например, соседние джабинцы). Прозвище, имеющее что-то общее с термином «картвел» [3, с. 60]. А хрюгцев еще называют *Маймунагар* «Обезьянки», т.е. знающие много хитростей, проделок.

В ходе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Ойконимы Ахтынского района характеризуются семантическим разнообразием. Они классифицируются на группы, отражающие: рельеф, первопоселенцев и правителей, вид деятельности, гидронимы, особенности быта, особенности жителей, условия возникновения и т.д.

2. Помимо официально принятых названий населенных пунктов района различают и прозвища.

3. Этимологизация ойконимов района представляет собой сложный процесс, поскольку многие из них до нас дошли, в основном, видоизмененном, сильно деформированном виде, и по этой причине при исследовании возможно высказывание альтернативных вариантов в отношении одного и того же названия.

Список литературы

1. Бабаев Р.Р. Древние лезгины. История. Топонимия. Племена. География расселения. 2004. <http://dogend.ru/docs/index-413764.html> (дата обращения: 27.10. 2016).
2. Багомедов М.Р. Топонимия Дарга: структурно-семантический аспект: дис. ... док. фил. наук. Махачкала, 2013. 370 с.
3. Гайдаров Р.И. Введение в лезгинскую ономастику. Махачкала: Дагучпедгиз, 1996. 111с.
4. Горбаневский М.В. Имена земли Московской. М.: Моск. Рабочий, 1985. 158 с.
5. Ихилов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала: Дагестанский филиал Академии наук СССР, 1967. 262 с.
6. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура: Рус. тип., 1902. 730 с.
7. Рамазанова Л. Д. Варианты названий Ахтов и их этимология // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 57. С. 27-32.
8. Талибов Б. Б., Гаджиев М. М. Лезгинско-русский словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 604 с.
9. Шерифалиев Д.Ш. Ахты: история и современность. Махачкала: Лотос, 2010. 327 с.

РУССКИЕ ПРОНОМИНАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С УКАЗАТЕЛЬНЫМИ МЕСТОИМЕНЕНИЯМИ

Русланова Ю.В.

магистрант кафедры русского языка,
Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумуллы,
Россия, г. Уфа

В статье обосновывается необходимость компонентного анализа при исследовании фразеологических оборотов как семантически двуплановых единиц языка, исследуется

фразеологическая активность указательных местоимений, проводится компонентный анализ русских прономинальных фразеологизмов с указательными местоимениями в составе.

Ключевые слова: фразеологизм, прономинальная фразеология, фразеологическая активность, указательные местоимения.

Фразеологические обороты, представляя собой устойчивые сочетания слов с целостным и переносно-образным значением, которое непосредственно не вытекает из суммы значений их лексических компонентов, являются семантически двуплановыми единицами языка. Это обусловлено тем, что современное целостное фразеологическое значение накладывается на первичную семантику компонентов. По этой причине исследование фразеологизмов, на наш взгляд, должно строиться на основе компонентного анализа.

Компонентами фразеологической единицы (ФЕ) могут быть слова различных частей речи. Исследование того, какую роль эти слова играют в образовании фразеологических оборотов, помогает выявить особенности семантической и грамматической организации ФЕ и проследить, каким образом в них отражается специфика национального мировоззрения.

Прономинальные (т.е. имеющие в своем составе компоненты-местоимения) ФЕ – не самая многочисленная группа в русской фразеологии: по данным выборки из Фразеологического словаря русского литературного языка под ред. А.И. Федорова [2], включающего свыше 12 тыс. фразеологизмов, количество прономинальных фразеологических оборотов составляет всего 510 единиц (4, 25% от общего числа ФЕ в словаре). Это связано с тем, что местоимения – замкнутая, непродуктивная лексическая группа: новые местоименные слова в русском языке не появляются. Кроме того, местоимения характеризуются семантической неполнозначностью [3], вытекающей из их функции указания на кого-либо или что-либо. Однако, не смотря на низкую фразеологическую активность, ФЕ с местоименными компонентами выступают интересным материалом для исследования: «Парадоксально, но именно семантическая неполнозначность местоимений дает возможность для развития богатых пресуппозиций, ассоциативных представлений, «домысливания» ситуации, благодаря чему фразеологизмы, включающие в свой состав местоимения, отличаются исключительной выразительностью. Особенно ярко это проявляется во фразеологизмах, план выражения которых организован с помощью местоименных компонентов и частиц, например, *ни то ни се, не ахти какой, не в себе, весь из себя, ни вашим ни нашим*» [3, с. 62].

Указательные местоимения входят в состав 89 русских фразеологизмов, что составляет 17, 5% прономинальных оборотов в словаре. Это следующие местоимения: *так* (20 ФЕ), *то* (12 ФЕ), *тот* и *сей* (по 8 ФЕ), *такой* (7 ФЕ), *там* (5 ФЕ), *тут*, *это*, *сяк* (по 4 ФЕ), *столько*, *та*, *этот* (по 3 ФЕ), *туда* и *здесь* (по 2 ФЕ). По сравнению с другими лексико-грамматическими разрядами, указательные местоимения не входят в число самых фразеологически активных (ср.: определительные местоимения – 132 ФЕ (26%), притяжательные – 119 ФЕ (23%), вопросительно-относительные – 97 ФЕ (20%), личные – 96 ФЕ (19%), возвратное – 92 ФЕ (18%)).

Среди указательных местоимений наиболее высокой фразеологической активностью характеризуется местоимение *тот* (*то, та, те*). В различных грамматических формах оно входит в состав 23 фразеологизмов. Например: *ни то ни се; ни с того ни с сего; еще тот; не из той оперы; не та музыка; не тот коленкор; того же поля ягода; не с того конца; выходец с того света; на том свете* и т.д. Данное местоимение употребляется, во-первых, в сочетании с местоимением *се* с целью указания на неопределенность объекта действия, например, в таких фразеологизмах: *то да се; пока то да се; ни с того ни с сего*. Во-вторых, это местоимение употребляется для указания на идентичность или неидентичность объектов [3]. Например, на идентичность объектов содержится указание в таких фразеологизмах как *того же поля ягода; крутить одну и ту же пластинку; за что купил, за то и продаю*. Неидентичность объектов указывается во фразеологизмах *не та музыка; не из той оперы; не с того конца; не на того напал*. В-третьих, местоимение *тот* используется для табуированного обозначения загробного мира. Чтобы назвать явления и действия, связанные с потусторонним миром, используются такие фразеологизмы: *отправлять на тот свет; на том свете; выходец с того света*. В противоположность наименованию загробного мира используется оборот *на этом свете*, использующийся для обозначения мира живых.

Рассмотрим подробнее некоторые фразеологические обороты с указательными местоимениями. Фразеологизм *платить / оплатить той же монетой* в значении 'отвечать тем же, такими же поступками, отношением, действиями' известен многим европейским языкам и связан с историей европейского средневековья, когда в хождении было множество разных монет. Собственные монеты выпускались не только каждым королем, но и крупными городами, сеньорами, епископами и т.п. Было и немало фальшивых, низкопробных в прямом смысле монет. Поэтому при расплате кредитор нередко для «страховки» требовал деньги той же монетой, которая им ссужалась. В русском языке выражение распространилось с XIX в., возможно, это калька с французского [1, с. 416]. Местоимение в составе данного фразеологизма указывает на идентичность объектов.

Устаревшее местоимение *сей* содержится во фразеологизме *да минует чаша сия*, имеющем значение 'пусть не коснется кого-либо эта беда, горькая участь, неприятность и т.п.' Выражение взято из Евангелия: это слова Иисуса, произнесенные им во время молитвы в ожидании казни на кресте (Матф., 26, 39; Лука, 22, 42; Марк, 14, 36) [1, с. 774]. Наличие устаревшего местоимения придает обороту возвышенность.

Сразу несколько указательных местоимений входит в состав фразеологизма *одна нога здесь (тут), другая (вторая) там*, имеющем значение 'как можно скорее, моментально (побывать где-либо, сделать что-либо)'. Благодаря местоименному указанию на противоположные элементы пространства создается семантика быстроты действия или перемещения в пространстве, т.е. местоимения в составе данного оборота являются основными строительными компонентами семантики.

Таким образом, лексико-грамматический разряд указательных местоимений не является наиболее фразеологически активным, но в составе русских ФЕ местоимения данного разряда помогают формировать целый ряд значений: указание на неопределенность объекта действия, указание на идентичность или неидентичность объектов, обозначение загробного мира; использование антонимичных местоимений создает семантику быстроты действия.

Список литературы

1. Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи / В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович. М.: Астрель, 2005. 853 с.
2. Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. А.И. Федорова. В 2-х т. М.: Цитадель, 1997. Т. 1. 391 с., Т. 2. 396 с.
3. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р.Х. Хайруллина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. 285 с.

СИНТЕЗ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ КАРТИН МИРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Ткачева Ю.Г.

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко,
Луганская Народная Республика, г. Луганск

В статье дифференцированная картина мира рассматривается как один из ключевых факторов для адекватного восприятия и перевода художественных текстов, содержащих лексические единицы с национально-обусловленной и культурной спецификой. Синтез дифференцированных картин мира в процессе решения переводческой задачи достигается посредством выстраивания когнитивно-дискурсивных стратегий.

Ключевые слова: картина мира, перевод, лингвокультура, иная ментальность, межкультурная коммуникация, концепт.

Для моделирования лингвокультурной специфики определенного сообщества важным является понятие картины мира, в особенности языковой картины мира. В данном случае под картиной мира понимают выделение, фрагментацию, освоение действительности, совокупность признаков, свидетельствующих об этнокультурном своеобразии народа. Понятие «картина мира» достаточно активно используется в разных науках. Однако, глубоко укоренившись среди «рабочих» понятий многих наук, данное понятие, до определенной степени, остается метафорой, при этом, не всегда получая достаточно четкое и однозначное толкование даже среди специалистов одного профиля. По мнению многих исследователей, любое толкование понятия «языковая картина мира» не может претендовать на абсолютную ценность, поскольку это не «реалия, существующая объективно, а умозрительное построение, использованная ее творцами для решения каких либо теоретических или практических задач» [5, с. 4]. Наиболее оптимальным на наш взгляд, является определение картины мира, которое дает И. Б. Штерн, «кар-

тина мира – это способ отражения реальности в сознании человека, который реализуется в восприятии этой реальности сквозь призму языковых и культурно-национальных особенностей, свойственных определенному языковому коллективу; интерпретация окружающего мира по национальным и концептуально-структурным канонам» [10, с. 156].

Представления о языковой концептуализации мира, которая является специфической для каждого отдельного языка и отражается в особенностях культуры носителей этого языка, не является сейчас чем-то новым. Представления подобного рода восходят еще к идеям В. фон Гумбольдта, который писал: «Обозначение отдельных внешних и внутренних предметов глубоко влияет на чувственное восприятие, фантазию, чувства и посредством взаимодействия этих явлений – на характер в целом, поскольку в данном случае действительно объединяются природа и человек, действительно материальное вещество и дух, формирующий его. Это объясняется тем, что человек, познавая природу, приближается к ней и постепенно вырабатывает свое внутренне восприятие в соответствии с тем как, и в какие отношения человек и природа вступают друг с другом, и это находит свое отражение в языке» [3, с. 36]. Идеи В. фон Гумбольдта в 30-е годы XX века нашли свое воплощение в рамках гипотезы Сепира-Уорфа – гипотезы лингвистической относительности. Данная гипотеза, «с одной стороны, связывает структуру языка с национально и культурно обусловленными структурами мышления в сознании носителей языка, а с другой – выводит когнитивные модели и картины мира в сознании носителей разных языков, сквозь призму которых, носители языка овладевают миром и членят его, то есть формируют понятия и связи между ними» [10, с. 68]. Как показывает опыт и практика современной лингвистики, эти идеи вновь получили широкое освещение в работах таких авторов как: А. Вежбицкая, Ю. Караулов, Н. Арутюнова, Ю. Апресян, В. Руднева, А. Шмелева и др. «Современные методы изучения семантики показывают, что значение большого количества лексических единиц включает в себя лингвоспецифические конфигурации идей» [9, с. 12]. При этом не редко оказывается, что эти конфигурации смыслов соответствуют определенным представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для взглядов на мир определенной нации.

Для лингвистического подхода важной является оппозиция двух типов картин мира – «научной» и «наивной». «Научная» картина мира «связана с таким восприятием мира, которое опосредованно научными знаниями, «наивная» же картина мира формируется в сознании носителей языка в процессе непосредственного познания реального мира под влиянием и в категориях его национально-языкового, исторического и культурного опыта» [10, с. 157].

«Наивная картина мира» как объект «обыденной действительности» отображается фрагментарно в лексических единицах языка, однако сам язык этот мир не отражает, он отражает лишь способ представления (концептуализации) этого мира национальной языковой личностью. Образ мира отображается не только в соответствии с данными языковой семантики, его фактура

сплетается «преимущественно из отличительных признаков, положенных в основу категоризации и номинации предметов, явлений и их свойств, и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определенного естественного языка» [1, с. 67].

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или языковую картину мира. «Совокупность представлений о мире, содержащихся в значении разных слов и выражений этого языка, складывается в какую-то единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается как обязательная для всех носителей языка» [4, с. 9]. Такая облигаторность объясняется тем, что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в «неявном виде», так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек сам того не замечая, принимает сложившийся у них взгляд на мир. Наоборот, «смысловые компоненты, входящие в значения слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, которые формируют картину мира» [4, с. 9]. Так из русской пословицы «*Любовь зла, полюбишь и козла*» нельзя сделать никаких выводов о месте «любви» в русской языковой картине мира, а можно лишь допустить, что «козел» выступает в ней как малопривлекательное существо.

Владение языком предусматривает владение картиной мира, отраженной в языке. «Поскольку конфигурации идей, заложенные в значениях слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь» [4, с. 9]. Однако при сопоставлении разных языковых картин мира выявляются значительные различия между ними, причем, иногда достаточно нетривиальные (так, носителям русского языка русского языка, привыкшим к тому, что интеллектуальная жизнь человека связана с головой, а эмоциональная – с сердцем, покажется странным, что для носителей некоторых африканских языков вся психическая жизнь сконцентрирована в печени).

Знакомство с любой культурой, ее изучение всегда будет не полным, если в поле зрения этого человека не окажется такой основополагающий компонент, как способ мышления нации, национальная логика мировосприятия и мирооценка. Как писал Г. Гачев: «...какой сетью координат» этот народ ловит мир, соответственно, такой и космос (в древнем понимании слова: как устройство мира, миропорядок) выстраивается перед его глазами. Этот особый «поворот», в котором предстает бытие данного народа, и составляет национальный образ мира» [2, с. 77].

Язык – неотъемлемая и важнейшая часть любой культуры, полноценное знакомство с которой предусматривает не только изучение материального состава данной культуры, не только знания ее исторического, географического, экономического и других детерминант, но и попытку проникновения в образ мышления нации. Сделать это можно лишь только познав язык, на ко-

тором говорят представители этого культурного социума. Знание языка означает не просто способность решать при помощи этого языка определенные коммуникативные задачи, но и глубокое проникновение в план означаемого этого языка, предусматривающего овладение языковой картиной мира именно этого национального языка как системой виденья мира.

Языковая картина мира формируется посредством системы ключевых концептов и инвариантных ключевых идей, которые их связывают и дают «ключ» к ее пониманию. Так, по мнению многих исследователей (О. Леонтович, Г. Зализняк, А. Шмелева), ключевые для русской языковой картины мира концепты вмещаются в таких словах как «душа», «судьба», «тоска», «счастье», «разлука», «справедливость», (именно эти слова также могут называться ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются «лингвоспецифическими» [4, с. 10], в том смысле, что им очень сложно подобрать лексические аналоги в других языках. Наряду с такими культурно-значимыми словами-концептами к лингвоспецифическим также относятся любые слова, значения которых включают какую-то важную именно для данного языка (ключевую) идею. То, что определенная идея является для данного языка ключевой, подтверждается, с одной стороны, тем, что эта же идея повторяется в значении слов и выражений, а также иногда синтаксических конструкций и даже словообразовательных моделей, а с другой – тем, что именно эта категория слов сложнее других переводится на иностранные языки. Их переводные аналоги не являются полными эквивалентами именно из-за отсутствия в их значении этих специфических для данного языка идей. При этом часто в языке наряду со специфическим словом есть и его «нейтральный» синоним, и он достаточно точно переводится на другие языки. Так, например, в русском языке есть практически синонимичные слова «собираться» и «намериваться» (что-то сделать). Первый из синонимов является лингвоспецифическим и трудно поддается переводу, а второй – нет. Аналогичным образом связываются и такие пары синонимов как: *постараться* и *попытаться* (что-то сделать); *стыдно, жалко, обидно* (ехать) [4].

Как правило, исследуя языковую картину мира, лингвисты, прежде всего, обращают внимание на лексический фонд языка, который выступает как «верхний слой» лингвокультуры [6, с. 121]. Лексические единицы – это тот поверхностный пласт языка, культурная специфика которого наиболее очевидна. Однако они, как уже отмечалось ранее, не исчерпывают всего набора средств, согласно которым осуществляется национально-культурная дифференциация языковых картин мира. Это объясняет, почему усвоение лексического фонда иностранного языка с отрывом от культуры, как правило, не приводит к кардинальной трансформации картин мира: коммуникант всего лишь использует иностранные слова для выражения собственного уже имеющегося виденья действительности. «Выучив иностранное слово, человек как бы вытягивает кусочек мозаики из чужой, неизвестной еще ему до конца картины и пытается соединить его с уже имеющейся в сознании картиной мира, заданной родным языком» [8, с. 48]. Неспособность объединить «кусочки мозаики» во время межъязыковых контактов, визуализировать объ-

ект, обозначаемый словом, становится результатом неправильных интерференций и ошибочных переводов культурных реалий.

В процессе межкультурных контактов, в том числе и при переводе художественного произведения, возникает столкновения разных картин мира. Человек, который сталкивается с чужим культурно-языковым пространством, владеет индивидуальным образом мира, который не полностью совпадает с языковой картиной мира, существующей в этой лингвокультуре. Первое, что врежется ему в глаза, – это природные и созданные человеком объекты, не имеющие аналогов в родной культуре коммуниканта. Слово, именующее инокультурную реалию, не вызывает никаких ассоциаций в сознании человека, который никогда не видел соответствующего объекта. «С другой стороны, увиденный, но именованный объект также не будет иметь своего места в языковой картине личности» [7, с. 122]. Но даже если предмет правильно идентифицируется и именуется при помощи языка, этого не достаточно для того, чтобы он органично вписывался в картину мира индивида. Одни и те же объекты в разных культурах могут иметь разный вид и выполнять разные функции.

Для адекватной межкультурной коммуникации необходимо соответствие картин мира участников коммуникации. Перемещение в новое культурно-языковое пространство «требуется от иноязычного коммуниканта коррекции собственной картины мира и проведения ее в соответствие с измененными условиями» [6, с. 139]. Например, русскоязычному переводчику, который работает с текстом на английском языке, необходимо учитывать многочисленные различия в картинах мира этих языков. Переводчику необходимо принимать во внимание разницу в концептуализации и категоризации действительности, которые характерны для русской и американской лингвокультур, и проявляются в рассмотрении мира с точки зрения категории рода. Например, характеристика животных – героев сказок согласно полу, предложенная американцами, в корне отличается от русской картины мира: «fox» – мужского рода («лисица-сестричка» – женского); «squirrel» – мужского рода («белка»); «snake» – мужского рода («змея»), при выявлении сборности, совокупности и множественности (так, одному русскому слову «стая» соответствует много английских лексем: «a raft of turkeys» (стая индеек), «a gaggle of geese» (стая гусей), «a chatter of choughs» (стая клушиц), «a bevy of quails» (стая перепелок), «a fall of woodcocks» (стая вальдшнепов), «a covey of grouse» (стая куропаток), «a watch of nightingales» (стая соловьев), «a pack / a route of wolves» (стая волков), «a pride of lions» (стая львов).

Возможность разного членения и категоризации действительности выявляется в процессе сопоставления объектов и их характеристик. «Объекты существуют не сами по себе, а в соотношении друг с другом, поэтому такие понятия, как большой – маленький; близко – далеко; новый – старый, – являются относительными. Кроме того, необходимо помнить, что антонимы хороший – плохой, короткий – длинный, бедный – богатый, в своей семантике уже содержат национально обусловленные критерии, которые могут разниться от культуры к культуре» [7, с. 140]. Так, понятия *близко* – *далеко*

отличаются для жителей разных стран. То, что считается расположенным далеко в маленьких странах, воспринимается как расположенное близко в больших государствах. Среди других отличий между русской и американской лингвокультурами О. Леонтович выделяет такие: разница в восприятии времени. Американской культуре прагматичной по своей природе, свойственна абсолютизация организации времени ради самой организации, а не осуществляемых ею функций, тогда как для русской культуры характерным является известный хаос, неупорядоченность времени, попытки одновременно выполнять несколько заданий, при этом наблюдается большая склонность уделять время креативным видам деятельности и личному общению. Категория пространства, также является относительной и культурно обусловленной; отсутствие совпадения в языковом членении цветового спектра, разница в восприятии количественных и качественных характеристик действия (русская категория вида и английская категория аспекта глагола) и другие отличия.

В начале знакомства с новой лингвокультурой картина мира неопределенна, расплывчата и размыта. Ориентирами, позволяющими индивиду «найти себя» в новом культурно-языковом пространстве, выступают универсальные явления – то общее, что объединяет взаимодействующие культуры. Известный лингвист А. Леонтьев писал: «Мы можем воспринимать как целое предметный мир только при условии, что в нем есть что-то постоянное, опорные элементы, отраженные в нашем сознании в виде образов «низшего порядка» – образов предметов и ситуаций, константных в сравнении с образом мира. Чтобы образ мира изменился, в нем должно быть что-то относительно неизменное [46, с. 139]. Когда речь идет о переходе с одного языка на другой в процессе межкультурной коммуникации (за исключением художественного перевода), роль инвариантных элементов языковой картины мира выполняют межъязыковые эквиваленты, которые обозначают предметы и явления, общие для взаимодействующих культур.

Итак, для адекватного восприятия переведенного художественного произведения переводчику как представителю другой культуры необходима коррекция его языковой картины мира, которая правильно отражает культуру исходящего языка, представленную в языковой картине мира автора произведения. При этом происходит не подмена одной картины мира другой, а смещение родной и вновь осваиваемой картин мира, а также расширение горизонтов сознания.

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 72.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г.Д. Гачев. – М.: Прогресс, 1995. – 480 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
4. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : Сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

5. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
6. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию : Учебное пособие / О. А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.
7. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
9. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
10. Штерн І. Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. Енциклопедичний слов. для фахівців з теоретич. гуманіт. дисциплін та гуманіт. інф-ки. / І. Б. Штерн. – К. : «АртЕк», 1998 . – 336 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ» В РУССКОМ И ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Товсултанова М.Ш.

ассистент кафедры иностранных языков,
Чеченский государственный педагогический университет,
Россия, г. Грозный

В статье рассматривается концепт «время» / «хан» в русском и чеченском языках на материале текстов фразеологии и паремиологии.

Выражение времени в рассматриваемых лингвокультурах дает возможность выделить особенности двух наций, которые проявляются в качественном восприятии времени; идеализации прошлого; сочетании понятий пространства и времени.

Ключевые слова: время, концепт, лингвокультура, паремиология, фразеология.

Особое место в картинах мира многих национально-языковых сообществ занимает концепт «время». Феномен времени с давних пор привлекает к себе внимание исследователей из самых разных научных сфер: физики, философии, психологии, лингвистики.

Многие ученые определяют понятие концепта, которое до сих пор не получило однозначного значения. Ю.С. Степанов отмечает, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [6, с. 231].

Термин «концепт» находит широкое применение в различных областях лингвистической науки. Он вошел в понятийный аппарат не только лингвокультурологии, но и когнитивистики и семантики.

Концепт предоставлен в языке готовыми лексемами, свободными словосочетаниями, структурными схемами предложений, текстами.

Рассмотрим понятие «время» / «хан» в русском и чеченском языках в рамках целостной лингвовременной картины мира.

Лексема «время» в русском языке произошло от родственных слов: «вертеть», «веретено»; «возвращение, чередование дня и ночи».

В современном русском языке данный концепт имеет следующие производные: времена, временами, временной, временно, временность, временный, времечко, времянка, повременить, заблаговременно, вовремя, своевременно, разновременной, сверхвременной, времяпрепровождение [2, с 177-179].

В толковом словаре русского языка дается определение слову «время» как одной из форм существования бесконечно развивающейся материи – последовательная смена её явлений и состояний; продолжительность деятельности чего-либо, измеряемая секундами, минутами, часами; определенный момент, в который происходит что-нибудь и т.д. [4, с. 103].

С данной лексемой связаны следующие единицы: времяисчисление, времяпровождение, срок, час, минута и др.

Одним из способов вербализации концепта «время» являются фразеологические единицы и пословичный фронд со значением временных представлений как яркие, образно-эмоциональные, экспрессивные средства языка.

Рассмотрим, фразеологизмы в русском языке, выделяя в них группы единиц с различными частными временными значениями:

- фразеологизмы, обозначающие действия в прошлом, настоящем или будущем относительно момента речи: *при царе Горохе, до потопа, без году, в настоящее время, только что, в скором времени;*

- фразеологизмы, обозначающие действия, события относительно момента времени, о котором идет речь в предложении: *до последнего времени, вслед за тем, и впредь, немного (чуть) погодя;*

- фразеологизмы, обозначающие время совершения действия относительно суточного цикла: *утром, днем, вечером, ночью;*

- фразеологизмы, выражающие временные понятия относительно жизненного цикла конкретного человека: *в пеленках, на заре жизни.*

Выделим фразеосемантические группы, отражающие следующие понятия [6]: **рано – поздно** – ни свет ни заря, чуть свет, кто рано встает, тому бог подает, ранняя птичка и др.; **давно – недавно** – испокон века (от века), много воды утекло, времена царя Гороха; **прошлое – будущее** – былого не вернуть, потерянного времени не воротить; кто старое помянет, тому глаз вон; что было, то сплыло; во время оно, время оны; времен Очаковским и покоренья Крыма; с незапамятных времен; некогда в прошлом; **всегда – никогда** – не навсегда (через какое-то время) – до скончания века, во веки веков, на веки веков, на веки вечные, по гроб жизни; во все времена; без срока; дай(те) срок; по времени; время работает на нас; **сейчас – потом** – работа не волк (медведь), в лес не убежит; отложить до поры до времени; отложить на потом; отложить в долгий ящик; после дождика в четверг; со временем; в срок; **своевременность – несвоевременность** – свое время; куй железо, пока горячо; минута в минуту; как нельзя кстати; время не ждет; **долго – недолго** – до скончания века; жить в веках; до седых волос; день и ночь; **быстро – медленно** – с налету; с наскоку; пикнуть не успел; **часто – редко – иногда** – каждый божий день; изо дня в день; всякий раз; на срок; время от времени; от времени; до време-

ни; **отрезок жизни** – золотое время; **возраст** – о возрасте (о том, кто достиг полной зрелости); бабье лето – о возрасте (когда в зрелые годы вдруг возвращается молодость, по ассоциации – осенью возвращаются теплые погожие деньки); бальзаковский возраст – о возрасте женщины от тридцати до сорока лет (по фамилии французского писателя Оноре де Бальзака); прощай молодость – об одежде или обуви, которая давно вышла из моды; молоко на губах не обсохло – намёк на незрелое мышление и рассуждение человека, как у младенца, которого только что оторвали от груди матери.

По фразеологическому материалу, можно судить, что время для большинства русских не является жестким принципом их жизни. Это отражается в трудовой деятельности (опоздания, перенос мероприятий, несоблюдения графиков относительно рейсовых транспортов и т.д.), возрасте, сроках.

Пословичный материал в русском языке содержит большое количество материала с компонентом «время», который отражается в следующих категориях: трудовая деятельность, цена времени, терпение, спешка: Делу время, а потехе час; Деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего (А.В. Суворов); Деньги пропали – еще наживешь; Время пропало – его не вернешь; Думай ввечеру, а делай поутру; На будущую осень – годов через восемь; На хотенье – есть терпенье; Наскоро делать – переделывать; Одно нынче лучше двух завтра; Пора да время дороже золота; Поспешись – людей насмешись; Пропущенный час годом не нагонишь; Спешить не спеши, а поторапливайся; Упустишь минуту – потеряешь час; Утреннюю работу до вечера не оставляй.

В чеченской культуре временные представления выражаются в концептах, обозначающих время – *зама*, *хан* (заимствованные из арабского *зэман* (время, эпоха): *хенал хьалха* – досрочно; *хан йилли* – назначить срок; *хан яккха* – отбывать время; *хан яхъан* – продлить срок; *хенара стаг* – человек преклонного возраста; *хенаш* – времена; *хенан* – временно; *ханъякхар* – время-препровождение; *селхана* – вчера; *кханалера* – завтрашний; *тлаккха* – потом; *тахана* – сегодня; *таханлера*, *таханлераниг* – сегодняшней; *селхана* – вчера; *селханлерда* – вчерашний; *тлаьхъа* – поздно; *тлаьхъа*-поздновато; *стомара* – позавчера [1].

А.Г. Мациев выделяет *зама* / *хан* (время) среди слов-компонентов активного употребления, составляющих фразеологию и паремиологию [3, с. 132-136].

В составе фразеологизмов концепт понятие «время» представлено следующими лексическими единицами в составе устойчивых сочетаний слов: *зама* – время; *шеран заманаи* – времена года; *зама яккха* – провести время; *зама лара* – исчислять время; *шен заманчоь* – своевременно, в свое время; *оцу заманчоь* – одновременно [3, с.188, 366, 188].

Лексема *хан* в обозначении таких понятий как «время», «срок» представлен в идиомах, передающих различные временные представления: «назначенное время», «просроченное время», «возраст».

Время: *хан йоцу хан* – внеурочное время; *цу хенахь* – в то время; *хан яйа* – терять время; *хан яьлла* – время прошло, истекло; *хан хене мел ели* – время от времени, с течением времени; *дукха хан йоцуи* – недавно; *мац* – *мацах* // *мацах цкъа* – когда-то, давным-давно.

Срок: *йиллинчу хенахь* – в назначенный срок; *хенал хьалха или хан кхачале* – раньше срока, досрочно; *хан тIехъяьлла* – срок прошел, время просрочено; *хан йилла* – назначить срок; *хан тоха* – юр – осудить (на срок), назначить срок наказания; *хан юхататта* – отсрочить срок, условленное время; *хан яккха* – провести время, отбыть срок (наказания); *хан яцъян* – провести время (буквально: сократить время); *хан яхъян* – продлить срок.

Возраст: *тхойшиь цхъана хенара ву* – мы с ним одного возраста; *хенара стаг* – человек преклонного возраста, пожилой человек.

В чеченских пословицах понятие времени в большей степени передают представления о временах года, связанные с трудовой деятельностью, отражающую характеристику человека:

Аьхка мало, Iай хало / Летом лень, зимой мука, т. е. кто летом поленился, тот зимой помучается;

Аьхка Iиллинарг, Iай идда / Тот, кто лежал летом, бегал зимой;

Аьхкенам заманчохь мукъа лелачунна, Iаьно тIе ког боккху / На того, кто не работает летом, зима наступает ногой;

Аьхка хье ца кхихкича, Iай йй ца кхехка / Если летом не кипит мозг, то зимой не будет кипеть кастрюля (котел);

Аьхка мало – Iай хало / Летом лень – зимой мука (т. е. летом поленишься – зимой помучишься);

Аьхка тIарга Iалаш цабинчуьнан, Iай когаи бахъийна / Кто не берег летом шерсть, зимой заморозил ноги;

Аьхкенам цхъа де, Iаьнин кIиранал ду / Один день лета равен зимней неделе;

БIаьрг – стешхалла, куьг – майралла / Глаз боязлив, рука храбра;

Гурахь яьккхинчу кIорнех котам хилла яц / Из осеннего цыпленка курица не стала;

ТIулг бисна – хи дахна / Камень остался – вода утекла;

Духахъажа ца кхиира тхо / Мы не успели оглянуться;

Жимчохь Iеминарг тIулга тIехь яздина йоза сана ду / Усвоенное в детстве, словно высеченное на камне.

Проведенный анализ в данной работе с целью лингвистического описания особенностей выражения времени во фразеологизмах и пословицах рассматриваемых языков дает возможность выделить схожие особенности двух наций:

– для русского и чеченского сознания характерно качественное восприятие времени;

– старость характеризуется слабостью;

– прослеживается идеализация прошлого;

– синкретизм понятий пространства и времени.

Список литературы

1. Исмаилов А. Т. Слово. (Размышления о чеченском языке). – Элиста: АПП «Джангар», 2005. 928 с.
2. Ефимова Е. В. Семантическая универсалия «время» и способы ее репрезентации в языке // Молодой ученый. – 2012. – №8. С. 177-179.

3. Мациев А.Г. Чеченско-русский словарь. М., 2000.
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО "А ТЕМП", 2009. 944 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
6. Фразеологический словарь русского языка. (Авторский коллектив: проф. И.В. Федосов, канд.ф.н. А.Н. Лапицкий). М.: «ЛадКом», 2007. 608 с.

РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ФОРМИРОВАНИИ СТЕРЕОТИПОВ О РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА)

Толстикова Л.В.

ст. преподаватель кафедры английского языка в профессиональной сфере,
канд. филол. наук, Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается образование стереотипов в англоязычном медийном дискурсе при участии русскоязычных прецедентных феноменов. Характерной особенностью медийного дискурса и способом реализации его воздействующей функции является складывание определенной системы концептов для построения определенного рода стереотипов. В образовании ряда стереотипов, входящих в такие концепты как «Власть», «Политик», «Страна» и другие участвуют русскоязычные прецедентные феномены, представляющие образ мышления русскоязычного лингвокультурного сообщества. В англоязычных СМИ они выполняют функцию идеологической обработки и поэтому имеют выраженную эмоциональную и аксиологическую направленность.

Ключевые слова: концепт, стереотип, прецедентный феномен, медийный дискурс, лингвокультурное сообщество.

Посредством образования концептов и регулярного их использования в текстах СМИ, посредством упоминания реалий, имен собственных, ссылок на определенные исторические события и элементы культуры, как прецедентных феноменов, в тексте медийного дискурса происходит формирование стереотипа речевого поведения. Например: *If we talk about the last Cold War, we are currently somewhere between the erection of the Berlin Wall and the Cuban Missile crisis* [<http://www.telegraph.co.uk/news/2016/10/22/unyielding-russia-and-us-heading-for-a-new-cold-war/>]. – *Если мы говорим о прошлой Холодной войне, мы оказываемся где-то между возведением Берлинской стены и Карибским (Кубинским) ракетным кризисом (прим. Л.В.) по установке ракет* (перевод наш – Л.В.).

В статье содержится ссылка на известные исторические события – возведение Берлинской стены (одного из самых известных символов Холодной войны, построенной по предложению руководителя ГДР Вальтера Ульбрихта в связи с эмиграцией населения ГДР через Западный Берлин) и Кубинский (Карибский) кризис (время, когда Соединенные Штаты и Советский Союз почти начали ядерную войну).

Подобные идеологические штампы, несущие в себе идеологическую нагрузку, репрезентируют «идеологемы», то есть определенные постулаты политического мировоззрения, имеющие целью ориентацию массового сознания в нужном для власти направлении и распространяемые посредством СМИ. Использование идеологом определенной семантической направленности ведет к образованию ряда стереотипов, укладываемых в определенное идеологическое русло и входящих в такие интернациональные концепты как «Власть», «Политик», «Страна» и другие.

В современных англоязычных СМИ, несмотря на отсутствие официальной идеологии, также происходит манипуляция общественным сознанием. Нередко в образовании стереотипов и концептов участвуют русизмы, представляющие образ мышления русскоязычного лингвокультурного сообщества, например: *Ivan the Terrible is regarded as one of the cruellest rulers in Russia's long history: a bloodthirsty and paranoid tyrant who killed his own son. Even during tsarist times no monuments were built to him.* [<https://www.theguardian.com/world/2016/oct/21/ivan-the-terrible-cult-strongman-leader-tsars-popularity-rise-russia>]. – **Иван Грозный** считается одним из самых жестоких правителей в долгой истории России: кровожадный тиран-параноик, который убил своего собственного сына (перевод наш – Л.В.).

Значительную роль в манипулировании играет метафора, формирующая образ, необходимый авторам газетного текста. Например: *Ivan not so terrible? Cult of strongman leader sees tsar's popularity rise in Russia* [там же]. – **Иван Не Такой уж Грозный? Культ сильного лидера набирает популярность среди царей в России** (перевод наш – Л.В.).

Эмоционально-оценочные характеристики российского царя усиливаются благодаря воздействию прецедентных феноменов, обозначающих других политических лидеров России, а также русизмов *the Cheka* и *the KGB*, например: *For the local governor, Ivan is merely one in a long line of strong Russian leaders to admire. Potomsky's wood-panelled office is decorated with an oil painting of Vladimir Putin and a gilded bust of Felix Dzerzhinsky, founder of the Cheka, which went on to become the KGB. Potomsky said each era needed its own strong leader, whether it be Ivan the Terrible, Stalin or Putin, and that Russia was only strong when it had a strong leader* [там же]. – Для местного губернатора **Иван** просто является одним из длинной череды сильных политических российских лидеров, которые вызывают восхищение. Кабинет Потомского, отделанный деревянными панелями, украшен портретом Путина и позолоченным бюстом **Феликса Дзержинского**, основателя **ЧК**, который затем переименовали в **КГБ** (перевод наш – Л.В.).

Таким образом, в современных англоязычных СМИ концепт «Советская (российская) власть» имеет ироничный, саркастический, порой пугающий или резко отрицательный смысл [2, с. 153].

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

2. Толстикова Л.В. Когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты функционирования русизмов в англоязычном и англицизмов в русскоязычном газетных дискурсах: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2012. С. 153.

ПОЛИСЕМИЯ С ПОЗИЦИЙ ЭТНОСЕМАНТИКИ

Трегубов А.Н.

профессор кафедры педагогики и филологии, канд. филол. наук, доцент,
Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Россия, г. Уфа

В статье рассматриваются проблемы исследования многозначности с точки зрения этносемантики, предлагается методика анализа языкового материала на основе дериватологического подхода, предполагающая сегментацию семантического значения слова на два компонента – базовый и дифференцирующий.

Ключевые слова: этносемантика, языковая картина мира, ментальная картина мира, семиосфера, сема.

Этносемантика выделяется в рамках этнолингвистики, области языкознания – изучающей язык в его взаимоотношении с культурой. В этнолингвистике центральными являются две взаимосвязанные проблемы.

1. Каким образом, с помощью каких средств и в какой форме в языке отражаются культурные представления народа, говорящего на данном языке, об окружающем мире и о месте человека в этом мире?

2. Какие формы и средства общения (в первую очередь языкового) являются специфическими для данного этноса?

Изначально этнолингвистика интересовалась вопросом о том, в какой мере языковая способность человека является врожденной и универсальной, а в какой представляет собой отражение и воплощение конкретной культурной реальности.

Следующий вопрос, связанный с предыдущим, в какой мере восприятие окружающего мира является универсальным для носителей любых языков и культур, а в какой складывается под воздействием лексической и грамматической специфики конкретного языка.

Решение этих вопросов было связано с понятием «лингвистической отнесенности», согласно которой «картина мира» зависит не столько от наблюдаемой реальности, сколько от той классификационной сетки, которую накладывают на говорящего лексическая и грамматическая системы конкретного языка.

Однако практически с самого начала внимание обращалось на то, как в конкретных языках обозначаются те объекты, которые во внеязыковой реальности образуют систему родо-видовых отношений или отношений «часть – целое». Согласно исходной предпосылке исследований подобных отношений, более дробные фрагменты классификации соответствуют более важным аспектам данной культуры. Так, если основное занятие этноса – рыболовство, то, следовательно, в языке наличествует множество названий рыб.

Современная когнитивно ориентированные исследования по этнолингвистике условно делятся на «релятивистские» и «универсалистские». Первые интересуются преимущественно культурной и языковой спецификой в картине мира говорящего, вторые – поиском универсальных свойств лексики и грамматики естественных языков.

К первой группе исследований относятся работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой и др., которые посвящены особенностям русской языковой картины мира. В них анализируются значение и употребление слов, которые либо обозначают уникальные понятия, не характерные для концептуализации мира в других языках (тоска и удаль), либо соответствуют понятиям, существующим в других культурах или получающим особую интерпретацию (свобода и воля).

Примером исследований универсалистского направления являются работы А. Вежбицкой, в которых делается акцент на установлении набора «семантических примитивов», универсальных элементарных понятий, с помощью комбинаций которых язык может создавать бесконечное множество слов. Семантические примитивы рассматриваются как лексические универсалии, как такие элементарные понятия, которые выражаются в любом языке.

Таким образом, оба направления так или иначе анализируют этносемантические различия между культурами и, соответственно, языками.

Ещё В. фон Гумбольдт, говоря о связи индивидуума со своим народом и его совокупной духовной силой, заметил, что «язык не просто пассивен, не только впитывает впечатления, но из всего бесконечного многообразия возможных интеллектуальных устремлений выбирает одно определённое, перерабатывая в ходе своей внутренней деятельности любое внешнее влияние» [3, с. 66].

Применительно к полисемантическим лексическим единицам эту мысль можно интерпретировать следующим образом. Каждый этнос видит тот или иной объект, а также оценивает его с определённой точки зрения, обусловленной национальной картиной мира. Особенно ярко это проявляется в направлениях развития многозначности, в частности в том, какой именно признак избирается в качестве основания для переносного употребления слова. Выбор такого основания основан на процессе категоризации.

По мнению Дж. Брунера, восприятие предполагает акт категоризации. Воспринимая какой-либо объект, мы относим его к тому или иному классу вещей или событий. С помощью нескольких характерных свойств входного сигнала человек производит отбор, отнесение воспринимаемого объекта к определённой категории. При такой категоризации воспринимаемых объектов признаки играют двоякую роль: характеристик самого процесса восприятия и сенсорных данных, на основе которых возникает восприятие [1, с. 13-14].

Первым этапом категоризации, по Д. Брунеру, является первичная категоризация. Её суть заключается в том, что любому логическому выводу предшествует какой-то скрытый процесс выделения в восприятии некоторого предмета или события с определёнными характерными свойствами – «предмет», «звук», «движение» и т.д. [1, с. 26].

Можно полагать, что ментальная картина мира предшествует языковой. Образ объекта, который запечатлевается в языковой картине мира, в рамках компонентного анализа представляется в виде набора семантических компонентов. Этот набор в различных классификациях структурируется по-разному, однако общим для всех них остаётся констатация ядерной и периферийной областей, а также зоны потенциальных сем. В то же время при сопоставлении полисемантических единиц в языковых картинах мира различных этносов выявляется фиксация внимания на разных признаках объектов, что позволяет предположить их разное видение.

В этой связи небезынтересно остановиться на понятии семиосферы, предложенном Ю.М. Лотманом. «Устройство, состоящее из адресанта, адресата и связующего их единственного канала, ещё не будет работать. Для этого оно должно быть погружено в семиотическое пространство. Все участники коммуникации уже должны иметь какой-то опыт, иметь навыки семиозиса. Таким образом, семиотический опыт должен парадоксально предшествовать любому семиотическому акту. Если по аналогии с биосферой (В.И. Вернадский) выделить семиосферу, то станет очевидно, что это семантическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие существования и работы, в определённом отношении, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними. В этом отношении язык есть функция, сгусток семиотического пространства, а границы между ними, столь чёткие в грамматическом самоописании языка, в семиотической реальности представляются размытыми и полными переходных форм. Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка» [4, с. 250].

В определённом смысле развитие полисемии находится в рамках семиосферы того или иного этноса. Вероятно, возникновение новых лексико-семантических вариантов у слова можно рассматривать как часть общего процесса семиозиса, в котором, наряду с общечеловеческими тенденциями, существуют и национальные.

В основу методики этносемантического анализа могут быть положены элементы дериватологического анализа. Так, в смысловой структуре лексических единиц можно выделить основную часть, общую для всех или (по крайней мере) большинства лексико-семантических вариантов, а также те компоненты семантики, которыми вышеназванные варианты отличаются друг от друга, – дифференцирующие семы.

При подобном, бинарном, семантическом анализе нет необходимости выделять весь набор смысловых составляющих. Сущность данного подхода заключается не в выявлении непосредственной мотивированности, а в определении центральных тенденций. Названные тенденции (как и их аналоги в дериватологии) необходимо связывать с теми или иными обобщениями, которые касаются как базовых (в дериватологии – производящих), так и дифференцирующих (соответственно – формантных) компонентов.

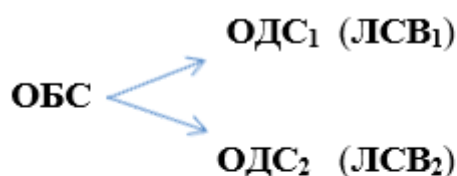
Приведём примеры подобных обобщений.

Обобщённая базовая сема «квантитативность» включает в себя конкретные семы «количество», «объём», «размер», «скорость» и т.д.; обобщён-

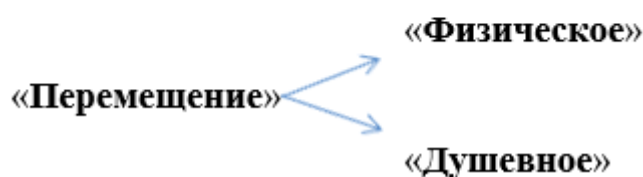
ная базовая сема «форма» – «изогнутость», «округлость», «острота» и т.д. Всего было выделено 20 подобных сем.

Приведём пример бинарного анализа.

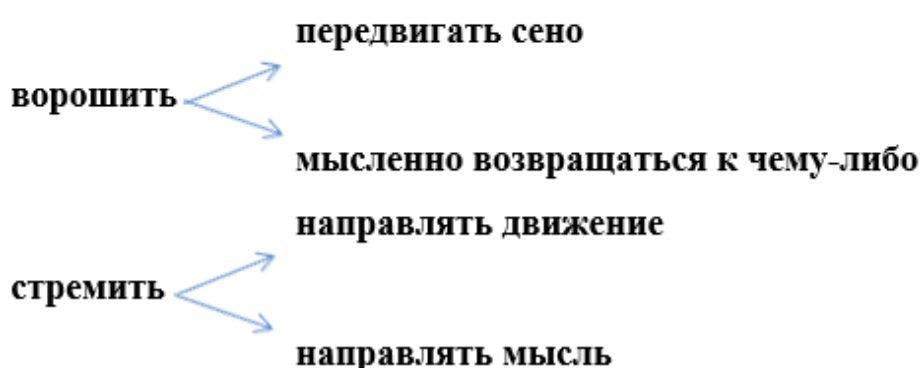
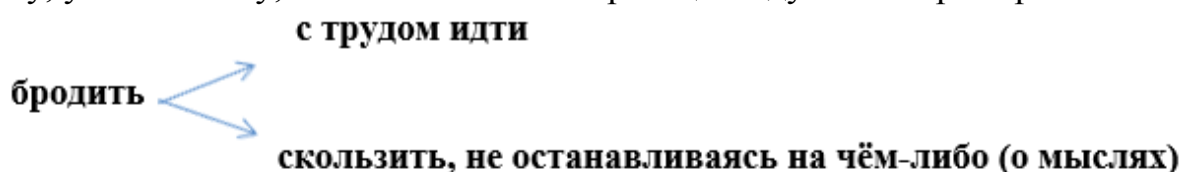
Как уже говорилось выше, лексико-семантические варианты полисемантической единицы, объединяясь обобщённой базовой семой, различаются обобщёнными дифференцирующими семами. Схематично это можно представить следующим образом:

Пример:

В этом случае пара обобщающих дифференцирующих сем отражает соотношение различных смысловых переносов, связанных с обозначением перехода от физического состояния человека, его материального благополучия или, напротив, неблагополучия к состоянию психическому, физиологическому, умственному, иными словами – к реакциям души. Например:

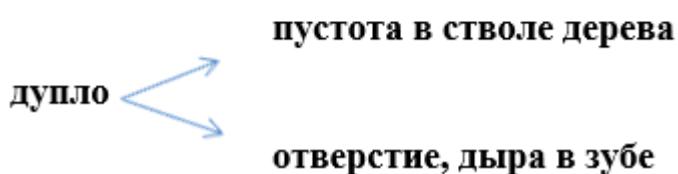
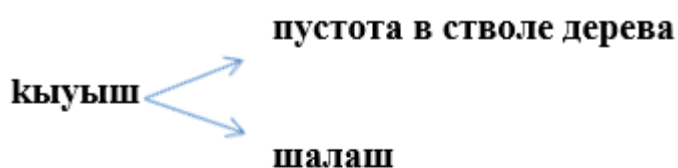

Анализ понятийных коррелятов башкирского языка выявил следующую картину. Из 95 лексических единиц в 42 парах наблюдается полное или почти полное соответствие между двумя языками, например, *бал* – *мёд* (вещество, вырабатываемое пчёлами и название продукта питания), *akkoш* – *лебедь* (сходство во внешнем облике, грациозности птицы и человека).

Во второй группе лексических единиц можно отметить определённую специфику в соотношении лексико-семантических вариантов, хотя их характер в целом коррелирует с моделями русского языка, например: *терпе* – *ёж* –

«зверёк с острыми иглами», однако в производных лексико-семантических вариантах наблюдается расхождение: в башкирском – «намордник (специальное колючее приспособление, надеваемое на морду телёнка, чтобы отучить его сосать корову), в русском – «оборонительное заграждение в виде перекрещивающихся кольев или брусьев, переплетённых колючей проволокой». В этом случае можно отметить общее основание для смыслового переноса – острота, однако результаты семантического развития разнятся: в башкирском языке речь идёт о «мирном», а в русском – о военном назначении приспособления.

Наконец, к третьей группе относятся башкирские лексические единицы, в которых наблюдаются этнически специфические черты развития значений, например:

Если в башкирской лексеме внимание концентрируется на пространстве, возможно предназначенном для жилья, то в русской – на отверстии в растении и живом организме.

Подводя итоги, вернёмся к термину «этносемантика». Здесь мы солидарны с точкой зрения С.Г. Воркачёва о том, что сопоставительная этносемантика имеет своим предметом общие и специфические свойства лингвоментальных образований, которые по-разному проявляются при функционировании в различных сферах общественного сознания и различных типах дискурса и раскрываются через соотношение и взаимодействие в их семантике трёх составляющих

- 1) понятийной, отражающей их признаковую и дефиниционную структуры;
- 2) образной, фиксирующей когнитивные метафоры;
- 3) значимостной, определяемой местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка [2].

Приведённая точка зрения относится к «релятивистскому» направлению этнолингвистики и касается исследований концептов. Нам бы хотелось обратить внимание на полисемантический аспект проблемы. В этом отношении под этносемантикой можно понимать область исследований, посвящённую выявлению общего и этнически специфического в языковых картинах мира, фиксирующих национальное видение объектов реальности.

Список литературы

1. Брунер Д. Психология познания. За пределами непосредственной информации: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
2. Воркачёв С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): Монография. Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2000. 704 с.

МОТИВ «ПРАВО» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Хорошилова С.В.

студентка 1 курса магистратуры Гуманитарного института,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В данной статье рассматривается мотив права в раннем творчестве Достоевского на материале таких произведений как «Честный вор», «Бедные люди», «Неточка Незванова», «Село Степанчиково и его обитатели», «Униженные и оскорбленные». Анализ основывается на различии вариантов значений концептов право, закон и их реализации в рамках мирообразной подсистемы художественного сознания Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: мотив, право, закон, правда, истина, культура.

Среди мотивов творчества Ф.М. Достоевского одним из ключевых является мотив права. Он появляется уже в ранних произведениях писателя и составляет основу его мировоззренческой и этической концепции. Мы обращаемся к произведениям 1840 – 50-х годов, так как это позволяет проследить в дальнейшем эволюцию мотивов право, закон, которые раскрываются в более поздних романах.

Прежде всего, стоит обратиться к словарям, фиксирующим значение интересующих нас концептов. Это «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и словарь «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанова.

Понятия «право», «правда», «истина», «закон» в русской культуре имеют значения, тесно переплетенные между собой. Кроме того, с течением времени некоторые слова полярно изменили свои значения (соотношение «истина – правда»). Обращаясь к понятию «закон», мы видим, что в трех существующих значениях (закон юридический, божеский и научный) есть объединяющее их понятие предела, границы. В русской культуре, тесно переплетенной с православной христианской традицией, закон, как минимум божеский, а вслед за ним и юридический, сопоставим с пределом внутренним, нравственным.

Таким образом, в данной видовой структуре божеский закон стоит «над» юридическим, и вступает с ним в противоречие. Все это говорит о том, что русскому человеку в принципе свойственно не характерное для западно-

го рационалистического сознания отношение к закону юридическому как к высшему закону. Своеобразие мышления, обусловленное таким взаимодействием, определяет типологию сюжетов, конфликтов, героев и ярко представлено в творчестве Ф.М. Достоевского. Для нас представляется необходимым исследовать указанные выше противопоставления и стремления русского человека – героя Достоевского выйти за существующие пределы, не столько юридические, сколько нравственные.

Божеский закон совести, по мнению Достоевского, предстает как дар и осознается всеми людьми. Этот закон сердца, любви являет собой предел, который человек может преступить. Чтобы наиболее полно понять представленное соотношение обратимся к монографии М. Буланова «Художественная феноменология изображения сердечной жизни в русской классике (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой)», где ученый отмечает, что при анализе творчества любого крупного художника обнаруживается проблематика соотношения рационального и эмоционального. Для Достоевского эти сферы чрезвычайно важны, поскольку составляют основу, суть человеческой природы. Рациональное и эмоциональное предстают в его произведениях как универсальная оппозиция, охватывающая все сферы жизни: «жизнь» и «смерть», «разум» и «страсти», «ум» и «сердце» [1, 73].

Наиболее значимое влияние на миропонимание Ф.М. Достоевского оказали Отцы Церкви – Нил Сорский и Тихон Задонский. В их трудах соотношение ума и сердца реализуется в парадигме: «разум» и «страсти», «правда» и «истина», «закон нравственный» и «официальный». Кроме того, писатель находился под влиянием немецких философов И. Канта и Ф. Шиллера, что отразилось на философско-эстетических воззрениях Достоевского. Идея «вечного разума», мыслящего рассудка долгое время оставалась в России идеологически важным и актуальным миропониманием. Также М. Булавин отмечает, что, по мнению И. Канта, силы, побуждающие человека к действию, не совпадают с нравственным законом и не совместимы друг с другом. Нравственный закон действует через волю и не может быть опосредован чувством.

Для исследования мотива права в творчестве Ф.М. Достоевского мы, вслед за Е.Ю. Сафроновой, выделяем ряд оснований для анализа, которые отображены в ее статье «Право в художественном сознании Ф.М. Достоевского». Ученый рассматривает право как «ядерную мирообразную (мироконцептуальную)» подсистему художественного сознания Достоевского. В связи с этим выделяются следующие аспекты его рассмотрения: конструктивно-функциональный, содержательный или информационный, деятельностно-психологический и программирующий [3, 148].

В результате исследования было установлено, что мотив право реализуется по-разному в каждом из произведений. Писатель затрагивает различные темы, неразрывно связанные с мотивом право, каждый раз с новой стороны раскрывает аспекты изучаемого нами мотива. Придерживаясь мнения ряда ученых, мы не можем отрицать существование определенных структур-

ных схем сюжетов в произведениях Достоевского. Они представляют собой элементы, регулирующие развитие сюжета. Например, искушение – падение (преступление) – покаяние (суд) – искупление вины (наказание). Параллельно с этой конструкцией художник использует повторяющиеся мотивы (невинной жертвы, честного вора), а также использует прием параллелизма на сюжетно-композиционном уровне.

Применяя содержательный и конструктивно-функциональный аспекты, мы выделяем несколько видов реализации мотива право:

- внимание уделяется непосредственно судебному процессу, часто в этих произведениях реализуется мотив несправедливого суда, невинной жертвы («Бедные люди», «Неточка Незванова», «Село Степанчиково и его обитатели»);
- изображение суда совести, признание преступником вины и ее искупление, заканчивающееся смертью («Честный вор», «Неточка Незванова», «Бедные люди», «Униженные и оскорбленные»);
- изображение невинной жертвы, человека униженного, чувствующего, страдающего или преступника, раскаявшегося и искупающего свою вину душевными муками («Село Степанчиково и его обитатели», «Неточка Незванова»); автор показывает разное нравственное, душевное состояние героев и разные варианты их дальнейшей жизни.

Следует отметить, что выведенная нами классификация является достаточно общей, так как почти в каждом из рассмотренных текстов можно выделить все приведенные разновидности мотива право. Данная структура помогает исследователю выявить основные области реализации мотива, определить круг проблем, которые волновали писателя и проявились уже в ранних его произведениях.

Список литературы

1. Буланов А.М. Художественная феноменология изображения «сердечной жизни» в русской классике (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой): Монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 191 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 736 с.
3. Сафронова Е.Ю. Право в художественном сознании Ф. М. Достоевского // Вестник Томского государственного педагогического университета, №3, 2011. – 147-156 с.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 991 с.

МОТИВЫ И ОБРАЗЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Хорошилова С.В.

студентка 1 курса магистратуры Гуманитарного института,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Творчество Ф.М. Достоевского оказало огромное влияние на русскую литературу в целом, а также на современную отечественную литературу, которая точно фиксирует не

только состояние современного общества, но и изменения, происходящие в сознании людей. В статье исследуются актуальные мотивы и образы творчества Ф.М. Достоевского, используемые в современной отечественной прозе.

Ключевые слова: образ, мотив, отечественная литература, прием интертекстуальности.

Современная литература конца XX – начала XXI века под влиянием реализма и постмодернизма часто обращается к классической литературе. Появление отголосков произведений Ф.М. Достоевского на страницах современных книг вполне объяснимо: многие идеи писателя оказались пророческими для России и мира, а кроме того, новый виток в развитии, воскрешении нравственных, отчасти и религиозных ценностей в современном российском обществе возвращает нас к концепциям и идеям Ф.М. Достоевского.

Многие современные авторы не просто развивают в новом контексте темы и идеи русского писателя и философа, а используют прием интертекстуальности, что позволяет им спорить с классическим текстом, находиться в непосредственном живом диалоге, целенаправленно используются различные приемы классика. Для современной отечественной беллетристики во многом характерна психологизация образов героев, а в связи с этим становится значимой проработка различных деталей: портретных, пейзажных, интерьерных, речевых, вещных и психологических. Этому аспекту посвящены статьи таких исследователей, как А.А. Бедова, О.Ю. Осьмухина, А.В. Казачкова [2, 123].

Анализируя творчество Ф.М. Достоевского, можно выделить ряд образов и мотивов творчества писателя, которые наиболее часто используют современные авторы в своих произведениях. К ним относятся *мотив права, суда*, реализующийся упрощенно в мотиве *«преступления и наказания»*, *мотив ребенка, детскости*, *образ женщины*, *образ Петербурга*, представляющегося нам самостоятельным героем произведений; отмечено важное значение цветовой символики, а также появление в современной литературе мифологизированного образа самого Достоевского.

В ходе нашего исследования мы обратились к нескольким произведениям современной отечественной литературы, а именно к романам В. Пелевина «t» и Б. Акунина «Ф.М.» и провели литературоведческий анализ. Было установлено, что в этих произведениях художественное воплощение образов творчества Ф.М. Достоевского представлено неоднородно.

Так, в романе Б. Акунина происходит заимствование исключительно образов героев романа «Преступление и наказание» с незначительными отступлениями от канона в образах Олега Сивухи и Саши Морозовой. Об этом говорит не только сходство в сюжете, специфике изображения, но и в именах персонажей. Рассмотрим наиболее яркие из них.

Наркоман Рулет (Руслан Рульников) соотносим с Родионом Раскольниковым. Он также совершает убийство, но в отличие от Раскольникова его идея не настолько значима: Рулету нужны деньги, чтобы приобрести очередную порцию наркотиков.

Саша Морозова – дочь исследователя творчества Ф.М. Достоевского соотносится с Соней Мармеладовой. Судьбы обеих героинь очень похожи:

семьи Сони и Саши находятся в трудном финансовом положении, поэтому им приходится искать выход. Обеих девушек мачехи заставляют ступить на путь проституции. Но, несмотря на свою деятельность и непростые отношения с мачехой, обе девушки сохраняют нравственные, моральные качества и являются верующими.

Одной из черт, отличающих Сашу Морозову от Сони Мармеладовой, является то, что она в некотором смысле воплощает образ злодея, так как следит за Фандориным и косвенно является соучастницей некоторых преступлений, совершенных Олегом Сивухой. За внешней кротостью, образом «униженной и оскорбленной» снова скрывается злое, порочное начало.

Старуха-процентщица предстает в романе Акунина в образе эксперта по Достоевскому, проводившего анализ рукописи, Элеоноры Ивановны Моргуновой. Она подобно своему прототипу в классическом романе Ф.М. Достоевского жаждет получить денежную выгоду за свои услуги.

Филипп Борисович Морозов – исследователь творчества Достоевского, обладатель рукописи «Теорийки», представляющей собой вариант развития действия романа «Преступление и наказание», сопоставим с Мармеладовым. Он также обладает достаточно мягким характером, наивен, доверчив, страдает от тяжелой болезни (в случае с Мармеладовым это был алкоголизм), и в конце романа умирает.

Особое место занимает образ Олега Сивухи – мальчика-гения, а на самом деле взрослого тридцатилетнего человека, страдающего от тяжелой генетической болезни. Помимо того, что он является одним из воплощений Раскольникова, а именно его идеи о человеке «власть имущем», он также связан с *мотивом детскости*, который использовался как самим Ф.М. Достоевским, так и современными писателями. На протяжении всего романа читатель считает Олега проницательным, умным ребенком, но в конце оказывается, что именно он совершал все преступления, которые так или иначе были связаны с поисками рукописи Достоевского. За внешней незащищенностью, детской наивностью скрывался жестокий убийца [3, 52].

В романе В. Пелевина «t» представлены лишь несколько образов творчества Достоевского: образ Петербурга и образ самого Достоевского. Оба они появляются практически одновременно. В романе В. Пелевина Достоевский живет как бы в своем мире – в Петербурге, жизнь в котором напоминает компьютерную игру: Достоевскому приходится вычислять «мертвые души», убивать их, забирая при этом аптечки, колбасу и водку, употреблять которую необходимо, чтобы не умереть от радиации.

Сам же город представляется нам достаточно враждебным, злым и грязным. Несомненно, что этот виртуальный мир – Петербург Достоевского, изображенный в новой, адаптированной для современного человека реальности. Об этом свидетельствуют и определенные «локации», места, отсылающие нас к творчеству писателя, например, лавка «Белые ночи», в которой можно выменять водку и колбасу на артефакты. Достоевский представляется нам не только невольным создателем этого мира, но и его пленником.

Творчество Ф.М. Достоевского представляются современным авторам достаточно благодатной почвой для создания собственных произведений, от-

ражающих не только специфические особенности русской жизни и русской ментальности, но и отвечающих на различные вопросы современности. Произведения классика представляют интерес для современных авторов, а значит, смогут привлечь и внимание читателей, как к творчеству писателей конца XX – начала XXI века, так и к классическим произведениям Ф.М. Достоевского.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Изд-во «Советский писатель», 1963. – 362 с.
2. Бедова А.А. Роль художественной детали в романах «фандоринского цикла» Б. Акунина Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова №2, 2012. – С. 121-124 с.
3. Осьмухина О.Ю., Казачкова А.В. Специфика воплощения «детской» темы в современной отечественной прозе: многообразие рефлексивных практик. Вестник государственного Ленинградского университета им. А.С.Пушкина №4/ том 1/ 2012. – С. 47-55.

СТЕРЕОТИП РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Цыбина Н.А.

доцент кафедры английского языка, канд. филол. наук,
Нижегородский государственный лингвистический университет,
Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассматриваются средства вербализации и когнитивные стратегии, используемые в социальных установках для создания стереотипа России. Анализ материала приводит к выводу о ложности данного стереотипа, основанного на пропаганде антироссийских настроениях в англоязычных СМИ.

Ключевые слова: стереотип, социальные установки, средства вербализации, когнитивные стратегии, СМИ, предрассудки.

В настоящее время в англоязычных СМИ идет целенаправленная работа по укреплению представления о России как об угрозе всему миру. Глубоко укоренившееся негативное отношение к России основано на стереотипе – «Россия – агрессор». Почти во всех газетных статьях, где царят русофобские настроения, употребляется выражения «агрессор», «агрессия» при упоминании о России, что подтверждается экспериментом, проведенным 23 октября 2016г.: при наборе слов «Russia», «aggression» в поисковой системе Google, было выдано 4510000 ссылок за 0, 43сек. Это особенно видно в американских СМИ. Для Америки любая страна, стремящаяся проводить независимую внешнюю политику, воспринимается как угроза, поэтому в американских СМИ широко эксплуатируют тему страха. Материалом исследования послужили статьи ведущих американских и английских газет и журналов The Spectator, The Guardian, Newsweek, The Washington Post, The Economist.

В таком искажении фактов в ходе информационной войны, развязанной западными СМИ, просматривается попытка Запада отомстить России за все. По словам известного итальянского журналиста и политического обозревателя Дж. Кьеза, русофобия становится оружием современности [4, с. 157]. Нет

больше ни «красной угрозы», ни «призрака коммунизма, бродящего по Европе», но Россия по-прежнему считается агрессором не только по отношению к своим соседям, но и к остальному миру.

Иностранцы, как правило, ничего не знают о России, поэтому сейчас в условиях обострения отношений между Россией и Западом, стереотипное представление о «страшной России» дает возможность англоязычным СМИ формировать и манипулировать общественным сознанием.

В философии под стереотипом понимается устойчивая совокупность представлений, складывающихся в сознании как на основе личного жизненного опыта, так и с помощью многообразных источников информации. По своей гносеологической природе стереотип может быть как истинным, так и ложным, легко превращающимся в предрассудки. Стереотипы широко используются в пропаганде, поскольку воздействие на массовое сознание осуществляется именно благодаря разработке и внедрению определенных стереотипов [5, с. 459].

В когнитивной лингвистике стереотип трактуется как стандартное мнение о социальных группах или об отдельных лицах как представителях данных групп. При этом стереотип обладает такой формой суждения, которая в упрощенном или обобщенном виде приписывает некоему классу лиц определенные свойства и установки, или, наоборот отказывает им в этих свойствах или установках. Стереотип всегда эмоционально окрашен [3, с. 177-179].

Большое влияние на формирование и распространение стереотипов в современном мире оказывает интернет и СМИ. Именно благодаря СМИ стереотипные образы проникают в сознание людей, поскольку стереотипы являются средством экономии познавательных усилий, способствующих сокращению и упрощению сложных явлений и феноменов до более простых «шаблонов» [1, с. 103-105]. В ходе информационной войны стереотипное представление о России становится ложным, превращаясь в предрассудки (предубеждения), которые находят свое выражение в социальных установках.

Согласно ван Дейку, социальные установки представляют собой сложные когнитивные структуры убеждений или мнений, которые бытуют в обществе. Как и фреймы или сценарии, они обладают схематической организацией и расположены в семантической памяти [2, с. 176-177]. Мнения трактуются как оценочные убеждения, а основной характеристикой предубеждений является их представление негативными установками, так как, по словам ван Дейка, на верхних уровнях структуры установок преобладают негативные мнения [2, с. 178].

Для анализа стереотипного образа России важно не только то, какие средства для этого используются, но и то, что рассказывается о России в англоязычных СМИ. Иными словами, важно проанализировать темы статей западных СМИ. В ходе проводимого исследования представляется возможным разделить темы статей, формирующих стереотип России, на несколько групп:

1) агрессивность, насилие – *Its aggressive actions in its near abroad, notably in Crimea and other parts of Ukraine, have created apprehensions in the United*

States and other Arctic nations about its intentions in the Far North.; *War is the health of the state for Russia*;

2) нарушение законов международного права – an aggressive country must feel the price for *brutal violation of international law*;

3) имперские амбиции (стремление возродить империю) – *Putin's empire project is threatened in the Balkans, how Putin is restoring the fallen Soviet Empire*;

4) шулерство и уловки – *In a gambit to increase its importance on the world stage, Moscow has positioned itself as a key player in negotiating peace deals in conflicts it started such as Ukraine, or elbowed its way into, as in Syria; Moscow has all the trump cards in its hands*;

5) отсутствие демократии – *As long as Moscow regards democracy as a mortal threat, genuine dialogue... is impossible*; Russia and the United States are in a state of conflict. But it is not a new Cold War. *It's a struggle between democracy and autocracy*, not communism and capitalism;

6) непредсказуемость – Two and a half years after the Russian invasion of Ukraine, too many public figures in the United States and Europe still seem *unable to decipher Russia's motives*; Far too many people in public life seem *unable to grasp the motives driving Russian behavior. Where will Putin strike next?*

В ходе анализа средств, используемых для структурирования стереотипного образа России, представляется возможным выделить ряд закономерностей. Во-первых, вместо аргументированных высказываний или утверждений англоязычные СМИ прибегают не только к когнитивной стратегии импликации – The US has said *Russia may have committed war crimes* by deliberately attacking civilian targets in Aleppo, including hospitals; Marine Corps gen. Joe Dunford, chairman of the joint chiefs of staff, said during Senate testimony on Thursday that *either Russian or Syrian warplanes might have attacked the convoy*; но и к откровенной лжи –It was when NATO failed to offer Georgia a membership action plan in 2008, but left the door open, that Russia struck – комиссия, учрежденная Советом Европы, установила, что бывший президент Грузии Саакашвили развязал агрессию в Цхинвале и Южной Осетии [4, с.131], однако в западных СМИ до сих пор утверждается, что Россия якобы «атаковала» Грузию летом 2008г.

Во-вторых, лексическими маркерами стереотипа России являются метафоры и эпитеты. Основными метафорами являются: 1) военная метафора – «Россия – агрессор», 2) игровая метафора – «Россия – игрок», 3) морбильная метафора – «Россия – больной организм», 4) антропоцентричная метафора – «Россия – Путин». Метафорические модели носят эмотивный характер, имеют четкое деление на «своих» и «чужих» и акцентируют негативные образы, связанные со стереотипом России. Все эпитеты также отрицательные, что служит сильным воздействием на общественное сознание – *formidable military power, aggressive Russian muscle, belligerent Russia, Russia's brazen invasion of Ukraine Putin's dangerous games in the Baltic*.

В ходе наблюдения над языковым материалом было установлено, что стереотип России маркирован резко отрицательно, что находит свое вопло-

щение в эмоционально маркированных лексических единицах и когнитивных метафорах, а также идеологически окрашенных социальных установках, предстающих в оппозиции «свой-чужой». Данная тема является актуальной в настоящее время, поскольку очень важным является то, как стереотип России влияет на взаимодействие России и Запада. Если в первое десятилетие после падения Советского Союза стереотипное отношение к России несколько поменялось в лучшую сторону, то теперь отсутствуют какие-либо полутона в изображении стереотипа России, что свидетельствует о том, что позитивное восприятие России в англоязычных СМИ не возможно. Расширение НАТО закончилось, Альянс находится у границ России, поэтому западные СМИ, как никогда, являются тем оружием, которое используется против России.

Список литературы

1. Агеев В.С. Механизмы социального восприятия // Вопросы психологии. 1986. №1. С. 103-105.
2. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Демьянков В.З. Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 177-179.
4. Къеза Дж. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? М.: Издательство «Э», 2016. 288 с.
5. Философский словарь. М.: Политиздат, 1987. 590 с.

«МОРСКИЕ» ИДИОМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Чубченко Я.О.

доцент кафедры морского профессионального английского языка,
Морской государственный университет им. адмирала Г.И. Невельского,
Россия, г. Владивосток

В статье рассказывается об использовании «морских» идиом в английском языке, приводятся примеры их употребления и способы перевода. Рассказывается о роли идиом в языке и о том, как они повышают общий уровень владения языком.

Ключевые слова: идиома, фразеологизм, словосочетание, способы перевода.

В переводе с греческого идиома (*idioma*) – особенность, своеобразие. Идиома – выражение, потерявшее свой буквальный смысл, и зачастую, приобретенный смысл этого выражения никак не связан со смыслом самой фразы, которая образует идиому. Для того, чтоб выяснить, как происходят идиомы, рассмотрим этот процесс.

В самом начале перед нами – обыденное словосочетание, всем понятное, хотя, оно может содержать внутри себя некий другой смысл.

Дальше в языке исчезает, либо меняется какое-то слово. Это приводит, с одной стороны, к некому изменению в значении всего сочетания, а с другой стороны – это слово обогащает (в смысловом отношении) это выражение и создает метафору, которая из поэтической находки одного человека становится всеобщим достоянием. Это образное выражение – высказывание, в которой укрыт намек на очень многие ситуации.

Например, известно, что ранее римляне-полководцы сжигали свои корабли, высадившись на территории врага. То есть они могли или победить, или погибнуть. Отсюда появилось выражение: *to burn one's boats/ bridge* – “отрезать себе путь к отступлению, лишить себя возможности возврата к прежнему”. Другой пример, *to be (all) at sea* – “быть в растерянности/тупике, быть беспомощным”. Это чувство, которое ранее испытывали моряки, потерявшись в открытом море. Ведь компасы, хоть и существовали в Европе уже в XIII веке, были неточными. Поэтому легкие суда держались в пределах видимости суши, но если они сбивались с курса, то корабль уносило в открытое море. Так и появилась фраза “*to be (all) at sea*”.

Мы знаем, что Великобритания – островное государство, поэтому мореплавание и все, что связано с морем, играет важную роль в экономике страны и ее истории. Неудивительно, что в английском языке появилось множество идиом, касающихся мореходства. В этой статье можно изучить наиболее часто употребляемые «морские» идиомы английского языка.

Большинство исследователей (В. Н. Комиссаров, Л. Ф. Дмитриева, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирнова) выделяют четыре основных способа перевода образной фразеологии. Первый тип соответствий обычно именуют фразеологическими эквивалентами. При использовании таких соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в переводном языке имеется образный фразеологизм, совпадающий по всем параметрам с фразеологической единицей оригинала, например: *to row/sail in the same boat with smb* – “плыть в одной лодке”.

Как отмечает В. Н. Комиссаров, второй тип фразеологических соответствий представляют так называемые фразеологические аналоги. В случае отсутствия фразеологического эквивалента, следует подобрать в переводном языке фразеологизм с таким же переносным значением, основанном на ином образе, например: “*Be plain sailing*” – “проще пареной репы”.

Как отмечает Л. Ф. Дмитриева, дословный перевод, калькирование фразеологических единиц, может быть применен лишь в том случае, если в результате калькирования получается выражение, образность которого легко воспринимается русским читателем и не создает впечатления неестественности и несвойственности общепринятым нормам русского языка, например: *to burn one's bridge* – “сжигать мосты”.

Л. Ф. Дмитриева, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирнова утверждают, что в целях объяснения смысла фразеологической единицы, которая не имеет в русском языке ни аналога, ни эквивалента и не подлежит дословному переводу, необходимо прибегнуть к описательному переводу, например: *to know/ learn the ropes* – “хорошо знать свое дело”.

Знание идиом обогащает речь человека, расширяет его кругозор, показывает уровень владения иностранным языком. Прочитав данную статью, можно пополнить свой словарный запас яркими красивыми фразами и узнать, как сказать о том, что вы растеряны, или похвастаться другу, как потратили большую сумму денег на замечательную вечеринку.

Be in the same boat – “быть в одинаковом положении с кем-либо”. It was difficult to pass this exam, but everybody was in the same boat. Было трудно сдать этот экзамен, но все были в одинаковом положении.

Burn one's boats/bridge – “отрезать себе путь к отступлению, лишиться себя возможности возврата к прежнему”. Don't break off relations, don't burn your boats. Не разрывай отношения, не сжигай за собой мосты.

Miss the boat – “упустить возможность, “проворонить” что-то”. Yesterday it was the deadline for handing in the essay, so I missed the boat. Вчера был крайний срок для сдачи эссе, так что я упустил возможность.

Push the boat out – “потратить большую сумму денег, шикануть, “отметить” какое-л. событие”. My parents pushed the boat out for celebrating my birthday. Мои родители изрядно потратились на празднование моего дня рождения.

Rock the boat – “вносить разлад, “раскачивать лодку”, нарушать равновесие, ставить под удар, подвергать опасности, создавать опасное положение”. Our boss is bad-tempered. He is always rocking the boat! У нашего начальника плохой характер. Он всегда вносит разлад!

Row/sail in the same boat with smb – “действовать сообща, совместно с кем-л., быть связанным общим делом с кем-либо”. If I were you, I wouldn't row in the same boat with someone as dishonest as he is. На вашем месте, я не стал бы сотрудничать с таким непорядочным человеком.

Be a nervous wreck – “быть комком нервов”. Don't disturb him now, he is a nervous wreck. Не трогай его сейчас, он как комок нервов.

Be (all) at sea – “быть в растерянности/тупике, быть беспомощным”. I found myself at sea when I got my first salary. Я был в замешательстве, когда получил свою первую зарплату.

Be in the doldrums – “быть в состоянии депрессии, инертности, затишья или упадка”. Current world economy is in the doldrums. Современная экономика переживает период застоя.

Be plain sailing – “проще простого, пустяк”. All cadets expected the exam to be a challenge, but to their surprise it turned out to be plain sailing. Все курсанты думали, что экзамен будет очень трудным, но он оказался на удивление проще простого.

Clear the decks – “приготовиться к чему-то (обычно к действиям)”. I think we should clear the decks before repairing this room. Думаю, нам стоит подготовить эту комнату к ремонту.

Put/stick one's oar in – “вмешиваться, лезть не в свое дело”. Don't put your oar in my business. Не вмешивайся в мои дела.

Sail close to the wind – “быть на грани опасности; жить экономно, рассчитывать всё до копейки”. Don't sail close to the wind. You can lose your job. Не рискуй, ты можешь потерять работу.

Make sail – “уходить, убираться восвояси”. It is time to make sail. Пора уходить.

(In) full sail – “на всех парусах”. I saw him going under full sail for their house. Я видел, как он неся к их дому.

Show someone the ropes – “вводить в курс дела”. Welcome to our team. I will show you the ropes. Добро пожаловать в нашу команду. Я введу вас в курс дела.

Know/ learn the ropes – “хорошо ориентироваться; знать все входы и выходы”. Don’t worry, I’ll do my best, I know the ropes. Не беспокойся, я справлюсь, я знаю все лазейки.

Steer clear of – “держаться подальше от, избегать”. I’d recommend you to steer clear of this man, he is a criminal. Я бы рекомендовал тебе держаться подальше от этого человека, он преступник.

To be a good/bad sailor – “хорошо/ плохо переносить качку на море”. I don’t like travelling by sea, as I am a bad sailor. Мне не нравится путешествовать морем, т. к. плохо переношу качку.

Итак, в данной статье описано использование «морских» идиом в английском языке, приведены конкретные примеры их употребления и способы перевода. Также освещена роль идиом в языке, их влияние на общий уровень владения языком.

Список литературы

1. Дмитриева Л.Ф., Кунцевич С.Е., Мартинкевич Е.А., Смирнова Н.Ф. Английский язык. Курс перевода. Изд. 2. – М.: ИКИЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2008. – 304 с.
2. Комисаров В.Н. К 63 Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. – М., 1998.
4. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М., 1984.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Чугунова Э.И.

доцент кафедры иностранных языков, канд. пед. наук,
Костромская государственная сельскохозяйственная академия,
Россия, г. Кострома

Рунтова Н.В.

студентка 2 курса инженерно-технологического факультета,
Костромская государственная сельскохозяйственная академия,
Россия, г. Кострома

В статье рассматриваются причины появления и широкого использования английских слов в русской речи, приводится пример классификации англицизмов по способам их образования и использования в речи.

Ключевые слова: заимствованный элемент, заимствования, англицизмы.

Процессы глобализации экономики расширяют сферы международного сотрудничества, что влечет за собой языковые изменения. Каждый год в языках встречаются новые слова и понятия, появившиеся в результате заимство-

вания слов, словосочетаний, устойчивых выражений из других языков. Следовательно, заимствование слов – это естественный и закономерный процесс, характерный для любого языка. На протяжении становления и исторического развития российского государства в русский язык так же проникали слова и выражения из других языков.

В настоящее время, как отмечают многие лингвисты, русский язык продолжает претерпевать значительные изменения. Среди основных особенностей современного русского языка ученые (М.А. Кронгауз, А.В. Кравченко, Л.А. Вербицкая, А.П. Сковородников и др.) выделяют десятикратное увеличение числа англицизмов в словарном составе русского языка по сравнению с началом XX века [2]. Англицизмы стремительно входят в повседневную жизнь людей, наполняя улицы рекламами, изменяя речь, представляя новые технологии и предметы быта. Это и различные эмблемы ресторанов, кафе, напитков, продуктов питания, одежды и т.д.

Вслед за С. А. Бойко под англицизмом мы понимаем «любой чуждый русскому языку заимствованный элемент системы английского языка, вошедший в регулярную языковую практику русского общества».

Появление большого количества иноязычных слов английского происхождения, их быстрое закрепление в русском языке объясняется стремительными переменами в общественной и научной жизни: усиление информационных потоков, появление глобальной компьютерной системы Интернета, развитие мирового рынка, расширение международных отношений. Кроме того активизировались деловые, торговые, культурные связи, расцвел зарубежный туризм, что привело к вхождению в русский язык новых слов.

Основными причинами появления в русском языке английских заимствований являются, по мнению Бойко С.А., Гребенюк Ю. А., Дьяков А.И., Кадочникова С. Г., Олейник А.С., Павлушенко С.В. и др. [1]:

1. Потребность в наименовании новых предметов, понятий и явлений (ноутбук, органайзер, сканер).

2. Необходимость выразить при помощи англицизма многозначные описательные обороты (термопот – термос и чайник в одном, пиллинг – крем, убирающий верхний слой кожи).

3. Отсутствие соответствующего (более точного) наименования (спонсор, спрей, виртуальный). Около 15% новейших англицизмов прочно вошли в словарь делового человека именно по этой причине.

4. Необходимость конкретизации значения слова (киллер – профессиональный убийца).

5. Пополнение языка более выразительными средствами (имидж – вместо образ, прайс-лист – вместо прейскурант, шоу-представление).

6. Восприятие иноязычного слова как более престижного (презентация вместо представление, эксклюзивный – исключительный).

Проанализировав причины заимствования английских слов в русский язык можно прийти к следующим выводам [4]:

1. Существуют объективные факторы вхождения англицизмов в быт, теле и радиопрограммы, понятия, связанные с новыми технологиями. Следо-

вательно, есть потребности называть предметы, явления и понятия новыми или другими словами, которые отсутствуют в языке.

2. Англицизмы обогащают русский язык новыми словами, понятиями отражающие политические, экономические и культурные процессы в мире, помогают более точно выразить некоторые понятия и явления, когда мы не можем найти синонимичные выражения в русском языке, способствуют конкретизации значений некоторых слов.

3. Следует отметить, что, будучи международным языком, английский язык не утрачивает свою популярность, а укрепляет ее в русском языке.

Все заимствования по схожим признакам образования можно классифицировать на [3]:

1. Прямые заимствования – слова в русском языке приблизительно в том же виде и в том же значении, что и в языке – оригинале (уикэнд – the weekend; money – деньги, talk-show- токшоу, CD-player- сидиплейер).

2. Калька – слова с сохранением их фонетического и графического облика (basketball, disk, manager, standard, comfort, action, supermarket, website, menu).

3. Полукалька – слова при грамматическом освоении подчиняются правилам русской грамматики (girl – герл, shoes – шузы, драйв – драйва (drive)).

4. Гибриды – слова образованы присоединением к иностранному корню русского суффикса, приставки и окончания. В этом случае часто несколько изменяется значение иностранного слова – источника (аскать (to ask – просить), смайлик (от слова smile – улыбаться), positive – позитив, позитивный).

5. Жаргонизмы – слова, чужеродного происхождения, не свойственные канонам литературного языка (фейс-контроль, дресс-код, ноу-хау). Употребление этих англицизмов обоснованно использованием их в определенных сферах деятельности человека.

6. Иноязычные вкрапления. Данные слова являются выразительными средствами, которые придают речи особую экспрессию (о'кей (OK), hi, oops).

7. Композиты – слова из двух английских слов (second-hand – магазин, торгующий одеждой, бывшей в употреблении).

8. Экзотизмы характеризуют специфические национальные обычаи других народов и употребляются при описании нерусской действительности. Отличительной особенностью данных слов является то, что они не имеют русских синонимов (hacker, realtor, cheeseburger, hamburger, мисс и др.).

Из приведенного примера классификации и причин появления англицизмов очевидно, что объективность их использования приводит к ассимиляции слов в русском языке. При этом часть слов вытесняет имеющиеся аналоги русского языка, а часть со временем уходит из употребления (чаще вместе с явлениями их привнесенными).

Как видно из выше изложенного, англицизмы в современном русском языке явление достаточно распространенное и устойчивое, имеющее причинно-следственный обоснование и кратковременный и долговременный характер.

Список литературы

1. Гаджиев В., Донцова С. В. Англицизмы в русском языке [электронный ресурс] /- Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/067/2888.php>, свободный – Заглавие с экрана.
2. Копнина Г.А. Экология языка и коммуникативная практика. 2014. No2. С. 78-89 [электронный ресурс] / Экология языка и экология речи как разделы эколингвистики – Режим доступа: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Boiko-S.A..pdf>, свободный – Заглавие с экрана.
3. Свиренкова Г.А. Англицизмы в современном русском языке [электронный ресурс] / Раздел: Иностранные языки – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/410377/>, свободный – Заглавие с экрана.
4. Рунтова Н.В., Чугунова Э.И. Влияние англицизмов на русский язык [электронный ресурс] / «Студенческий научный форум – 2016» – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2016/1775/19794>, свободный – Заглавие с экрана.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «KIDULT» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Шевелёва А.С.

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»,
Россия, г. Кемерово

В последнее время социологи, психологи, лингвисты все чаще уделяют внимание такому актуальному явлению, как синдром Питера Пэна, или кидалт, одновременно проявляющий себя как современный лингвокультурный типаж. В статье рассматривается речевой портрет кидалта на материале художественных, а также современных публицистических текстов и форумов.

Ключевые слова: речевой портрет, лингвокультурология, синдром Питера Пэна, кидалт, лингвокультурный типаж, лингвоперсонология.

По мнению С.В. Леорды, «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность», а проблема речевого портрета является частным направлением исследования языковой личности [3, с. 48]. Исследователи выделяют ряд характеристик личности, отражающихся в речевом портрете: возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические.

По мнению ученых, одним из самых важных моментов в описании речевого портрета является фиксация наиболее ярких элементов; в связи с этим описание всех уровней языка не обязательна, а основополагающей является характеристика языковых особенностей и особенностей речевого поведения. В структуре описания речевого портрета Ю. Н. Караулова, который представляет ее как «трехуровневую модель языковой личности», присутствует взаимообусловленность таких понятий как «язык» и «речь»: 1) вербально – семантический уровень; 2) когнитивный уровень; 3) лексикон языковой личности – уровень, который отражает владение человеком лексико-грамматическим фондом языка [2, с. 264].

Речь персонажа с позиции лексики и синтаксиса рассматривает Е.А. Гончарова: «<...> лексический состав фразы дает представление об об-

разно-понятийной сфере персонажа, а ее синтаксическая организация отражает особенности логико-экспрессивного сцепления образов и понятий в процессе их познания». Особое внимание уделяется явлениям повторам и многозначности. По Е.А. Гончаровой, представление об особенностях речевой структуры персонажа дают не только повторы лексического уровня – любимая лексика, лексика социально и территориально окрашенная, – но и тяготение к однотипным синтаксическим конструкциям [1, с. 98].

В гуманитарной области научного знания уже к концу прошлого века была заметна тенденция к комплексному изучению человека. С позиций лингвистики, личность рассматривается как индивидуальный либо типовой носитель коммуникативных норм и речевых проявлений лингвокультуры, на первый план выступает речевой портрет человека; с позиций лингвокультурологии, личность представляет собой лингвокультурный типаж – обобщенный образ личностей, чье поведение и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на лингвокультуру в целом.

Целью данной работы является изучение речевого портрета современного лингвокультурного типажа «kidult», выявление особенностей словарного запаса, и, как следствие, составление цельного образа данной языковой личности.

Лингвокультурный типаж kidult еще называют синдромом Питера Пэна, заключающегося в нежелании взрослого человека стать организованным, самостоятельным, ответственным. Сказочные персонажи Питер Пэн, Маленький Принц, Мэри Поппинс и Карлсон – яркие примеры, отражающие характерные черты человека, который не хочет покидать страну детства. Как утверждают исследователи, данный концепт является перманентным, и, как следствие, зафиксированным, однако называется в разных странах по-разному. В Англии “kippers” (в переводе с разг. англ. «малый, парень»); в Германии “nesthockers” (перевод с немецкого, «последний избалованный ребёнок в семье», а также «взрослый мужчина, живущий с родителями»); во Франции “mammones”, и в Японии “kawaii”.

Самая важная книга, которая наглядно отображает данный лингвокультурный типаж – это книга Джеймса Мэтью Бари «Питер Пэн» [4].

“How old are you?” asked Wendy.

“I don’t know,” said Peter. “But I am quite young. I ran away the day I was born. I didn’t want to grow up, you see”.

Мы видим, что Питер Пэн уверенно и осознанно говорит о том, что он ушёл из реального мира в сказочную страну с момента своего рождения только для того, чтобы оставаться ребёнком навсегда. Главная черта кидалтов – эскапизм (стремление убежать от окружающих стрессов в мир социальных иллюзий). Именно поэтому данному типу присущи такие черты характера, как беззаботность, безответственность, лёгкое отношение к жизни.

“But where did you go?” asked Wendy.

“I went to live with the fairies for a long time,” said Peter.

Речь Питера Пэна насыщена различными словами из мира сказок и волшебства. “Fairies”, “Neverland”, “fairy dust”, “fly with me”, “fly away for an

adventure”. Таким образом, мы видим, что Питер Пэн – это персонаж, который характеризует типаж человека, отказывающегося жить, по его мнению, скучной жизнью взрослых людей.

Обратимся к другим, более современным, печатным изданиям. Известный британский комик и писатель Ричард Херринг, в блоге Richard Herring.com, написал статью под заглавием: «Hey, kidult you are not fooling anyone» о своём образе жизни [5]. В этой статье он осуждает взрослых, которые не умеют быть детьми, и поддерживает тех, кто на середине своей жизни может продолжать дурачиться и радоваться ей.

I turned 40 two weeks ago. Even as I write those words I still refuse to believe them. It doesn't make sense. I still feel like I am 20 . . . unless I am walking up some stairs. I still behave as if I am 20. I am nothing like a 40-year-old.

В данном отрывке проявляется нежелание автора брать на себя ответственность, безалаберное отношение к жизни и возрасту. Он не хочет осознавать, что уже взрослый, и это состояние подкрепляется такими словами и фразами, как «refuse to believe», “it doesn't make sense”, “I still behave”, “I'm nothing like”.

If I stop and think about it my life is pathetic, so generally I don't stop and think about it. I've been in total denial. Which is why I buy trendy, figure hugging T-shirts. Because if I am going to deny the fact that I am old, I might as well deny the fact that I am fat as well.

Заметим, что в данном отрывке одно слово и однокоренные от него явно бросаются в глаза читателям. –“denial, deny”. Боязнь повзрослеть комик всячески обыгрывает иронией, шутками, (“I still feel like I'm 20...unless I'm walking up some stairs”) и, как известно, такой психологический приём является одним из самых эффективных для того, чтобы за одним наводящим вопросом людей не следовал другой. Но в то же время, такими самоироничными шутками (“I might as well deny the fact that I am fat as well”), человек пытается оправдать себя, но в глубине души понимает, что проблема в нем. Откажется ли он от своей позиции не взрослеть? Это останется тайной.

Таким образом, можно сделать вывод, что кидалт- это состояние души человека, который относится к себе и к окружающему миру с юмором, с ярко выраженным эскапизмом и стремлением сбежать в мир, где все кажется гораздо проще. Речь данного типажа отличается самоиронией, короткими, но громкими фразами («It doesn't make sense. I still feel like I'm 20”, “I didn't want to grow up”), простой, разговорной лексикой, насыщенной словами нового поколения.

Список литературы

1. Гончарова, Е. А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте. – Томск, 1984. – 98 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 4-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 264 с.
3. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Саратов, 2006.- 48 с.
4. Barrie J.M. Peter Pan; or, the Boy Who Wouldn't Grow Up. // Hodder & Stoughton. UK, 1904.
5. Herring R. Hey, kidult, you are not fooling anyone.//[http:// richardherring.com/journalism/6495/sunday_times_kidult.html](http://richardherring.com/journalism/6495/sunday_times_kidult.html).

КРЫМСКИЙ ТЕКСТ А.С. ПУШКИНА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ЯВЛЕНИЯ ФРОНТИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН»)

Шелудько М.И.

студентка 6 курса, направление подготовки 45.04.01 – Филология, магистерская программа «Русский язык», Гуманитарно-педагогическая академия, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Россия, г. Ялта

Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Царегородцева С.С.

Крымский текст как продолжение крымского мифа сформировался в литературе XIX века. В условиях возрастающего внимания к сверхтексту крымский текст выходит на первый план проблем современного литературоведения. Обращение к любому аспекту крымского текста как регионального (локального, топического) сверхтекста русской литературы предполагает уяснение творческих интенций русских писателей, обусловленных крымским материалом.

Ключевые слова: крымский текст, сверхтекст, фронтир, А. С. Пушкин, поэма «Бахчисарайский фонтан».

Крым как лингвокультурный феномен повлиял на творчество ряда писателей, а в особенности таких как: М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, С. С. Бобров, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов. Крымскому тексту посвящено большое количество работ российских и украинских филологов и культурологов: Е. К. Беспаловой, М. П. Билык, И. М. Богоявленской, Л. М. Борисовой, Р. М. Горюновой, В. П. Казарина, О. Л. Калашникова, Н. А. Кобзева, С. О. Курьянова, В. В. Курьяновой, А. П. Люсого, М. А. Новиковой, Л. А. Ореховой, И. В. Остапенко и др.

С. О. Курьянов утверждает, что представление о Крыме у древнерусских книжников проходило опосредованно, как у переводчиков произведений древнерусского происхождения [1, С. 3-5]. Исследователь подчеркивает, что воспринимать крымский текст нужно как совокупность запечатленных в художественных произведениях явлений внехудожественной реальности, связанных с центром (ядром) и на этом основании собирающиеся в воспринимающем сознании в единый сверхтекст [1].

В статье Н. А. Купиной, Г. В. Битенской «Сверхтекст и его разновидности» содержится наиболее лаконичное определение термина: «Сверхтекст – это совокупность текстов, высказываний, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, и особыми критериями нормального/анормального» [2, с. 215].

С. О. Курьянов утверждает, что «термин «крымский» «явился своеобразной реакцией на работы В. Н. Топорова, а особенно на его книгу «Петербургский текст русской литературы». Термин «крымский текст» ввел

А. П. Люсый. Крымский текст в русской литературе исходит из крымской темы и крымского мифа (мифа Тавриды) [3, с. 7]. В. В. Курьянова определяет понятие крымский текст как «семантически связанную с Крымом систему представлений о человеке и мире, которая отражает неповторимости крымской земли, является ее знаковой манифестацией и закреплена в произведениях писателя (писателей)» [1, с. 5].

О. Г. Щитова отмечает, что «в XVII веке происходит самое начало формирования качественно нового языкового континуума, исследование которого в аспекте пограничья (фронтира) может стать предметом изучения не только лингвистики, но и других гуманитарных наук» [4, с. 21]. Гипотеза «фронтира» была выдвинута американским историком Ф. Дж. Тернером в конце XIX века. О. Г. Щитова считает, что «фронтир – это исследовательский прием, позволяющий рассматривать взаимодействие культурно-ментальных локальных систем, отраженных в тексте, и направленный на поиски той общей основы взаимодействующих культур, которая либо позволяла состояться фактору идентификации, либо была отвергнута в результате этого взаимодействия» [4, с. 24].

Теория фронтира применима к лингвокультурным подходам изучения крымского текста, так как, начиная с XVIII века происходит не только политическое присоединение Крыма к России, но и его духовное освоение. Крымско-татарские тексты начинают взаимодействовать с русской литературой. Наиболее ярким примером такого рода взаимодействия может служить поэма «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина.

Эпический сюжет произведения чередуется с лирическими отступлениями автора, применяется стихотворный размер – ямб с чередованием женской и мужской рифмы. Рифмовка непостоянная: чередование перекрестной, парной и кольцевой, иногда рифмуются три строчки, а не две. В эпиграфе «Многие, также как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече» [5, с. 412] прослеживается интенция автора указать на древность описываемого места.

Само название занимает сильную позицию и определяет наличие в тексте ядерного концепта «печаль». Топоним «Бахчисарай» в переводе с тюркского означает «садовый дворец», но по легенде фонтан был установлен в мавзолее любимой наложницы хана Дияры и назван «фонтаном слез» или «фонтаном-сельсебиль».

Этимологически лексема «печаль» происходит от производных «забота» и «пека» (жар, зной), то есть буквально означает «то, что жжет». Подтверждением вышеуказанного концепта выступают следующие лексемы и сочетания слов: сумрачное лицо; скука (употребляется в тексте дважды); жёны робки; слезы (употребляются в тексте четыре раза); печаль (употребляется дважды); тягостное ярмо (употребляется в своем переносном значении); страх; горе. Отметим тот факт, что употребление таких лексем как: скука, однообразие, грусть, показывают на наличие в тексте субконцепта «скука».

Наряду с рассмотренными нами концептами в тексте присутствуют два дополняющих друг друга концепта: концепт «красота» и концепт «любовь».

Их наличие подтверждается употреблением следующих лексем и сочетаний слов: цвет (в значении цветения); красота (с производным краса); младость; любовь (употребляется дважды); томный ропот; трепет; песнь; пленительные очи; стройные движения; нежный образ.

На лексическом уровне Крым в поэме А. С. Пушкина воспринимается прежде всего его географическим положением, исторической справкой. Подтверждение того – топонимы, употребляющиеся в поэме: Бахчисарай (дословно в переводе с тюркского – «садовый дворец»), «Салгир» (гидроним имеет таврское, дотатарское, дословно из индоаравийского – «низвергающийся с гор»). Синтез культур прослеживается также на уровне употребления таких лексем: Гирей, Коран, хан, факир, Мекка, этноним татары (с производным – татарская), Восток, гарем.

Крым ассоциируется у А. С. Пушкина как объект флористического наслаждения: лавры, ясени, виноград, пальма. Осознание крымского текста автора ярко выражается на уровне художественных средств выразительности:

Эпитеты, определяющие романтическую направленность поэмы: грозный хан, горделивый повелитель, задумчивый властитель, пленительные очи, равнодушный и жестокий Гирей и др. Подчеркивают восприятие Крыма А. С. Пушкиным в рамках концепта «красота» неологичные сравнения: жены как аравийские цветы в теплице; улыбка Марии сравнивается с ангелом; Зарема как роза в тишине гарема; Зарема как пальма, смятая грозой; желанный свет как новый ангел. Присутствует индивидуально-авторская метафоризация текста: янтарь в устах дымился. Подчеркивает метафоризацию художественный прием синекдохи: грудь вздыхает, грозная рука, сердце отдала, полон грусти ум Гирея.

Особое место в поэме занимают два оппозитивных персонажа: Мария и Зарема. Имя «Мария» по своему происхождению древнееврейское и трактуется как «горькая», «желанная», «безмятежная». На подсознательном уровне имя «Мария» отождествляется с честностью, праведностью, таинственностью. Происходит это из-за соотнесенности данного имени к религиозным началам. В тексте характеристику Марии дает автор как девушке с чистой душой, которая «являлась в образе». Напротив Зарема у автора «дышала» ревностью и «носила» по двору. Имя «Зарема» имеет несколько толкований: 1. «Алая заря»; 2. Советское революционное имя, образованно от словосочетания «за революцию мира»; 3. Имеет персидские корни и образовано от лексемы «зар», что в буквальном переводе означает «золото». Затем этимологию имени начали связывать с лексемой «зарим» – «пожар», «воспламенение огня».

Таким образом, рассмотрев проблему крымского текста на материале поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» на разных уровневых системах языка приходим к выводу, что освоение Пушкиным Крыма происходило на уровне основных отличительных концептов «красота», «любовь», тому подтверждение широкий фон употребления средств художественной выразительности, флористические замечания писателя. Новаторство Пушки-

на состоит в том, что он одним из первых представителей русской художественной мысли, который увидел Крым как репрезентант синтеза культур: крымско-татарской и русской.

Список литературы

1. Курьянов, С. О. На пути к созданию Крымского текста русской литературы. Миф первый. О святости крымской земли [Электронный ресурс]. / С. О. Курьянов // Филология и литературоведение. – 2014. – № 7. – Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2014/07/884>.
2. Купина, Н. А., Битенская, Г. В. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек. Текст. Культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 214-233.
3. Люсий, А. П. Наследие Крыма: география, текстуальность, идентичность [Текст] / Александр Павлович Люсий. – М. : Русский импульс, 2007. – 240 с.
4. Щитова, О. Г. Тюркизмы русских среднеобских говоров в аспекте проблемы сибирского фронта / О. Г. Щитова // Вестник ТГПУ. – 2011. – Выпуск 3 (105). – С. 20-26.
5. Пушкин, А. С. Сочинения в трех томах. Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила / А. С. Пушкин. – М. : Художественная литература, 1985. – 735 с.

РОЛЬ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ ИНТЕРВЬЮЕРА И ИНТЕРВЬЮИРУЕМОГО В ПОСТРОЕНИИ ДИАЛОГА

Шишкина Т.С.

доцент кафедры англ. яз. гуманитарных факультетов, канд. филол. наук,
доцент, Южный федеральный университет, Россия, г. Ростов-на-Дону

Статья посвящена прагматическим особенностям неформальной коммуникации, использованию языковых средств в жанре неформального интервью. Неформальная коммуникация, являясь структурным компонентом социальной коммуникации, обладает следующими отличиями от коммуникации официального характера: специфика субъектной и объектной структуры; условия формирования (неформальный характер обстановки протекания – слабое влияние со стороны формальных социальных структур, высокая доля межличностного взаимодействия, доверительность, важность суждения об информации, а не ее содержания).

Ключевые слова: речевой жанр, речевой акт; неформальное интервью; лингвистическая прагматика; прагматические особенности.

М.М. Бахтин выдвинул идею диалогичности речевого общения, которую можно отнести к принципиальным аспектам понимания речевого жанра неформального интервью. Рассмотрение любого речевого жанра как высказывания в диалоге [4], а также привлечение внимания к определяющей роли внеязыковой действительности в построении высказывания: «Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют – притом, так сказать, изнутри – структуру высказывания» [1, с. 94].

Наблюдения свидетельствуют о том, на уровне диалогического общения, в частности неформального общения на английском языке, обнаруживаются две стабильные тенденции:

- синкретизм с речевым жанром непринужденной беседы хорошо знакомых собеседников;
- употребление констативного речевого акта в функции стимулирующей реплики интервьюера.

Лингвистическая прагматика, исследующая речевое общение вообще и, в частности, теорию речевых актов, направлена на рассмотрение эффективности диалогического взаимодействия [10, с. 36-38]. Успех диалога в неформальном интервью зависит личностных качеств собеседников: интервьюера и интервьюируемого. Наблюдения показывают, что в процессе интервью средств языка используются рационально и оптимально.

Необходимо отметить особенности неформальной коммуникации:

- превалирование эмоций над разумом;
- личностный характер информации;
- отсутствие аргументации;
- сильное влияние социальных стереотипов [5];
- шутки, афоризмы, анекдоты, т.е. сатирические элементы;
- графические элементы (граффити, шаржи, карикатуры) [7, с. 11-12];
- доверие друг к другу, базирующееся на знании участников диалога общего сценария.

Доверие участников интервью друг к другу крайне важно для процесса диалогической коммуникации, поскольку оно закладывает основу разумного понимания – разделение единых для всех истин об объективном мире. Установление речевого контакта, его протекание и размыкание является характеристикой фатического общения.

Фатический характер общения предопределяет частные прагматически маркированные составляющие акта языкового воздействия, в качестве которых выступают, например, «подстройка, присоединение поведения воздействующего к поведению реципиента; этап перехода, использующий систему вербальных и паралингвистических средств перевода интервьюируемого из его данного состояния в измененное состояние сознания; установление раппорта – состояния особого контакта между участниками интервью, при котором интервьюируемый чрезвычайно чутко реагирует на слова интервьюера [6, с. 8].

Эти особенности касаются жанра неформального интервью. При определении термина «речевой жанр» используется понятие, данное К.Ф. Седовым: «...исследовать жанр неформальной коммуникации вне реальности коммуникативного существования, в отрыве от социальных событий, ситуаций, действий, их неречевых и речевых результатов, в отрыве от материального воплощения значило бы упрощать достаточно сложную картину социально-коммуникативных взаимодействий ориентироваться в которой коммуникантам помогает жанровая типизация речевых действий и речевых произведений» [8, с. 11].

«Структура коммуникативной ситуации является одним из ведущих жанрообразующих признаков неформального интервью, структура жанра

именно зависит от характеристик адресата. По своему внутреннему строению неформальная коммуникативная деятельность как структурный компонент социального взаимодействия организована как система. В связи с этим она характеризуется как подсистема социальной коммуникации, под которой понимается движение смыслов (знаний, умений, стимулов, эмоций) в социальном пространстве (коммуникационная деятельность) и времени (социальная память), или как передача и прием социальной информации» [9, с. 27, 39].

Согласно наблюдениям, диапазон обоюдных реакций у партнеров по диалогическому общению можно представить следующим образом:

- *согласующая реакция*, когда совпадают антиципации собеседников; это полная реакция; ср.: констатация – согласие;
- *отсроченная реакция*, когда действие партнера принимается как бы мимоходом; ср.: упрек – переспрос, т.е. ставится как бы под сомнение возможность применения в данной диалогической ситуации коммуникативной схемы упрека;
- *конкурирующая реакция*, т.е. реагирование теми же средствами; ср.: введение одним собеседником одной темы – введение другим собеседником другой темы;
- *игнорирующая реакция*, когда партнер не принимает вклада другого и не реагирует на него.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров [Текст] / М.М. Бахтин // М.М. Бахтин. Собр. соч. в 7 т. – Т. 5. – М.: Русские словари, 1997 – 732 с.
2. Гольдин В.Е. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий [Текст] / В.Е. Гольдин, О.Н. Дубровская // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 5–18.
3. Ильченко С.Н. Интервью в журналистском творчестве [Текст]: Учебное пособие / С.Н. Ильченко. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 93 с.
4. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) [Текст] / М.Н. Кожина // Жанры речи. – Вып. 2. – Саратов: Колледж, 1999. – С. 52–61.
5. Кравченко Я.Ю. Лексико-стилистические и социально-прагматические особенности неформального речевого общения [Текст]: Автореф. дис. канд. филол. наук / Я.Ю. Кравченко. – Майкоп, 2008. – 23 с.
6. Лапшина, А.Ю. Коммуникативная стратегия неявного управления в межжанровом пространстве нарративного интервью (на материале немецкого языка) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Лапшина. – Самара, 2008. – 22 с.
7. Макарова И.В. Неформальная коммуникация (социально-философский анализ) [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / И.В. Макарова. – Ростов н/Д, 2003. – 21 с.
8. Седов, К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистический аспекты [Текст] / К.Ф. Седов / Под ред. О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 180 с.
9. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации [Текст] / А.В. Соколов. – СПб.: Изд-во А.В. Михайлова, 2002. – 461 с.
10. Yule, G. Pragmatics [Text] / G. Yule. – Oxford University Press, 1996. – 139 p.

СТОЛКНОВЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ МИРОВ В ПОВЕСТИ АНТОНИЯ ПОГОРЕЛЬСКОГО «ЛАФЕРТОВСКАЯ МАКОВНИЦА»

Шныптева К.А.

студентка филологического факультета направления «Журналистика»,
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
Россия, г. Брянск

Горяинова Е.Э.

доцент кафедры литературы, Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского, Россия, г. Брянск

В статье рассматривается повесть Антония Погорельского «Лафертовская маковница» с точки зрения столкновения двух противоположных миров: мира людей и мира сверхъестественных существ. Стандартные ценности жизни, пороки, религия порой мешают людям больше узнать об окружающем их мире.

Ключевые слова: повесть, Антоний Погорельский, Лафертовская маковница, ценности, стандартные ценности, ведьма, религия, знания.

Повесть Антония Погорельского «Лафертовская маковница» (1822) – первый национальный опыт романтического фантастического повествования, одновременно явилась и первым произведением, в котором были обрисованы представители нечистой силы. Исследователи отмечают, что творчество Антония Погорельского явно связано с немецкой романтической традицией, в частности, с творчеством Э. Гофмана. [5, 115-164]. В то же время А. Погорельский, создавая свою повесть, опирался на народные сказания о связях людей с потусторонними силами, которые могут как даровать богатство и знания, так и одновременно привести к страданиям и гибели.

Главная героиня повести – лафертовская маковница – ведет двойную жизнь: днем она продает медовые лепешки с маком, а ночью вступает в контакт с нечистой силой: *«Но этот промысл старушки служил только личною, прикрывавшею совсем иное ремесло. В глубокий вечер, когда в прочих частях города начинали зажигать фонари, а в окрестностях ее дома растянулась ночная темнота, люди разного звания и состояния робко приближались к хижине и тихо стучались в калитку. <....> Из красноречивых ее уст изливались рекою пророчества о будущих благах, и упоенные сладкою надеждою посетители при выходе из дома нередко вознаграждали ее вдвое более, нежели при входе»* [1].

Заметим, что рассказчик не относится к маковнице негативно. Он называет ее старушкой, называет ее гадание «ремеслом» и говорит, в первую очередь, о благах, которые она пророчит людям.

Все негативное, связанное с образом маковницы, имеет причинно-следственную связь:

«Правда, что завистливые соседи называли ее за глаза колдуньею и ведьмою» [1], т.е. соседи вкладывали в эти определения негативный смысл.

Но так ли негативны понятия «ведьмы» и «колдуньи» на самом деле? А.Я. Гуревич в «Словаре средневековой культуры» дает следующее определение: *«Ведьма – общеславянское; образовано от глагола «знать»: ведать. Первоначально – «ведающая, знающая» (ср. знахарь), потом – «колдунья». Бранное значение возникло позднее на базе второго значения»* [2, с. 62-66].

В «Кратком словаре этнографических и фольклорных понятий и терминов» В. П. Ойношева читаем: *«Гадание – различные иррациональные способы узнавать неизвестное и предсказывать будущее»* [3, с. 19].

Из этих определений следует, что ничего негативного в ведьмах и гадании, а следовательно, и в деятельности лафертовской маковницы нет, потому что знать больше, чем другие, и пытаться узнать будущее – это явно не является преступлением. Пусть даже это несколько нестандартные знания. Мы учитываем еще и тот факт, что маковница в своих предсказаниях в основном говорила о благах, которые ожидают человека.

Только поздним вечером маковница занималась гаданием. Днем же она была доброй торговкой, которая не только продавала маковники, но и угощала ими: *«Солдаты, стоящие на карауле, любили ее, ибо она иногда потчевала их безденежно сладкими маковниками»* [1]. Значит, «ведьме» не было чуждо милосердие.

Следовательно, негатив исходил именно из зависти людей, как говорит и сам повествователь в произведении. Люди не понимали, как одинокая старушка может жить в таком достатке. Поэтому они озлобились и даже пожаловались в полицию: *«На другой же день явился полицейский, вошел в дом, долго занимался строгим обыском и наконец при выходе объявил, что он не нашел ничего»* [1].

Вполне естественно, что маковница защищалась, возможно, мстила, хотя неизвестно сделала ли она все это на самом деле: *«скоро после того сын доносчика, резвый мальчик, бегая по двору, упал на гвоздь и выколол себе глаз; потом жена его нечаянно поскользнулась и вывихнула ногу; наконец, в довершение всех несчастий, лучшая корова их, не будучи прежде ничем больна, вдруг пала»* [1].

Никому из людей не нравится, когда в их жизнь вмешиваются посторонние. И посторонними могут быть даже родные люди. Здесь дело не в родстве, а в доверии.

Поэтому и Онуфрич при попытке «вразумить» тетушку получил отчаянный отпор:

«– Тетушка! недолго уже вам остается жить на свете; пора показаться, пора отказаться от сатаны и от наваждений его. Старушка не дала ему продолжать. Губы ее посинели, глаза налились кровью, нос громко начал стучаться об бороду.

– Вон из моего дому! – закричала она задыхающимся от злости голосом. – Вон, окаянный! И чтоб проклятые ноги твои навсегда подкосились, когда опять ты ступишь на порог мой!» [1].

Хотя по идее Онуфрич все-таки родной для лафертовской маковницы, но он ведет себя с ней как фанатичный, грубый и глупый человек. Он ничего

не знает и просто сам себе решил, что его тетушка общается с Сатаной, потому что так рассказывали люди. Он примешал молву к тому сокровенному и близкому, что называется семьей.

Конечно, эта глупость и навязчивость Онуфрича рассердили маковницу, и ее реакция вполне естественна, показана даже немного комично для того, чтобы читатель улыбнулся.

Ссора Онуфрича и маковницы вредит и дочери Онуфрича – Маше. Маша – девица на выданье, и она ничем не отличается от других девушек этого мира. Она воспитана на стандартных ценностях: богатый красивый муж, счастливая семья, дети. Она не помышляет ни о чем необычном. Рассказчик не говорит, чем занимается Маша целыми днями, потому что читатель, воспитанный примерно на таких же ценностях, сам вполне может догадаться.

Маша была бесприданницей, и поэтому ее мать обратилась за помощью к маковнице. Маковница забыла обиду и хотела помочь Маше устроить ее будущую жизнь. Но вместе с женихом и деньгами она передала Маше и нечто более ценное – знания.

«Ты, моя Маша, – продолжала она, вялыми губами поцеловав ее в лоб, – ты после меня обладать будешь моими сокровищами; тебя я всегда любила и охотно уступаю тебе место! Но выслушай меня со вниманием: придет жених, назначенный тебе тою силою, которая управляет большею частью браков... Я для тебя выпросила этого жениха; будь послушна и выдь за него. Он научит тебя той науке, которая помогла мне накопить себе клад; общими вашими силами он нарастет еще вдвое, – и-прах мой будет покоен» [1].

Из цитаты следует, что маковница не просто так помогает Маше, а уступает ей «свое место». Что это значит?

Дар не дается ведьме просто так, прежде чем умереть, она должна его кому-либо передать. Ведьмы являются хранительницами врат между нашим миром и мирами иными. И живут они, как правило, не на случайном месте, а на месте так называемой силы – это место, где связь с иными мирами наиболее прочна. Таким местом у лафертовской маковницы был колодец, в который в конце повести Маша выбросила дар старушки, не пожелав его принять: *«Она бросила ключ прямо в колодезь; черный кот завизжал и кинулся туда же; вода в колодезе сильно закипела...» [1].*

Если далее анализировать слова лафертовской маковницы, то можно заметить, что она поступила опрометчиво, доверяя свою тайну девушке, не отличающейся никакими способностями и боящейся ее. Ведь страх – это негативная эмоция и людям удобнее держаться подальше от того, чего они боятся. Это естественный инстинкт самосохранения.

Но в то же время Маша хотела себе жениха, очень боялась, но в глубине души ждала, что бабушка исполнит ее желание. Бабушка и исполнила его, посулив в женихи Маше самого Черта. Почему мы делаем такие выводы? Во-первых, ритуал обращения к Высшим силам описан весьма мрачно:

«Старуха подвинула стол на середину комнаты, из стенного шкафа вынула большую темно-алую свечку, зажгла ее и прикрепила к столу, а лам-

паду потушила. Комната осветилась розовым светом. Все пространство от полу до потолка как будто наполнилось длинными нитками кровавого цвета, которые тянулись по воздуху в разных направлениях – то свертывались в клуб, то опять развивались, как змеи...» [1].

Кроваво-красный цвет – это символ любви и страсти, но в то же время и символ опасности. Тем более маковница не называет «силу», у которой она просит для Маши жениха. Если она просила у Бога, то так бы, скорее всего, и сказала.

Во-вторых, приведем справедливое замечание Е. Леквиевской о том, что, *«окончательно женщина станет ведьмой, когда познакомится с чертом. Черт или вселяется в нее, или поступает к ней в услужение, или сожительствует с нею, но обязательно заключает с ней договор, по которому душа ведьмы после ее смерти достается черту»* [4].

Из этого следует, что жених, обещанный Маше, скорее всего и был Чертом.

Особую роль в повести играет черный кот, который ведет себя совсем неестественно для кота и помогает лафертовской маковнице в ее колдовстве. Он превращается в Мурлыкина, который должен был стать женихом девушки. А когда Маша выбрасывает ключ, он прыгает в колодец вслед за ключом. Возможно, он и был тем самым Чертом в облике кота.

Показателен и тот момент, что волшебный ключ, подаренный маковницей, давил Маше на грудь и пугал ее, потому что ассоциации Маши с этим ключом были изначально негативные. Через этот ключ Маше должно было перейти предназначение, а это не может быть легким.

Судьба Маши была решена тем, что ей полагалось вступить в наследство силы. Но она этого не пожелала, потому что не знала, что это. А люди всегда боятся неизвестного. Тем более, Маша не искала никаких знаний и вряд ли задавалась вопросом о смысле своего существования. Маша – человек эмоций. Она испугалась гнева маковницы – и жила в страхе, влюбилась в Ульяна – и жила в любви и мечтах о счастливой жизни с ним.

Маша меняет предназначение на любовь, и это вполне равноценный обмен, потому что быть предназначенной кому-то и быть предназначенной для чего-то – это части, между которыми можно выбирать.

Отдельно стоит отметить то, что стандартные ценности, которыми руководствовались семья Маши и ее соседи, постепенно все больше и больше превращаются в пороки. Так, любопытство соседей становится завистью и ненавистью. Так, желание устроить жизнь дочери превращается у Ивановны в алчность. Она мучает Машу, забыв о ее страхе и мечтая о несметных богатствах.

Кроме стандартизации жизни, антагонистом действий лафертовской маковницы в повести является религия. *«На другое утро <...> Онуфрич тихонько поднялся с постели, смиренно помолился иконе Николая-чудотворца...»* [1] – Так, помолившись, собирается Онуфрич к маковнице.

Религия в произведении играет больше психологический фактор, нежели сверхъестественный. Чтобы как-то противостоять колдовству, которое считается злой и темной силой, герои повествования прячутся за религией, как за

ширмой. Ритуал похорон не оказывает на маковницу никакого влияния, и она блуждает призраком по дому, напоминая Маше о своей воле. Каждый герой повести видит в смерти маковницы что-то жуткое и потустороннее.

Значит, вера их не спасает, и только самостоятельное и сознательное отречение Маши творит чудеса. Возможно, таким образом автор хотел сказать, что религия – это только воодушевитель, а решения должен принимать исключительно сам человек. Вокруг идет постоянная борьба иных сил, и каждый человек сам решает, как ему быть и какую сторону принять. И это борьба не между силами добра и зла. Это борьба между пороками, инертной жизнью по стандартам и жизнью в поиске себя, стремлением обретения иной мудрости, знаний, силы.

Таким образом в повести складываются два противоположных мира, которые взаимодействуют по следующим параллелям:

Стандартные ценности – Иные знания;

Любовь – Предназначение;

Православная вера – «Те силы».

То, что Маша не пожелала принять дар, – это ее выбор. Но благодаря именно таким людям, человечество и живет обыденно и последовательно, пропуская сквозь себя годы и поколения и по-прежнему опасаясь ведьм, призраков, оборотней и считая их чем-то бесконечно далеким, хотя они, возможно, и ходят по той же земле, что и мы. Люди даже отгородились от них словом «не существует». Но может быть, ведьмы, оборотни и призраки не просто так существуют в сказаниях древних народов? Может, все-таки стоит к ним в чем-то прислушаться, чтобы узнать больше о нашем мире, да и о других мирах тоже? Об этом стоит задуматься человечеству.

Ведь не бывает дыма без огня.

Список литературы

1. Погорельский А. Лафертовская маковница. – URL: http://az.lib.ru/p/pogorelxskej_a/text_0010.shtml (дата обращения: 28. 10. 16)
2. Гуревич А.Я. Ведьма // Словарь средневековой культуры. – М., 2003. С. 62-66.
3. Ойношев В.П. Краткий словарь этнографических и фольклорных понятий и терминов. – Горно-Алтайск, 2011. – С. 19.
4. Леквиевская Е. «Мифы русского народа». URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/myt/hsr/uss/kih/index.htm> (дата обращения: 28. 10. 16)
5. Гофман Э.Т.А. Песочный человек / Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений. В 6-ти тт. Т.3 – М.: Худ. Лит., 1991. – С. 115-116.

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ ЦЕННОСТИ СПЕЦИАЛИСТА

Экомаскин В.А.

учитель, МОУ «Лицей № 26», Россия, г. Саранск

В статье иностранный язык выступает как один из основных факторов, который превращает человека в развитую личность и расширяет его экономическую свободу. В со-

временном мире иностранный язык становится не только инструментом формирования знаний, но и средством общения, показателем профессиональной и коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: язык, языковая компетенция, языковая востребованность, языковое развитие.

Владение иностранным языком – как один из факторов повышения ценности специалиста на рынке труда.

В наши дни знание иностранного языка не только образовательная роскошь, но и карьерная необходимость. Из простого учебного предмета он превратился в базовый элемент современной системы образования, в средство достижения профессиональной реализации личности [3]. Владение иностранными языками становится одним из важных преимуществ при трудоустройстве. Знающие иностранный язык люди востребованы во многих областях человеческой деятельности – логистика, строительство, маркетинг, управление персоналом, организация продаж. Человек, который стремится сделать карьеру, должен знать хотя бы один иностранный язык.

В современном мире нельзя представить себе жизнь современного человека без знания иностранного языка. Современные средства коммуникации ориентированы на людей в той или иной мере владеющие иностранным языком. Интернет, аннотации к иностранным товарам на русском языке не всегда удовлетворяют требованиям потребителя. Знание иностранного языка также необходимо для того, чтобы завести иностранные партнерства, которые в свою очередь приведут к сотрудничеству и деловым связям, то есть расширению международных связей в целом, их укреплению.

Знание иностранного языка является необходимым требованием для многих специальностей, особенно если предприятие оказывает услуги на внешнем рынке или в банковской системе. Многие кадровые агентства рекомендуют всем претендентам присылать резюме на двух языках – русском и английском. В наши дни, когда необходимо быстрее освоить мировые технологии достижения и делать конкурентоспособную выпускаемую продукцию, нужно интенсифицировать процесс подготовки высококвалифицированных специалистов, владеющих иностранным языком. Тем самым иностранный язык становится объективно необходимой общественной ценностью. Специалисты со знанием иностранного языка требуются большому числу компаний и учреждений, а имеющийся спрос на языки подталкивает деловых людей и преподавателей на открытие курсов иностранных языков, лингвистических центров и других учебных заведений, предлагающих услуги по обучению иностранным языкам. Многими социологическими опросами фиксируется следующая закономерность: чем свободнее человек владеет иностранными языками, тем лучшие перспективные возможности он имеет. Иностранный язык позволяет найти работу в лучших перспективных компаниях. А для перспективных компаний характерно быстрое обновление специальных знаний, приобретение которых специалистами возможно лишь при наличии у них фундаментальных знаний, в том числе языковой подготовки как инстру-

мента поиска необходимой информации. В наши дни глобализация в различных сферах экономики приобрела огромные масштабы. Поэтому работодателям требуются специалисты, владеющие несколькими иностранными языками, они смотрят на способности человека пользоваться иностранным языком в своей профессиональной деятельности, возможностью общения на языке клиентов, понимать их привычки, менталитет, национально обусловленные особенности и тонкости ведения бизнеса [2]. Специалист, умеющий читать и понимать иностранный язык, во-первых, намного быстрее будет в курсе развития мировой науки и техники, а также в курсе последних разработок в той или иной области человеческой деятельности и, во-вторых, он быстрее будет внедрять в развитие нашей экономики все ценное и передовое в мировой науке и технике с наименьшими затратами. Работая в условиях глобализованного коммуникационного пространства и используя сетевые ресурсы, специалисту приходится работать в условиях, когда знание нескольких языков становится необходимостью. Поэтому работодатель заинтересован в кадрах владеющий несколькими иностранными языками и уровень владения должен обеспечивать эффективное профессиональное общение. Кроме того, работать с зарубежными партнерами намного проще, если владеешь информацией из «первых уст».

В настоящее время происходит активная интеграция России в мировое культурное и экономическое пространство. Все больше наших сограждан в своей повседневной деятельности вовлекаются в непосредственное взаимодействие с людьми других стран. Происходит межкультурная коммуникация на бытовом и профессиональном уровне. Такое взаимодействие, контакты, обмен опытом не могут происходить без владения иностранным языком. Процесс интернационализации общества привело к смешению национальных традиций, усилению сотрудничества между нациями. Принятое решение российским правительством о создании в ряде регионов свободных экономических зон также повышает спрос на специалистов иностранных языков и их значимость. Необходимость усиленного обмена информацией в рамках будущего единого образовательного пространства также требует интенсивного изучения иностранных языков [4].

Знание иностранных языков – это норма для современного человека, который любит путешествия и думает о продвижении по карьерной лестнице. Изучение иностранных языков способствует формированию организаторских и коммуникативных способностей, которые очень важны в профессиональной деятельности менеджера. Специалист, имеющий всестороннюю подготовку и большую практику в своем деле, владеющий иностранными языками имеет хорошие перспективы при трудоустройстве по всему миру. Программисты, веб-дизайнеры, маркетологи, копирайтеры – все эти специальности пользуются большим спросом и всеобщим признанием. Овладеть такого рода профессией без языка невозможно, вся работа ведется на компьютере, а язык компьютера – английский. Знание иностранного языка действительно сказывается и на зарплате специалиста. Например, фиксированная часть зарплаты специалиста отдела продаж без знания языка 50-60 тысяч рублей, а у

специалиста, работающего с китайским рынком – 150 тысяч рублей. Многим компаниям требуются специалисты технического профиля со знанием двух иностранных языков. Их заработная плата будет на 20-30% выше по сравнению с теми, кто не владеет знаниями иностранных языков. Очень редко можно встретить выпускника технического вуза, владеющего несколькими иностранными языками. Поэтому компаниям приходится брать на работу человека с лингвистическим образованием, обучать его основам технической поддержки. Но если на работу устраивается специалист с техническим образованием и владеющий иностранными языками, то его заработная плата будет в разы выше. Изучение иностранных языков способствует формированию организаторских и коммуникативных способностей, которые очень важны для профессиональной деятельности инженера, менеджера. Он должен ставить и решать задачи, связанные с его работой, проводить исследования, владеть передовыми навыками управления коллективом. А знание иностранных языков обеспечивает доступ к зарубежным источникам информации. Соискатели, как правило, не могут претендовать на повышенную зарплату только потому, что знают один или два иностранных языка. Работодатель также обращает внимание на личностные качества будущего сотрудника, его опыт и профессионализм. Тем не менее, если соискатель владеет двумя и более иностранными языками, работодатель может закрыть глаза на некоторые моменты, например, небольшой стаж работы. И чем выше будет должность, тем строже будут требования к знаниям иностранных языков.

В последнее время усиливается спрос на специалистов, знающих помимо европейских языков восточные языки, владеющие знаниями азиатской культуры, особенностями ведения бизнеса. Арабские страны часто приглашают на работу с переездом квалифицированных специалистов. Поэтому знание арабских языков в данной ситуации является действительно востребованной. Специалисты высокого уровня занимают ведущие позиции во многих отраслях страны.

То, как отражается знание иностранных языков на уровень зарплаты сотрудников, показано в исследованиях, проведенных исследовательским центром портала SuperJob.ru. К примеру, секретарь применяющий на практике иностранный язык, получает оклад на 20-25% больше, чем оклад секретаря с не столь высоким уровнем знания иностранного языка. Бухгалтер или юрист, бегло изъясняющийся на английском языке, больше на 20-30%, инженеры – на 10-30%, менеджеры по продажам на 10-20%. Уверенное знание иностранного языка повышает размер зарплаты [5]. Как показали исследования, соискатели, владеющие иностранными языками востребованы в российских компаниях. Знания иностранных языков повышает размер зарплаты, это важный плюс при трудоустройстве на работу. Но не стоит забывать и о профессиональных качествах, навыках и знаниях кандидата.

Знание иностранного языка – это статус компании. Сотрудники компаний, оказывающих услуги на внешнем рынке или в банковской сфере, должны знать хотя бы базовые знания иностранного языка. Может возникнуть ситуация, когда придет необходимость в их применении. И тогда руководство

компания будет ждать от вас его свободного применения и результата, а не оправданий, что у вас не было свободного времени или плохая память. Поэтому многие компании, которые ведут переписку на иностранном языке со своими партнерами, приглашают специалистов из зарубежных стран, очень трепетно относятся к своей репутации, тщательно подходят к подбору кадров. Знание иностранного языка на уровне Intermediate становится необходимостью для кандидата при приеме на работу. И если найти работу без знания иностранных языков пока еще возможно, то продвижение по карьерной лестнице в компании заметно труднее. И чем больше языков специалист знает, тем большими конкурентными преимуществами он обладает особенно в тех компаниях, где работают сотрудники из разных стран. Знание иностранных языков показывает профессиональную квалификацию, так как иностранные языки являются не только определенным объемом знаний, но и средством достижения и приобретения новых [1]. Профессиональный иностранный язык – важнейшее средство профессионального межличностного и межкультурного общения, без которого невозможно развитие международных связей. Расширение и качественные изменения характера международных связей, интернационализация всех сфер общественной жизни делают иностранные языки востребованными и реально необходимыми в практической и интеллектуальной деятельности человека.

Знание языков, умение их изучать – это тот талант, который можно применить в различных направлениях. Профессии, связанные с иностранными языками, разнообразны и интересны. Для одной работы необходимы знания одного языка, для другой – два и больше. Это и учитель, который объяснит все тонкости произношения иностранного языка, научит письму и чтению, переводчик – специалист, который должен знать не только язык, но и обязан иметь высокие знания о политике, искусстве, культуре. Экскурсовод-профессионал, который наряду со знанием иностранных языков, должен обладать хорошей дикцией, иметь такие качества как стрессоустойчивость, коммуникабельность, хорошо преподносить информацию слушателям, литературовед, лексикограф, расшифровщик, дипломат. Люди, профессия которых не связана с языками, также должны знать иностранный язык. Например, продавщица в универсаме или официант в ресторане должны владеть иностранным языком, чтобы понять иностранца. Закройщица в своей работе может пользоваться иностранными журналами мод. Бизнесмены, спортсмены, артисты часто бывают за границей, и им приходится разговаривать на иностранных языках. Иностранные языки расширяют наш мир, делают нас богаче. Как сказал Гете: «Человек столько раз человек, сколько иностранных языков он знает». Владение иностранными языками помогает открыть перед человеком большие возможности: ему легче общаться с иностранцами, работать за границей, путешествовать и познавать мир.

Знание иностранных языков – это норма для активных и целеустремленных людей. Знание иностранных языков значительно расширяет наш кругозор, наши перспективы. Знание иностранных языков – это залог успешной карьеры, эффективного общения, приятного отдыха. Конечно, изучение ино-

странного языка – дело не простое. Главное – это вера в себя и сильное желание. Знание иностранного языка – это гордость, опора и самоутверждение. Оно делает духовный мир людей богаче, учит выражать свои мысли кратко и четко.

Россия ведет торговлю со многими странами. С каждым днем растет число совместных предприятий, расширяются деловые связи, много людей уезжают за границу, испытывая трудности из-за незнания иностранного языка. Поэтому значение иностранных языков в жизни современного человека, да и в обществе в целом очень велико.

Список литературы

1. Богомолова А.Ю. Соколов Ю.В. Иностранный язык как средство профессионально – личностного обучения. – Вестник ОГУ 3, 2000. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/inostranny-yazyk-kak-sredstvo-professionalno-lichnostnogo-obucheniya>.
2. Буданова А.И. Владение иностранными языками как фактор конкурентоспособности на отечественном рынке труда // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. №13. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vladienie-inostrannymi-yazykami-kak-faktor-konkurentosposobnosti-na-otechestvennom-rynke-truda> (дата обращения: 05.09.2016)
3. Войтович И.К. Иностранные языки в контексте непрерывного образования// Министерство образования и науки РФ Удмуртский государственный университет Институт иностранных языков и литературы. НОЦ «Инновационное проектирование в мультилингвальном образовательном пространстве». – Ижевск 2012. URL: www.studfiles.ru/preview/1667028
4. Сарычева В. В. Иностранный язык как средство постижения другой культуры и приобретения новых знаний //Доклад на методическом объединении ГОАПОУ «Липецкий индустриально-строительный колледж» «Иностранный язык как средство постижения другой культуры и приобретения новых знаний». – Липецк, 2016. URL: <http://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2016/05/20/inostranny-yazyk-kak-sredstvo-postizheniya>.
5. Уверенное знание иностранного языка повышает размер зарплаты. URL: <https://www.superjob.ru/community/career/30114/>

Подписано в печать 10.11.2016. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,07. Тираж 100 экз. Заказ № 271
ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а